

Е.М.АЛЕКСЕЕВА

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е.М.АЛЕКСЕЕВА

ГРЕЧЕСКАЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА

МОСКВА «НАУКА» 1991

ББК 63.4
А 47

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В. С. ДОЛГОРУКОВ

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
В. Д. Кузнецов, Е. А. Савостина

Алексеева Е. М.

Северная колонизация Северо-Западного Кавказа.— М.: Наука,
А 47 1991.— 144 с.
ISBN 5—02—010017—X

Книга рассказывает об античных поселениях на Черноморском побережье
Северного Кавказа в районе города Анапы в VI—V вв. до н. э.

Впервые публикуется обширный материал из раскопок поселений и некро-
полей, среди которых как рядовые предметы материальной культуры, так и
высокохудожественные; рассматриваются также вопросы торговли и взаимо-
отношения греко-поселенцев с местным населением.

Для археологов, историков.

А 0504000000—257 91—91 (I полугодие)
042(02)—91

ББК 63.4

ISBN 5—02—010017—X

© Издательство «Наука», 1991

Перечисляя города Азиатского Боспора, древние авторы называют в их числе Синд, Синдик, Синдику, деревню Синда и Синдскую гавань. Эти сведения собраны И. Т. Кругликовой¹, однако еще раз перечислим древние упоминания в связи с новыми открытиями, очевидно, имеющими отношение, по крайней мере, к одному из этих пунктов.

В V в. до н. э. Геродот (IV, 86) сообщает, что синдика находится на берегу Понта Евксинского и удалена на 3300 стадиев от Фемискиры на р. Фермонте, проплыть это расстояние можно за 3 дня и 2 ночи. Скорее всего, Синдика здесь подразумевается как пункт (равно порт). Указывается удаленность его от Малой Азии. В этом месте, определяет Геродот, Понт шире всего.

Помпоний Мела (I, 111), писавший в I в. н. э., но пользовавшийся сочинениями Гекатея Милетского и других авторов VI—V вв. до н. э., упоминает город Синд, находившийся в земле синдонов, основанный самими жителями страны. Синдов он размещает у пределов Меотиды и называет среди диких и необразованных племен.

Раньше других Синдскую гавань называет перипл IV в. до н. э., приписываемый Скимну Кариандскому. В нем этот центр назван среди эллинских городов, расположенных в синдских землях (*Ps.-Sculac., Per.* 72—74).

В безымянном землеописании 90 г. до н. э., относимом к Скимну Хиосскому, можно прочесть, что Синдская гавань населена эллинами, пришедшими из ближайших местностей и расположена на острове (*Ps.-Scymn.*, 886). Эти же сведения повторены в гораздо более позднем перипле Анонима (*Ps.-Arr.*, 74). Автор землеописания пользовался ранними источниками и сам этого пункта не посещал.

Страбон, завершивший, как полагают, написание своего труда к концу I в. до н. э., указал, что за Синдикой и Горгиппией, что на море, начинается гористое побережье ахеев, зигов и гениохов, почти лишенное гаваней (*Strabo.*, XI, 2, 12). Очевидно, здесь Синдику следует понимать как область. Горгиппия же находилась на ее границе. В другом месте (VII, 4, 6) Синдика определена Страбоном как центр земледельческой территории — это название, скорее всего, относится к отдельному пункту. Указано также, что Синдская область расположена у моря (XI, 2, 1). Синдскую гавань Страбон локализует на расстоянии 180 стадиев от Корокондамы и на расстоянии 400 стадиев от Бат, селения с гаванью (XI, 2, 14).

Для исследования положения римских крепостей Арриан, путешествовавший во II в. н. э. по Северному Причерноморью и Кавказу, по не плававший далее Диоскуриады, указал расстояние от Синдики до Панти-

капая, равное 540 стадиям, и от Святого Порта (современного Геленджика?) до Синдики, равное 300 стадиям (Агр., 28, 29). 540 стадиев составляют около 98 км, что соответствует расстоянию по морю от Керчи до Анапы; 300 стадиев близки 55 км.

Птолемей, живший около 90—160 гг. и составивший сводку географических названий античного мира, указал на своей карте Синдскую гавань и на некотором расстоянии от нее разместил деревню Синду (*Cl. Ptol.*, V, 88).

Элий Геродиан (170—240 гг.) называет город Синдик и считает, что он граничит со Скифией (*Herodian*, 152, 8). Это указание повторено в Географическом словаре Стефана Византийского, жившего после 400 г. Под словом *Συνδικος* у него написано, что этот город, имеющий гавань, некоторые называют Горгиппией (SC, I, с. 266).

Безымянный автор перипла V в., условно Псевдо Арриан, отождествил Синдику и Синдскую гавань, сообщив, что в его время этот пункт назывался Эвдусианой по имени живущего там народа, говорящего на готском языке (*Ps.-Arr.*, 62). Псевдо Арриан, а до него и Стефан Византийский черпали сведения относительно Синдского Порта у древнегреческих географов.

Таким образом, древние авторы шесть раз упоминают Синдскую гавань (Скимн Кариандский — IV в. до н. э., Скимн Хиосский — около 90 г. до н. э., Страбон — конец I в. до н. э., Птолемей — первая половина II в., дважды Псевдо Арриан — V в.), четыре раза называют пункт Синдику (Геродот — V в. до н. э., Страбон, Арриан — II в., Псевдо Арриан), дважды называют Синдик (Элий Геродиан — 170—240 гг., Стефан Византийский — позднее 400 г.) и по разу называют Синд (Помпоний Мела — I в.) с деревней Синдой (Птолемей). В перипле V в. пункт с названием Синдика отождествлен с Синдской гаванью, размещен на острове и назван готской Эвдусианой. В перипле анонимного автора указано, что от Гермонассы до Синдской гавани живут синды, являющиеся варварами, но обладающие мягкими нравами (Анон. peripl. P. Eux., 65). Большинство перечисленных свидетельств сообщает сведения, заимствованные из источников с неизвестной для нас достоверностью, и относятся к тому времени, когда данный пункт мог переменить свое название. Наибольшую значимость для нас имеют точные указания Страбона и Арриана, а также свидетельство Помпония Мелы, пользовавшегося Трудami древних греческих писателей, отмечавших современную им ситуацию.

Приведенные казалось бы незначительные сведения древних авторов широко привлекались исследователями, стремившимися локализовать указанные пункты и более позднюю Горгиппию. Мнения историков здесь не единодушны как и противоречивые древние свидетельства.

В прошлом столетии князь А. А. Сибирский² и вслед за ним М. И. Ростовцев³ считали Синдскую гавань и Горгиппию разными пунктами, полагая, что Горгиппия возникла на месте догреческого Синдика — резиденции царей синдского государства. Синдскую гавань же они предлагали размещать вблизи станиц Витязевки и Благовещенской, в районе дельты р. Кубани, в глубине Кизилташского лимана. Сейчас эта точка зрения поддержана М. В. Агбуновым⁴. В основе такого предположения лежит свидетельство Страбона о том, что Синдская гавань расположена

в 180 стадиях на восток от Корокондамы. Исходя из длины стадия в 185 м, получим расстояние в 33 км. От мыса Тузлы (Корокондамы) оно приведет нас по морю и суше в район Кизилташского лимана. На южном берегу смежного с ним Цукурского лимана (ныне совхоз Янтарь) есть значительное по величине городище. Оно не исследовалось. Собранная на его распаханной поверхности В. С. Долгоруковых керамика охватывает широкий промежуток времени — с VI в. до н. э. (части хиосских амфор с воронкообразным горлом) до средневековья (стеклянный браслет) ⁵. Это городище исключительно удачно укрыто в глубине лиманов и располагает удобным подходом к воде. Наиболее уязвимая для внешней опасности сторона его по-видимому была укреплена рвом. При осмотре городища по свежей пахоте мной также были найдены обломки черполаковых сосудов V в. до н. э., части амфор более позднего времени и фрагмент ребристого браслета из синего стекла. В древности городище располагалось на острове и существовало с периода ранней античности до средневековья.

Около станицы Благовещенской нередко упоминается довольно крупное Бугазское городище ⁶. Место нахождения его и характер подъемного материала на нем мне не известны. В прибрежной зоне Благовещенки мной выявлены места отдельных находок амфорных обломков, но не ранее IV в. до н. э.

400 стадиев (70—74 км) от Синдской гавани до страбоновых Бат, которые исследователи размещают в Новороссийской бухте, уводят за пределы Анапы, расстояние которой от Новороссийска по морю не превышает 45—50 км. Обследование побережья от Анапы до Благовещенки не выявило следов сколько-нибудь значительного поселения с подъемным материалом VI—V вв. до н. э. которое можно было бы назвать древним портом и которое могло быть известно древним географам. В то же время. 540 стадиев Арриана между Пантикапеем и Синдикой (около 98 км) приведут по морю из Керчи в Анапу. Его же 300 стадиев (около 55 км) от Святого Порта до Сипдики соответствуют расстоянию от Гелепджика до Анапы.

Ф. Брун ⁷, А. В. Оршеников ⁸, А. Н. Зограф ⁹, Д. П. Каллистов ¹⁰, Е. Д. Блаватский ¹¹, Д. Б. Шелов ¹², И. Т. Кругликова ¹³, т. е. большинство занимавшихся этой проблемой исследователей отождествляли Синдскую гавань с более поздней Горгиппией. В. Д. Блаватский полагал, что прежнее название города исчезло не сразу, а продолжало употребляться еще долгое время.

В. Ф. Гайдукевич ¹⁴ и А. И. Болтунова ¹⁵ высказались за отождествление Синдской гавани с Синдиком. Вместе с Горгиппией они локализируют все три пункта на месте Анапы.

Опубликованные ранее предположения исследователей по данному вопросу строились только на логическом анализе противоречивых письменных свидетельств. Ныне мы располагаем твердыми данными, подтверждающими существование на берегу Анапской бухты значительного поселения последней четверти VI и V вв. до н. э. Полученные в результате археологических исследований, они позволяют предполагать более обоснованно, что выявленное на берегу Анапской бухты раннее поселение имеет право называться, по крайней мере, одним из перечислен-

ных названий. Исходя из указанных древними авторами расстояний, наиболее правомерным мне представляется видеть в этом значительном поселении Синдик.

Еще М. И. Ростовцев обратил внимание на то, что раскопки курганного некрополя в окрестностях Анапы дали ранние материалы¹⁶. Разведки В. Д. Блаватского, произведенные в Анапе в 1947 г., обнаружили некоторое количество керамических обломков VI—V вв. до н. э.¹⁷ Подобные находки встречены и в раскопах И. Т. Кругликовой 1960-х годов. Отдельные осколки ранних сосудов постоянно отмечаются в культурном слое более поздней Горгииппии (табл. 5, 6) при всевозможных земляных работах в Анапе и в сыпях морского берега (главным образом, в оползнях перед гостиницей «Анапа»). Эти робкие штрихи, которые стали появляться с началом систематических исследований в Анапе, позволили предполагать наличие где-то под новым городом нетронутого культурного слоя VI—V вв. до н. э. Это место оставалось неизвестным до 1982 г.

¹ Кругликова И. Т. Горгииппия в эпоху Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1.

² *Sibirsky A. A. Catalogue des medailles du Bosphore Cimmerien. SPb., 1859. P. 237.*

³ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 293.

⁴ Азбунов М. В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 90.

⁵ Место расположения городища с имеющимися о нем сведениями мне любезно сообщены В. С. Долгоруковым, за что я приношу ему искреннюю благодарность.

⁶ Азбунов М. В. Античная лоция...

⁷ Брун Ф. К. Черноморье. Исследование по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Т. 2. С. 270.

⁸ Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМІ. 1922. Т. 2. С. 122.

⁹ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 116.

¹⁰ Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху // ВДИ. 1953. № 1. С. 102.

¹¹ Блаватский В. Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 20.

¹² Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 43.

¹³ Кругликова И. Т. Синдская гавань, Горгииппия, Анапа. М., 1975.

¹⁴ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 216.

¹⁵ Болтунова А. И. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 145.

¹⁶ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 295—297.

¹⁷ Блаватский В. Д. Разведки в Анапе // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 245—248.

Впервые в 1969 г. в строительной траншее Анапы вдоль ул. Кубанской под восточной частью горгиппийского городища выявлено 10 грунтовых могил. Из трех могил извлечен погребальный инвентарь, относящийся к V в. до н. э.¹ Так, впервые в 1969 г. обозначилось место некрополя того поселения, которое предшествовало Горгиппии. За последние 15 лет представление о раннем некрополе расширилось. В эти годы начал исследоваться широкими площадями северо-восточный угол Горгиппии, выделенный в Анапе для создания археологического заповедника. Южный край этого участка тянется вдоль ул. Кубанской, где в 1969 г. и были обнаружены первые могилы раннего поселения. При раскопках на участке заповедника под культурным слоем Горгиппии вновь обнаружены могилы с погребальным инвентарем V в. до н. э. Все они группируются только на участке к югу от Широкой улицы Горгиппии. Сейчас вдоль южной части заповедника раскопано 17 погребений жителей раннего поселения, предшествовавшего Горгиппии. Первоначально их было, конечно, больше — здесь располагался насыщенный погребениями обычный участок некрополя. Большая часть могил уничтожена глубокими подвалами городища, главным образом II в. н. э., впускаясь частично даже в скалу. Могилы раннего некрополя обычно расположены на границе скальных пород и материковых глин*. Они уцелели в лакунах между подвалами и ямами Горгиппии, а также другими глубокими перекопами более позднего города.

Итак, под ул. Кубанской раскопаны 3 могилы V в. до н. э. под южной частью заповедника — 17 (описание см. в приложении I). Одна могила исследована около Русских ворот Анапы на участке горгиппийского некрополя. Таким образом, к 1988 г. на некрополе раннего поселения, предшествовавшего Горгиппии, раскопана 21 могила (табл. 2, 7—17). Крайним к востоку является погребение у Русских ворот Анапы. В настоящее время оно определяет рубеж раннего некрополя в этом направлении. То обстоятельство, что все известные погребения расположены только к югу от Широкой улицы, позволяет предполагать, что последняя сформировалась на месте дороги, выводящей из раннего поселения. Это наиболее важное направление. На севере и западе располагалось море, к югу — опасные в военном отношении предгорья. Восточное направление связывало с плодородными землями, всей Синдикой, торговыми партнерами. Следовательно, главная дорога должна была выводить на восток.

* В Анапе эта граница не стабильна, скальные пласты поднимаются гребнями к поверхности земли.

По южную сторону этой дороги к востоку от поселения разместился его некрополь.

Указанные 21 могила дали очень важную информацию. Зафиксированные черты погребального обряда со всей определенностью позволяют говорить о преобладании греков среди населения раннего поселения. Найден великолепный краснофигурный кратер, использованный как урна для погребения праха умершего. Раскопано детское захоронение в хиосской амфоре. Обнаружено надгробие с эпитафией на ионийском диалекте². Обряд кремации, погребение в амфоре, установка надгробия с греческим текстом, одиночные захоронения, — все это определяет причастность к античной культуре. В известной мере к ней может быть отнесено использование обычных грунтовых могил и вытянутое положение умерших головой на восток. Необходимо отметить также абсолютное преобладание среди погребального инвентаря предметов, относимых обычно к античной культуре. Обращает на себя внимание отсутствие в раскопанных погребениях местных форм керамики. Тем не менее, в исследованных захоронениях можно выделить ряд черт, присущих, безусловно, местному обряду погребения: устройство могил, вытянутых вдоль оси север—юг, скорченное захоронение умерших, использование для подстилки морской травы, положение в могилы оружия местных типов и красной краски, устройство чрезвычайно распространенных в окрестностях Анапской бухты каменных ящиков и кольцевых оградок из камня. Выявленные особенности погребального обряда позволяют предполагать присутствие среди населения раннего полиса местных жителей. Очевидно, последние влились в его среду и восприняли греческий образ жизни. В быту население пользовалось изделиями, преимущественно завезенными из Средиземноморья.

Установив в 1969 г., а также более поздними исследованиями место некрополя раннего поселения, долгое время еще оставалось не выясненным, где жили люди, хоронившие умерших вдоль южной границы нынешнего археологического заповедника. Этот вопрос прояснился только в 1982 г. во время исследований на месте строительства спального корпуса пансионата «Океан» у юго-западного крыла гостиницы «Анапа» (табл. 1: № 105; 2, 3). Здесь впервые выявлены нетронутые участки культурного слоя VI—V вв. до н. э. со строительными остатками в нем. Следует ожидать, что раннее поселение простиралось от места исследований 1982 г. к западу не менее, чем на 400 м*. Вся эта местность примыкает к морю и расположена на слегка возвышенном плато. Необходимо отметить также, что основную часть раскопа «Океан» 1982 г. занимал горгиппийский дом № 50, погибший во всеобщем пожаре города около 240 г. н. э. При нем раскопано 6 глубоких подвалов и впущенная в грунт винодельня. Доведенные до скалы и частично в нее заглубленные подвалы поздней Горгиппии, а также значительные перекопы нового времени уничтожили на данном участке большую часть культурного слоя раннего

* В Анапе в Парке Победы вблизи памятника с Вечным огнем в честь Героев Великой Отечественной войны при бурении скважины извлечены черепки V в. до н. э.: пухлые горла хиосских амфор, фрагментированный ионийский аск (табл. 1: № 106), части чернолаковых сосудов.

поселения. Он уцелел только под бесподвальной частью горгиппийского дома 50.

Поселение на берегу Анапской бухты возникло во второй половине VI в. до н. э., ближе к последней его четверти. Как и в других местах Северного Причерноморья первые поселенцы разместились здесь в небольших полуземлянках, заглубленных в грунт на 1—1,4 м. Под первым корпусом пансионата «Океан» сохранились две полуземлянки, третья уходила в северо-западный борт и не исследовалась. Поскольку для данного памятника эти сооружения уникальны, остановимся на них подробнее (табл. 3, 18, 19, 21—23, 31, 64).

Уровень дневной поверхности полуземлянок определяется условно по верхней отметке входа в одну из них (—315; нулевой репер соответствует поверхности асфальта на северном борту раскопа). Люди поселились на поверхности глины-белоглазки, килевых глин и скальных выходов (эти породы составляют материковый слой). Полы полуземлянок зачищены на глубинах —407 и —460.

Полуземлянка 1* представляла собой двухчастную конструкцию, вытянутую вдоль оси север—юг. Основная часть площадью около 4 м² имела по дну вид овала (2,4×1,8 м), вытянутого с запада на восток и впущенного в материк на 1,3 м. По северо-западному краю овала уцелела каменная дуга обклада в один ярус кладки. С севера к обкладу примыкала входная площадка, поверхность которой располагалась на отметке —400. Ширина входа достигала 1,4 м. Пол прохода, впущенный в материк на 0,6—0,7 м, имел наклон в сторону ямы и при переходе в нее образовывал порог высотой 0,6 м. Очевидно, в древности на середине этой высоты располагалась каменная ступенька.

Сооружение целиком заполнял глинистый грунт различного характера. У дна ямы выявлена тонкая прослойка (0,05—0,13 м) темно-коричневой глины-белоглазки, служившая полом. Слежавшийся грунт, заполнявший яму, носил золистый характер и был насыщен угольками. На дне прохода чередовались друг с другом тонкие прослойки угля и серого прокаленного суглинка общей мощностью 0,3 м. Эти же прослойки на уровне прохода частично зафиксированы и в яме (следы сгоревшего каркаса для глиняной обмазки). Над ними по всему сооружению располагалась желтая глина-белоглазка. По-видимому, над заглубленной в землю частью сооружения на каменном основании обклада возвышались глинобитные стены, возведенные на каркасе, возможно, из жердей. Рухнув, они образовали глинистое заполнение ямы. В пожаре каркас сгорел, глина же залегла однородной массой, приобретя золистые примеси. На отметках от —315 до —330, что соответствует поверхности материка на данном участке, выявлена черная угольная полоса шириной не более 0,05 м, изгибы которой близки контурам расположенной ниже полуземлянки. Вероятно, эта линия угля соответствует расположению каркаса для наземных глинобитных стен жилища. Диаметр угольной линии почти на метр меньше диаметра дна ямы, что дает основание предполагать шатровое перекрытие полуземлянки.

* В полевой документации сооружение 15.

Полуземлянка 2* подобно предыдущей представляла собой двухчастную конструкцию, состоящую из круглой в плане ямы с отметкой дна —407 и входной площадки, имевшей наклон в сторону ямы. Пол ее располагался на глубине от —347 до —356. Вход примыкал к яме с северо-запада, ширина его составляла 1,5 м. Диаметр ямы — 2,9 м. Она выявлена на глубине —325, что близко к уровню соответствующей дневной поверхности. Яма прорублена в материковой глине-белоглазке, которая и служила ей дном. Сооружение заполнял коричневый суглинок средней плотности, в верхней части ямы найдено много камней различной величины. В заполнении отмечены включения золы и угольков.

В обеих полуземлянках встречены обломки профилированных частей ранних амфор: пухлогорлых хиосских, со стаканообразными доньями, типа протофасосских, отдельные черепки ионийских амфор с широкими полосами. Обломки первых трех групп амфор смешаны в комплексах примерно в равных пропорциях:

Комплекс	Хиосские	Со стаканообразным дном	Протофасосские	Ионийские с полосами
1	24 обломка (из них 5 ножек)	14 (2)	19 (1)	—
2	13 (—)	17 (6)	27 (10)	2 (—)

Среди обломков круговой посуды найдены части небольших лутериев и мисок с загнутыми внутрь краями, крышка, фрагменты кувшинов на поддонах с четкими очертаниями. Многие круговые сосуды украшены полосами жидкого с металлическим блеском красноватого, коричневого и черного лака. Большинство сосудов сделано из бежевой глины с блестками и белыми включениями, обнаружены верх кувшинчика и дно лутерия из мягкой белой глины, характерной на данном памятнике только для наиболее ранних комплексов.

Лепная посуда изготовлена из рыхлого шероховатого, серого или слегка коричневатого теста, насыщенного кварцевым песком. Распространены крупные плоскодонные горшки баночного типа с различной криватурой изгиба стенок. Некоторые лепные сосуды в виде глубоких мисок или низких горшков слегка залощены.

От чернолаковой посуды в полуземлянках уцелели мелкие осколки стенок открытых сосудов с густым лаком оливкового оттенка и закрытых сосудов с тончайшим слоем темного с металлическим блеском лака, незначительные фрагменты с чернофигурным орнаментом, ручки кувшинов с матовым жидким лаком, ручки скифосов и киликов с пятнами пурпура, носики светильников.

Таким образом, керамика из открытых полуземлянок в основной массе представлена изделиями, привезенными из Средиземноморья. В то же время, формы сравнительно немногочисленных лепных сосудов тяготеют к местным типам меотского образца. Все это свидетельствует о том,

* В полевой документации сооружение 23.

что на самом раннем этапе заселения Анапской бухты устанавливаются тесные контакты прибывших сюда эллинов и местных жителей.

Обе открытые полуземлянки могли быть как жилыми, так и хозяйственными при жилых. Обращает на себя внимание небольшой размер этих сооружений, отсутствие лежанок и очагов, которые, впрочем, могли и не сохраниться. В то же время, в других центрах Северного Причерноморья, где теперь известно достаточное количество подобных построек, среди более крупных по площади встречаются и небольшие, аналогичные раскопанным. Следовательно, ничто не мешает рассматривать нам две открытые полуземлянки как жилище первых колонистов. Такие же постройки различных конструкций исследовались на Березани, в Ольвии, на поселениях вокруг нее, в Нижнем Подпестровье, Нимфее, Пантикапее, на Нижнем Дону³.

Повсеместно распространены жилища площадью 6—14 м², преобладают постройки подпрямоугольного планировочного типа, но встречаются и круглого⁴. Сопоставления с этими строительными конструкциями при учете характера содержащегося материала позволяют отнести открытое в Анапе поселение к разряду известных в Северном Причерноморье поселений греческих колонистов. В последней четверти VI в. до н. э. переселенцы из Средиземноморья жили на берегу Анапской бухты в полуземлянках. Когда здесь появились первые сооружения, основываясь только на двух раскопанных, говорить не приходится. Отметим только, что в культурном слое конца VI—V вв. до н. э. и в напластованиях более поздней Горгииппи встречаются отдельные находки, которые можно отнести к середине VI в. Они могут свидетельствовать о наличии более ранних контактов данной территории со Средиземноморьем. Сейчас же можно утверждать, что заселение греками побережья Анапской бухты относится к третьему, завершающему, этапу ионийской колонизации⁵ — второй половине VI в. до н. э.

Полуземлянки следует рассматривать как временные жилища первых колонистов. Мы не знаем, в каких постройках жило окружавшее описываемое поселение оседлое местное население — следов этих жилищ до сих пор не найдено. Можно предположить, что подобно широкому региону южно-русских степей в приморском предкавказье в начале железного века люди также жили в округлых полуземлянках. На протяжении тысячелетий земляночное строительство было широко распространено в Юго-Восточной Европе, но оно не являлось характерным для материковой Греции и Малой Азии ни периода архаики и классики, ни более позднего времени. Очевидно, поэтому, оказавшись в более суровом климате и не зная еще, как смогут устроиться на новом месте, первые переселенцы восприняли традицию местного строительства, чтобы без больших материальных затрат присмотреться к новым условиям.

Убедившись в возможности дальнейшего проживания на избранном месте, переселенцы приступили к жилищному строительству в знакомых им традициях. Полуземлянки заменяются сырцово-каменными домами. Стратиграфически установлено, что полуземлянку 1 перекрывала стена 4б помещения 8а. Полуземлянка 2 оказалась под полом помещения 14 (табл. 3).

Дом 1 с помещениями 8а и 14 был многокамерным (табл. 3, 19, 20, 28, 31). Помимо помещений 8а и 14 в нем было еще одно, располагавшееся к северо-востоку от стены 46, так как южный конец этой стены оформлен четким срезом, а перед ним выявлен участок пола, который должен был располагаться в проходе между двумя помещениями. Не исключено наличие и других ныне утраченных помещений. В помещении 8а прослежено, как глинобитный пол с сажной поверхностью подмазан к подошве стены 21, он залегал несколько ниже ее. Полы подмазывались и ремонтировались неоднократно. На различных участках помещения 8а выявлены локальные пятна тонких глинобитных прослоек с сажной поверхностью на различных нивелировочных отметках (между —325 и —301).

Так же и с севера к стене 21 на том же уровне подмазан многократно подновлявшийся пол с сажными прослойками на поверхностях. Пятно этих полов занимает площадь около 20 м², что должно отражать реальную площадь помещения 14. Оно пострадало в последующих перепланировках при устройстве перекрывших его керамических трамбовок 80 и 83.

Уцелевшие стены дома оказались достаточно мощными — ширина их в нижнем ярусе достигает 1 м. Они сложены из крупных уплощенных дикарных камней. Поскольку стена 21 сохранила три яруса кладки, можно считать, что помещение 8а функционировало долго, причем, необязательно только в описываемом доме 1, но, возможно, и в каком-то доме более поздней Горгииппии*. С ранним хронологическим периодом можно с уверенностью связать нижний ярус кладки 21 с подмазанными к нему полами — помещению 8а. Стена 46 сложена из очень больших плоских дикарных камней, ширина которых иногда перекрывает кладку целиком. Подошвы нижнего яруса стены 21 и стены 46 лежали на одном уровне на слое темно-коричневого суглинка с вкраплениями мелких древесных угольков и кусочков сырцов желтого цвета. Очевидно, эта прослойка является слоем гибели полуземлянок.

Уровень дневной поверхности второго строительного периода повысился на 0,25 м по сравнению с полуземляночным. К западу от помещения 1 выявлены две большие дикарные плиты с отметкой поверхности —290/—297, возможно они могут быть определены как следы вымостки при этом доме.

Профилированные обломки амфор из дома 1 представлены теми же группами, что и в полуземлянках (заполнение помещения 14 практически утрачено):

Комплекс	Хиосские	Со стаканобразным дном	Протофасосские	Ионийские с полосами
8а	30 всего (из них 5 ножек)	92 (12)	58 (4)	7
14	3	1	1	1

* Строительные объекты на данном памятнике неоднократно разбирались в целях добычи камня для более поздних построек.

Преобладают фрагменты амфор со стаканообразными ножками. Они сделаны из тонкой бежевой глины с серым изломом и редко из рыхлой коричневой глины. Среди ручек этого типа амфор есть одна со светлым лощением. Амфоры из глины фасосского круга отличаются разнообразием диаметров и очертаний венцов. Среди обломков горл и ручек хиосских амфор господствуют фрагменты без росписи. В то же время найдены 8 кусков горл с росписью: с черными и красными полосами по верхнему краю венца, а также с черными и бурными кружками. Встречены обломки ручек (8) с протянутыми вдоль них неширокими красочными полосами.

Круговая посуда, которой пользовались в доме 1, сделана из тончайшей бежевой и светло-желтой глины; роспись состоит из полос различной ширины, нанесенных матовой красной и бурой лакообразной или блестящей красками.

Обнаружены мелкие обломки краев лепных горшков, один из круговых горшков имел коричневое лощение внутри.

Выявлены мелкие фрагменты стенок чернофигурных сосудов, а также сосудов с полосами и волютами, нанесенными жидким лаком. Лак на обломках неодинаков: густой черный с оливковым отливом, жидкий черный с металлическим блеском, сургучно-коричневый и коричневато-оливковый. Он покрывает ручки киликов, края чашек, фрагменты стенок открытых и закрытых сосудов, обломки ойнохой, носики светильников.

Керамический материал из слоя гибели дома 1 одновременно найден в полуземлянках. Следовательно, хронологического разрыва между этими двумя строительными периодами не существовало. Только стратиграфия позволяет утверждать, что полуземлянки были заменены многокамерным домом. Подобное явление отмечено и в других центрах Северного Причерноморья. Так, в Пантикапее за 60—70 лет с конца VI до середины V вв. отложилось восемь пластов⁶. С. Д. Крыжицкий полагает, что в Ольвии начало массового сырцово-каменного строительства можно отнести только к V в.⁷ На рубеже VI и V вв. строились многокамерные дома с каменными стенами или фундаментами в Пантикапее и Тиритаке⁸. Очевидно, и на берегу Анапской бухты, определившись в последней четверти VI в. до н. э. и желая остаться на избранном месте, к рубежу VI и V вв. переселенцы сочли возможным обзавестись обычными для них домами. Дом 1 является одним из первых.

Не известно, что послужило причиной гибели дома 1. Черная сажа на полах и золистые примеси в слое гибели говорят о разрушении огнем.

Так или иначе, но после гибели дома 1 на участке были произведены серьезные перепланировки, в результате чего возникли дома с помещениями 9, 12, 13, 16 (табл. 3, 26—31). Дневная поверхность этих домов повысилась на 0,3 м. Она близка верху мелко-галечных трамбовок (—265), которые образуют нивелировочный слой, выявленный в разных частях раскопа. Он перекрыл слой гибели предыдущих строительных периодов. В свою очередь, помещение 9 дома 2 перекрыло помещение 8а. Таким образом, стратиграфия устанавливает следующую последовательность: две полуземлянки перекрыты домом 1, на развалинах которого сооружен дом 2. Помещения 12, 13, 16 близки помещению 9 по разным показателям: ориентации, величине, уровню размещения многослойных

олов, ширине и характеру кладки уцелевших стен. На этом основании все эти объекты мы относим к одному строительному периоду, условно-четвертому для раннего поселения в Анапе.

Нельзя утверждать, что дом 2 непосредственно сменил дом 1. В северо-восточной части раскопа помимо остатков этих двух построек в культурном слое V в. до н. э. выявлены обрывки стен 33, 34а, 51, 81, 81а, 81б (табл. 3). Некоторые из этих кладок примыкают к стенам помещений 9 и 12, однако характерного сплетения камней, подтвердившего бы одновременность, нет. Следовательно, помещения 9 и 12 сменили какие-то другие более ранние с близкой им шириной и ориентацией стен. Наличие расположенных рядом, почти одинаковых, но все же разных стен 81 и 81а может указывать на то, что перестройка производилась трижды (считая период помещений 9 и 12). Таким образом, между домами 1 и 2 несомненно существовал еще один, третий строительный период (возможно, что и два периода).

Нет ясности также с объектами 80, 82 и 83 (табл. 3). В полевой документации они определены как вымостки. Установлено, что вымостки 80 и 83 перекрыли пол помещения 14. Возможно, они функционировали вместе с перечисленными обрывками стен. Вымостки 80 и 82 лежат на слое светлой мелкокоракушечной подсыпки (ракушки смешаны с коричневым суглинком). Вымостка 80 состоит из уложенных в один ряд мелких дикарных камней, булыжников и гальки. Вымостка 82 сложена из мелких и средних дикарных камней. Некоторые камни положены на такие же нижележащие (непосредственно или на тонкую грунтовую прослойку), что свидетельствует о подсыпках и ремонте.

Вымостка 83 перекрыла горелый слой на полу помещения 14. В свою очередь, она обрезана средним ярусом стены 21. На поверхности преобладали окатанные камни типа гальки. В толще объекта (0,4 м) встречено также много камней, но отмечено и обилие черепков, иногда крупных кусков амфор. Наполняющий грунт — серый, глинисто-золистый. Конструкцию объекта 83 можно объяснить как нивелировочную засыпку нижней части котлована от какого-то помещения (в данном случае 14). Стены последнего были предварительно разобраны на камень, углубление засыпано при перепланировочных работах. С объектом 83 связана керамика как характерная для V в. до н. э., так и более ранняя: полое дно амфоры, ножка самосской амфоры и части амфор с широкими полосами (табл. 24, 25). Засыпанное таким образом углубление на требуемом горизонте (—255) было вымощено мелкими и средними камнями.

К числу неясных объектов относится и обрывок кладки 117 из мелких окатанных и колотых камней с подмазанным к ее северной стороне глинобитным полом (—283). Эти строительные остатки, обозначенные индексом помещения 22, уцелели на площади не более 5 м² (табл. 3)*. На полу помещения лежал слой пожара толщиной 0,2 м — черная сажа и серая зола, насыщенные осколками прекрасной ионийской и аттической

* Остатки помещения 22 выявлены в прирезке 1989 г. к раскопу 1982 г., устроенной для сооружения лестницы корпуса пансионата. Западный борт прирезки вплотную подходил к зданию гостиницы «Анапа», поэтому не представилось возможности расширить раскоп для выяснения характера своеобразного по составу находок помещения 22.

столовой посуды. Именно из этого помещения происходит наиболее ранний из найденных в Анапе сосудов — чернофигурная клазоменская амфора с фигурами трех сирен и сфинкса, с пышными пальметтами и стилизованными бутонами лотоса. Роспись черным лаком по серой глине обильно дополнена белой краской и пурпуром (табл. 65—67). Амфора может быть датирована серединой и даже концом второй четверти VI в. до н. э. Амфора эта, однако, не датирует комплекс, так как вместе с ней найдены куски аттической чернофигурной амфоры последней четверти VI в. до н. э. (табл. 67: 4) и того же времени другие фрагментированные расписные сосуды (табл. 66: 2; 68: 2; 69—71). Уцелевший фрагмент помещения 22 выделяется из всех раскопанных жилищ раннего Анапского поселения отсутствием амфорных осколков и обилием целых форм великолепной столовой посуды.

Дома с помещениями 12, 13, 16 обозначены соответственно индексами 3, 4, 5. Вероятно, они были однокамерными. Обращает на себя внимание тот факт, что дома 2, 3, 4 и 5 IV строительного периода имеют более тонкие стены, чем дом 1 II строительного периода (0,6 м против 1 м). Стены стали узкими еще в III строительном периоде. Смена широких стен узкими косвенно свидетельствует о возникновении в городе оборонительной системы. Это могло произойти около середины V в. до н. э. Возможно, к этому времени поселение на берегу Анапской бухты укрепились подобно Ольвии, Пантикапею, Тиритаке и Фанагории, имевшим в V в. до н. э. крепостные стены из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах шириной 1,7—3 м⁹. В V в. до н. э. постепенно меняется политическая ситуация в Северном Причерноморье. Вместо разрозненных греческих поселений и разобщенных варварских племен здесь складываются первые политические консолидации. Противостояние боспорских городов натиску скифской державы и выявило необходимость возведения оборонительных систем. Геродот (IV, 28) указал, что крымские скифы совершают походы и перегоняют повозки к синдам для устройства удобных зимников и внеэкономической эксплуатации этого народа. Ксенофонт (Сопн., II, 1, 10) также отметил, что «в Европе скифы царствуют, а меоты им подвластны». Естественно, скифы представляли серьезную угрозу для всех греческих полисов — как для Ольвии, так и городов не только Европейского, но и Азиатского Боспора.

В 1962 г. в саду гостиницы «Анапа», позади ее восточного крыла в небольшом раскопе на месте хозяйственного строительства выявлен обрывок стены шириной 2,4 м (табл. 1: № 29; 4: 1). Кладка вытянута с юго-запада на северо-восток и прослежена на протяжении 7 м. Стена имела два панциря из больших тесаных известняковых камней с мелкокаменной забутовкой в середине. В отчете Г. А. Цветаевой¹⁰ эта стена отнесена к I в. до н. э.— I в. н. э., однако никакой подтверждающей датировку материал и особенности стратиграфии не приводятся. Следует заметить также, что менее всего Горгиппия строилась именно в I в. до н. э.— I в. н. э., поэтому трудно представить, какому зданию, пусть даже и общественному, могла бы принадлежать столь широкая стена в центре города. Риску предположить, что она имеет отношение к оборонительной системе раннего поселения. Именно в этом месте и должен был располагаться край поселения и где-то поблизости (восточнее) на-

чинаться его некрополь. Верх широкой стены 1962 г. выявлен на глубине 1,6—1,8 м от современной поверхности, основание — на глубине 2,1—2,6 м. Если учесть природное повышение и следующий ему подъем культурных напластований в восточном направлении, окажется, что подошва этой широкой стены соответствует глубинам залегания культурного слоя V в. до н. э. у юго-западного края гостиницы «Анапа». В отчете 1962 г. отмечено наличие в грунте обломков хиосских амфор и амфор с колпачковыми ножками. Хиосская амфора конца V в. найдена также перед восточным крылом гостиницы в траншее на набережной в 1981 г. Кладка, выявленная в 1962 г. позади гостиницы, могла быть фундаментом для сырцовых оборонительных стен. Такая интерпретация кладки объясняет ее ширину. Оборонительная же система в данном месте могла располагаться только в очень раннее время или окружать акрополь, которого Горгиция, видимо, не имела.

Возвращаясь к домам IV строительного периода (табл. 3), отметим, что они ориентированы углами по сторонам света и имеют полезную площадь помещений около 25 м. Ширина стен не превышает 0,6 м. Они сложены на глинистом растворе из дикарных камней прямоугольной формы, нижние ряды кладок выложены более крупными камнями. Кладки всех стен двухфасные, что свидетельствует о наземном строительстве, углы сложены впереплет.

Нет полной уверенности в том, что дома 2—5 были однокамерными, так как ни одно из помещений не сохранилось целиком. Кроме того, не удалось выявить разницу в горелом слое, заполнявшем помещение 9 и примыкавшем к нему с юго-востока (последний в равной мере можно связать с домами 1 и 2). Справедливости ради отметим, что и многокамерность этих домов также ничем не подтверждена: полов под горелым слоем за пределами помещения 9 не выявлено.

Помещения 9 и 12 имели по несколько уровней глинобитных полов, все с сажной поверхностью. Толщина перекрывающих друг друга глиняных подмазок невелика, в среднем — 0,05 м. В помещении 13 нижний глинобитный пол (—245) перекрыт вымосткой из плоских дикарных камней (—236).

В помещениях 9 и 13 расчищены очаги. В помещении 9 место очага установлено по прямоугольному зольному пятну (0,7×1 м), выявленному на верхнем полу, ограниченному узкой полоской угля и обожженной глины коричневато-фиолетового цвета. Очаг в помещении 13 сконструирован в виде круглого углубления диаметром 1,3 м. Дно его понижается от краев (—232) к центру (—237). Края ямы обложены поставленными на ребро дикарными камнями (0,5×0,3×0,05 м), верх камней (—211) возвышался над полом. Дно ямы выложено обломками амфорных стенок и обмазано плотным слоем глины (0,02—0,04 м), обмазка распространялась и на стенки. В момент раскопок очаг заполнял плотный суглинок красно-коричневого цвета с линзами желтой глины без находок. Эти прослойки глины позволяют предполагать, что очаг не был открытым, а был сконструирован в виде печи.

Обрывки стен домов 2—5 уцелели на небольшую высоту, поэтому участки нетронутого культурного слоя внутри помещений ничтожно малы. Они содержат следы пожарниц и небольшое количество керамиче-

ских обломков. Комплекс находок из помещений этого строительного периода почти не дает материала для определения его более поздним по сравнению с предыдущими, что указывает на быструю сменяемость построек. По-прежнему употреблялись амфоры известных ранее типов фассосского круга, со стаканообразными доньями, хиосские. Встречены отдельные фрагменты ионийских амфор с широкими полосами, редкие и в предшествующих домах. В помещении 13 найдена ножка самосской амфоры. Однако в помещении 13 вместе с обломками ранних амфор выявлена ножка хиосской амфоры конца V в. до н. э. и ножка амфоры Менды того же времени. Подсчет обломков профилированных частей амфор из уцелевших обрывков домов 2—5 четкой картины не дает, он только свидетельствует о бытовании существующих ранее типов:

Комплекс	Хиосские	Со стаканообразным дном	Протофассосские	Ионийские с полосами
Пом. 9	16	7	11	5
Пом. 12	5	20	6	3
Пом. 13	5	13	3	—

Среди прочих видов керамики также продолжают использоваться уже известные типы. Как наиболее раннюю находку отметим фрагмент клазоменского сосуда из помещения 9 (табл. 27: 1), остальные обломки могут быть отнесены к последней четверти VI—V в. до н. э.

Круговая посуда сделана из тончайшей глины с блесками. Преобладают фрагменты, окрашенные матовой оранжево-красной или лиловой краской. Черепки открытых форм окрашены с двух сторон, мазки нанесены чрезвычайно небрежно. Были распространены миски разного диаметра с покрытыми бороздками прямыми или оттянутыми наружу краями на плоском дне, с загнутым внутрь краем на кольцевых поддонах, лутерии. Внутри одного лутерия из помещения 9 проведена лиловая полоса, снаружи другого — белая. Употреблялись различной величины кувшины. Многие из них снаружи имели белое покрытие, по нему наносились бурые лакообразные мазки (на ручках) и полосы (на тулове). Встречено дно большого рыбного блюда, части крышек, кастрюль. Край одной из кастрюль украшен полосой бурого лака. В помещении 13 найдено дно самосского лекифа (табл. 29: 22).

Черепков лепной посуды очень мало, они обнаружены только в помещении 12.

Чернолаковая керамика представлена осколками светильников, закрытых и открытых сосудов с полосами жидкого лака, чернофигурных киликов мелкофигурного стиля, обломками стенок и ручек киликов, скифосов, ойнохой и других форм. В помещении 13 выявлен широкий венец чернофигурного кратера с бутонами лотоса. Лак многих черепков имеет оливковый оттенок или яркий металлический блеск, роспись некоторых сосудов выполнена пурпуром. Появляются осколки краснофигурных сосудов, контуры рисунка на них очерчены тонкой кистью.

Таким образом, общий набор керамики из помещений домов IV строительного периода остается прежним, но среди них появляются отдель-

ные фрагменты, которые характерны для конца V в. до н. э. (краснофирных сосудов, хиосских амфор с валиком на горле и амфор Менды).

Описание строительных остатков последней четверти VI—V в. до н. э. следует завершить указанием на наличие в раскопе «Океан» 1982 г. пятен нетронутого культурного слоя этого же времени вне переиспользованных строительных остатков. Такие пятна обнаружены под полами помещений 6 и 7 эллинистического дома Горгиппии на глубине —280 (табл. 3, 31—34). Пятно под помещением 6 на площади 25 по форме, размеру, ориентации подобно помещениям IV строительного периода раннего поселения. Очевидно, стены этого дома-помещения целиком выбраны на камень, слой же его гибели образовал указанное пятно золистого грунта с керамикой, подобной описанной выше (табл. 27, 32, 33). Аналогичные находки происходят и из глинистого пятна с примесью золы, выявленного к северу от предыдущего ниже глубины —270 и южнее подвала 3 горгиппийского дома 50, погибшего в середине III в. н. э. (табл. 34). Таким образом, участок, исследованный под спальным корпусом пансионата «Океан» с конца VI и весь V в. до н. э. был плотно заселен.

Поселение VI—V вв. до н. э., выявленное на берегу Анапской бухты, имело вокруг себя довольно широкую контактную зону. В 1980—1981 гг. на юго-восточной окраине Анапы в районе Алексеевских колодцев к востоку от раннего Анапского поселения разведками экспедиции обнаружен разброс черепков от архаических средиземноморских сосудов¹¹. Три пятна с этой керамикой находятся в черте обширного, существовавшего еще в римский период, сельского поселения, подобного множеству известных в окрестностях Анапы (Сукко, Су-Псех, Красный Курган, Натухаевская, Джемете). Пятна с ранней керамикой около Алексеевки рассредоточены на пространстве не менее километра. Эта зона придвинута к берегу речки Анапки, ныне к ее плавням (табл. 4: 2). Обнаруживший пятна и опубликовавший с них сборы А. И. Салов¹² подчеркивает торговый характер керамического комплекса и полное отсутствие в последнем кухонной посуды. Возникновение поселения он относит к первой половине VI в. до н. э., полагая, что жизнь на нем продолжалась до конца первой четверти V в. до н. э. А. И. Салов делает предварительный вывод о существовании на берегу речки Анапки эмпория.

Действительно, укромная, связанная с морем лагуна надежно скрывала поселение, делая место чрезвычайно удобным для размещения первых переселенцев. В то же время опубликованные А. И. Саловым керамические находки в Алексеевской не выходят за хронологические рамки, обозначающиеся для поселения, выявленного несколько позже на берегу Анапской бухты. Сравнительный анализ находок показывает, что возникновение того и другого поселений можно относить к одному времени — последней четверти VI в. до н. э. В Анапе при фиксации комплексов этого времени встречаются отдельные находки середины VI в. до н. э. Несколько черепков середины VI в. найдены и на поверхности Алексеевского поселения*. Возможно, Алексеевское поселение возникло несколько

* От сотрудников Анапского музея мне известен факт находки в районе Алексеевского поселения одного черепка с фигуркой птицы типа родосско-ионийской керамики второй половины VII в. до н. э. (тип: *Копейкина Л. В.* Родосско-ионийская

раньше Анапского — о характере его судить рано, так как оно не исследовалось. Однако, безусловно, это поселение, если и было самостоятельным, то на каком-то этапе не выдержало конкуренции Анапского и погибло раньше него — по-видимому, как и предполагает А. И. Салов, в первой четверти V в. до н. э. Очевидно, события, которые предшествовали строительству однокамерных домов на пепелище дома 1 и возведении первых общегородских укреплений на месте современной Анапы, привели к гибели и это неукрепленное поселение в приплавневой зоне речки Анапки. Кроме того, глядя на таблицы в статье А. И. Салова, не приходится говорить о наличии в алексеевском комплексе обломков только керамической тары. Наряду с амфорными черепками в них представлены и части обычных круговых сосудов. В любом случае культурный слой античного поселения дает преобладающее количество амфорных осколков, что объясняется коэффициентом разбива достаточно популярных крупных и мелких сосудов.

Пятна с ранней керамикой не раскапывались и поэтому нельзя судить о характере скрытых под холмиками построек. Величина холмиков допускает наличие над каждым руин небольшого отдельно стоящего дома. Нынешние плавни речки Анапки в древности могли быть судоходным лиманом. Можно конечно, вслед за А. И. Саловым предположить, что первые поселенцы обоспоровались под прикрытием его берегов. Однако выявление полуземлянок на берегу Анапской бухты позволяет «помещать» этих поселенцев именно в найденные полуземлянки.

Маловероятным представляется и эмпириальный характер поселения второй половины VI в. до н. э. на плодородных землях Синдики. Думается, что Алексеевское поселение с небольшими отдельно стоящими постройками можно рассматривать, как хору гораздо более крупного Анапского поселения. Данный пункт мог входить в пределы земельного владения раннего полиса, эксплуатируемого им для собственных нужд. Естественно, что первые поселенцы в последней четверти VI в. до н. э. не рассчитывали на регулярный завоз продовольствия из метрополии. Территория, примыкавшая к пресной воде, была вдвойне удобна для возделывания сельскохозяйственных культур и разведения скота. Алексеевское поселение выявлено не более чем в часе ходьбы от места раннего обитания в Анапе. Большая часть земель, возделываемых ранним Анапским поселением, ныне должна быть поглощена современным городом (Анапой). Вряд ли в дальнейшем будет возможно обнаружить под ним их тонкий культурный слой.

Таким образом, мы подошли к вопросу об определении статуса открытого в Анапе поселения VI—V в. до н. э. Как был организован коллектив первых поселенцев мы не знаем, но вслед за В. В. Лапиным можем предположить, что «коллектив этот представлял собой именно коллектив... Невозможно мыслить себе этот коллектив как простую сумму анархистствующих робинзонов. Но это и есть не что иное как зародыш социально-экономической и политической организации, именуемой полисом»¹³. Однотипность построек сперва полуземляночного типа, а затем и домов

керамика VII в. до н. э. с о-ва Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. Рис. 26а); сосуды этого времени в Анапе до сих пор не встречены.

IV строительного периода, вероятность наличия общегородских укреплений и обеспечивающей продовольствием земельной хоры,— все это косвенно свидетельствует о полисном характере открытого в Анапе раннего поселения. Есть достаточно оснований называть этот полис Синдиком. Если в дальнейшем не будет открыто значительного раннего поселения в районе Бугаза и Кизилташского лимана, ориентируясь на наличие в Анапе многоярусного раннего города, упоминаемую древними авторами Синдскую гавань, возможно, и придется локализовать на месте этого города, признав тождественность Синдика, Синдской гавани и более поздней Горгииппии. Решающее слово в этом спорном вопросе могут сказать только эпиграфические открытия. В настоящее время нет данных для локализации Синдской гавани в Анапе.

Если существовал достаточно крупный полис, называвшийся Синдом, мне представляется преждевременным полностью отказывать ему в выпуске в последней четверти V в. до н. э. известных монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ, вызвавших у исследователей так много противоречивых мнений. Этим немногочисленным монетам посвящена обширная литература. Одни специалисты рассматривали надпись на них как обозначение этноса синдов, а сами монеты приписывали чеканке синдского государства¹⁴. Вслед за С. Р. Тохтасьевым это мнение трижды обосновывает лингвистическим анализом Ф. В. Шелов-Коведяев¹⁵. Другие полагали, что легенда на монетах является демотиконом, а сами они выпущены каким-то греческим полисом¹⁶.

Как принято считать, самая близкая монетной легенде форма демотикона от наиболее краткой формы названия города Синд $\Sigma\upsilon\delta\omicron\varsigma$ (ή) должна звучать как $\Sigma\upsilon\delta\epsilon\omicron\varsigma$. По законам греческого языка родительный падеж множественного числа от этой формы будет $\Sigma\upsilon\delta\epsilon\omega\upsilon\upsilon$, вместо имеющейся легенды. С. Р. Тохтасьев замечает, что сокращение $\Sigma\upsilon\delta\omicron\varsigma$. $\Sigma\upsilon\delta\alpha$ появляется только в поздних источниках (*Pomp. Melae* I, 111; *Ptol. Geogr.* V, 8, 8) как результат упрощения более длинных и менее удобных названий. Действительно, мы не знаем, была ли в ходу в V в. до н. э. эта краткая форма, но, основываясь на том, что Помпоний Мела пользовался как источником данными VI—V вв. до н. э. Гекатей Милетского, мы можем условно принять наличие ее и в древности. Ф. В. Шелов-Коведяев пишет, что процесс стяжения групп гласных, который мог бы привести к слиянию ($\epsilon\omega > \omega$ ($\Sigma\upsilon\delta\epsilon\omega\upsilon\upsilon > \Sigma\upsilon\delta\omicron\omega\upsilon\upsilon$)) в конце V в. до н. э., в момент чеканки монет, не документирован для Боспора. В принципе же такая форма возможна и она не противоречит грамматическому строю языка. То, что она (пока?) не зафиксирована, еще не означает, что ее не могло быть, особенно, если учесть крохотный размер самих монет, на которых разместить лишнюю букву было крайне сложно. С. Р. Тохтасьев, а вслед за ним и Ф. В. Шелов-Коведяев полагают, что «помещение на монетах греческого города легенды, идентичной по форме наименованию варварского племени, противоречит этнопсихологическому элементу греческой культуры». Но о каком противоречии может идти речь, если рассматривается ситуация в городе, для которого предполагается название Синд? Известное на Боспоре, например, название Киммерик не делает исключительным для греческого поселения и название Синд.

Если город назывался Синдом, то его денежные знаки были знаками «синдов», т. е. жителей Синда, членов его городской общины. А. Н. Зограф называл грамматическую форму наименования жителя города в монетной легенде ἑθνικόν¹⁷. Он отмечал, что этникон в этих легендах в форме именительного падежа мужского рода (с подразумеваемым дополнением (στατήρ) и в форме женского рода (с мыслимым дополнением δραχμή) встречается редко. С конца архаического периода и в течение всей классики этникон в монетных легендах значительно чаще стоит в форме среднего рода, восполняясь смыслом слов σήμα (τό) — «знак» или νόμισμα (τό) — «монета». Легенды с ἑθνικόν, восполняемым словом σήμα или νόμισμα (τό) в форме прилагательного в родительном падеже множественного числа, начиная с классической эпохи, становятся наиболее распространенными и встречаются чаще формы родительного падежа имени самого города (например, θεσσαλῶν). Нет ли на рассматриваемых крохотных монетах совпадения форм демокона и этникона?

При имеющихся в нашем распоряжении данных концепция Д. Б. Шелова¹⁸ выглядит наиболее убедительно и основательнее других подкрепляется исторической ситуацией региона. В переходящей из издания в издание характеристике синдов, действительно, есть большая доля надуманности. Не отрицая начавшегося у них разложения родового строя и образования зачатков государственности в конце V в. до н. э., очевидных из скудных свидетельств древних авторов и документов эпитафики, мы должны признать, что, в сущности, еще ничего не знаем об этом народе. Материальная культура синдов не выделена. На территории Синдики исследовались только центры античной культуры — греческие полисы и их некрополи. На Синдском о-ве этих полисов много, но не больше, чем по берегам Керченского п-ва. Синдские поселения, могильники и земля вовсе не раскапывались, а потому постулировать сильную эллинизацию этого народа преждевременно. Была ли она сильнее, чем эллинизация, например, скифов? Отмечать более высокий уровень социального развития синдского общества только на основании более передового земледелия по сравнению с другими меотами также преждевременно. Можно только констатировать, что синды — оседлый земледельческий народ и в этом он подобен другим меотам. Богатых курганов, которые по мнению Ф. В. Шелова-Коведяева отражают усвоение синдской знатью греческих культурных навыков в окрестностях Нимфея и Пантикапея не меньше, чем на территории Синдики. Действительно, местная знать на Боспоре «оседала» вблизи крупных античных городов, строя здесь роскошные усыпальницы. Однако не случайно, что в отношении большинства оставленных ею курганов исследователи никак не придут к однозначным выводам, чьи они. Так и на территории Синдики нет синдских курганов, а синкретические черты погребальной обрядности имеющихся уводят в широкий регион южных степей, в Прикубанье и Северный Кавказ. Возникновение больших курганов вблизи античных полисов как на землях Синдики, так и на европейском Боспоре на данном этапе наших знаний представляется процессом единовременным, хронологический приоритет тех или других надо обосновывать серьезными исследованиями.

Аргументы, выдвинутые Д. Б. Шеловым в защиту полисной принадлежности разбираемых монет, выглядят достаточно надежными. Есть в наличии фактурные и стилистические черты, единые для группы нумизматических памятников не только близлежащих городов Боспора, но и обширного круга восточно-греческих центров. Разбираемые монеты вписываются в это единство и полностью соответствуют одновременным серебряным монетам автономных городов Северо-Восточного Причерноморья как в отношении весовых норм, так и системы номиналов. Это достаточно серьезные доводы, чтобы пренебрегать ими и не предполагать полисного характера чекана рассматриваемых монет, пусть даже и осуществляемого одним монетным двором (в данном случае, пантикапейским).

Сторонники интерпретации монетной легенды $\Sigma\text{IN}\Delta\text{ON}$ как отражения племенной чеканки обычно ссылаются на то обстоятельство, что чекан монет с указанной аббревиатурой прекращается лет за 20 до присоединения Синдикии к Боспору, что, как известно, имело место на рубеже 90—80-х годов IV в. до н. э. Здесь следует отметить, что разбираемые монеты немногочисленны, а новые их находки не сопровождаются материалом, дающим надежное основание для датировки в пределах узких хронологических рамок. По-прежнему только стилистический анализ и историческая ситуация в регионе дают право относить конец их эмиссии к рубежу V и IV столетий (монеты как бы сами себя датируют). Отсутствие же прямых доказательств того, что Синдик вошел в состав объединения боспорских полисов раньше присоединения всей Синдикии, не может служить веским аргументом для отрицания этого положения. Естественнее предположить, что греческий полис вошел в объединение раньше варварской территории, за включение которой еще предстояла упорная борьба. Интересы греческого полиса по данному вопросу могли не совпадать с интересами варварского народа, на землях которого он располагался. Да и в самой Синдикее, как видно из истории с Гекатеем (*Polyaen. Strateg.*, VIII, 55), не было единодушного стремления к объединению с Боспором. Город, обладавший гаванью, должен был привлекать Спартокидов ничуть не меньше хлебных земель. Собственность династии на гавани с правом распоряжаться пошилинами открывала огромные возможности к обогащению¹⁹. Если позволить себе условно отождествить Синд и Горгипию, то данные последних раскопок в Анапе можно интерпретировать как свидетельство включения полиса-гавани на берегу Анапской бухты в консолидацию боспорских городов раньше присоединения к этому государству всей Синдикии. Полис, расположенный на берегу удобной бухты, мог стать опорой боспорских правителей в затянувшейся дипломатической борьбе за Синдику и в случае необходимости базой для прямой экспансии. Сын боспорского царя Горгипп, посланный усмирять Синдику, должен был иметь надежное убежище для решения широко известного конфликта с меотами в лице Тиргатао (*Polyaen. Strateg.*, VIII, 55). Возможно, для этого ему было удобнее разместиться в портовом городе на окраине Синдикии. Именно этот город впоследствии и был назван его именем. Пожары в домах IV строительного периода раннего полиса могут отражать немирное подчинение его власти боспорских архонтов. Отмечено, что полисы, обладавшие достаточным земельным по-

тенциалом — Нимфей и Феодосия — долго уклонялись от вступления в союз городов, лежащих по обе стороны Боспора Киммерийского, и добровольно в него не вступали. Анапский полис, несомненно, также обладал обширными плодородными землями и мог стремиться удержать независимость. Территориальные интересы возникшей консолидации толкали ее в сопредельные земли. В основе этой внутренней экспансии лежат законы развития полисов.

На рубеже V и VI вв. на территории Анапы археологически фиксируется внезапный «выплеск» города за прежние рубежи. Строительство широко разрослось за пределы раннего полиса и вплотную подошло к пекрополю, частично его поглотив. Внезапное расширение городской территории, очевидно, явилось результатом включения полиса в объединение боспорских городов, после чего в него устремилось боспорское население. Как следствие насильственного подчинения полиса воле боспорских архонтов незадолго до этого события возникший в нем самостоятельный чекан прекращается. Лишь когда государство набирает силу, пантикапейский чекан приобретает новый общегосударственный характер. В итоге заметим, что оба взгляда на рассматриваемые монеты не имеют бесспорных доводов, однако полисная аргументация этой эмиссии при всех возражениях выглядит убедительнее.

Строительный период, отражающий внезапное расширение города на рубеже V—VI вв., археологически читается слабо, так как за широкомаштабным строительством почти сразу последовало разрушение. В стратиграфической колонке древней Горгиппии этот период обозначен индексом IA. Строго говоря, это — Предгоргиппия, тогда город именовался еще по-старому. Слой гибели домов строительного периода IA носит золистый характер. Можно предположить, что это разрушение отражает борьбу за Синдику в целом. Известно, что перед тем, как Горгиппу удалось просьбами и дарами прекратить войну с меотскими племенами во главе с Тиргатао, она вместе со своим войском «опустошала принадлежавшую Гекатею Синдику и причиняла вред царству Сатира», а в конце войны «подвергла страну всем ужасам грабежа и резни» (*Polyaen.*, VIII, 55). Полис, предшествовавший Горгиппии, находился на землях этой страны и должен был пострадать от тягот войны. Несмотря на вроде бы сильную эллинизацию Синдики, исследователи признают, что процесс присоединения ее к Боспору не был мирным²⁰.

После присоединения Синдики к Боспору (80—90-е годы IV в. до н. э.), примерно во второй четверти IV в., город на берегу Анапской бухты был заново распланирован и внезапно разросся. Очевидно, тогда же он получил и новое название. С этого времени начинается история собственно Горгиппии. Основные узлы планировки, заложенные в IV в. до н. э., сохраняются до гибели города в середине III в. н. э.

Первый строительный период Горгиппии мы вынуждены в настоящее время делить на этапы А и Б, которые различаются только на основании стратиграфии и объединяются по той причине, что находки, сопровождающие обрывки строений, не имеют достаточно узкой хронологии. В то же время, безусловно отмечено, что в культурном слое периода А встречаются керамические изделия, которые могут быть датированы V в. до н. э.; в культурном слое периода Б этих изделий нет. Имеются ввиду обломки

хиосских амфор, чернолаковой посуды с оливковым отливом и пурпуром, сосудов с неровным жидким лакообразным красным и черным покрытием, с характерной красной краской на поверхности, сосудов из белой и шероховатой серой глины. Подобные изделия составляют основную массу находок в жилых комплексах IV строительного периода раннего полиса и могилах его некрополя. В культурном же слое периода IA эти находки не представлены в «чистом виде», обычно они сочетаются с несколько более поздней керамикой: частями амфор Менды, с колпачковыми ножками фасосских, гераклейских, фрагментами ранних краснофигурных сосудов. В свою очередь, эти последние в некоторых местах городища составляют единый слой с еще более поздней керамикой, датировка которой укладывается в рамки всего IV и первой половины III в. до н. э. (например, чернолаковыми сосудами со штампованным и краснофигурным орнаментом, амфорами Фасоса и Гераклеи). Этот слой мы относим к периоду IB. Таким образом, слой гибели I строительного периода Горгипсии содержит материал с конца V до середины III вв. до н. э. Строительных остатков, уцелевших от данного периода города, немного. Тем не менее, отмечено, что в пределах единого слоя одни объекты перекрывали другие, что и дало основание выделять этапы A и B.

Этап IA — это и есть Предгоргиппия, промежуточное звено между ранним полисом и собственно Горгиппией. Следы его выявлены в непосредственной близости к некрополю раннего поселения: на территории археологического заповедника и восточнее здания пансионата «Кубань» (табл. 1: № 19, 100).

На территории археологического заповедника уровень дневной поверхности периода IA определяется черепяным мощением Широкой улицы на глубине — 80, на площадях 23, 37 и 51 (табл. 2). Черепки лежат непосредственно на слое погребенной почвы. Вымостка перекрыта специальной трамбовкой и устроенным на ней следующим слоем черепяного мощения с отметкой дневной поверхности — 67, относимым уже к горгиппийской мостовой середины IV — середины III вв. до н. э. периода IB. Несколько слоев черепяных вымосток отмечено в квадратах 162, 177 и 191. Тонкий слой, лежащий на погребенной почве и содержащий осколки керамики рубежа V—IV вв. до н. э., мы относим к периоду IA. В квадрате 191 он означает продолжение к востоку Широкой улицы.

В средней части археологического заповедника материал рубежа V—IV вв. до н. э. обнаружен в ямах 298, 312, 356+яма 10/1979 г., в колодцах 5 и 12 (табл. 2, 6, 35). От ямы 356 уцелел выдолбленный в скале низ, его перекрывал пол горгиппийского дома 29. Колодец 5 и яма 298 с каменным обкладом оказались под горгиппийским домом 13. Дома 13 и 29 относятся к середине IV — середине III вв. до н. э. Колодец 12 функционировал в горгиппийском доме 10, синхронном домам 13 и 29; ранний материал найден в его нижней части.

В северо-восточном углу городища, в восточной части заповедника также сохранились следы построек с находками V и начала IV вв. до н. э. (табл. 2). К ним относятся низы хозяйственных ям 332, 334, 335, 338, 341, колодец 15 и зольное пятно на площадях 283—285. Зольное пятно, лежащее на материке, является слоем гибели какого-то дома. Его темно-серый суглинок с яркими прослойками золы содержал угольки,

скальную крошку, кости животных, камешки, черепки. Тот же слой заполнял и впущенные в материк ямы 332, 335, 341 (слой гибели постройки засыпал и существовавшие при ней ямы). Пожарище было снивелировано и в IV в. до н. э. (очевидно, в его середине) перекрыто черепажно-галечным мощением Третьей Поперечной улицы Горгиппии. У южного края заповедника на площади 294 выявлено продолжение этой улицы, мостовая и там лежит на тонком слое пожара.

В доме, от которого сохранилось зольное пятно на площадях 283—285, функционировал круглый в плане колодец 15. Вероятно, его окружала черепяная вымостка, а затем перекрывала черепяная мостовая Третьей Поперечной улицы Горгиппии. При перепланировке участка в колодец произведен сброс керамики, множество фрагментов отличалось потертостью краев, так как использовалось в вымостках. Сам колодец имел диаметр 1,5 м, ширина шахты достигала 2 м. Дно колодца зачищено на глубине — 440. Нижние 1,9 м шахты вырублены в скале. Шахта, пройденная в материковой глине, облицована каменной кладкой. Два нижних ряда этой кладки состоят из мелких бутовых камней, кверху величина камней увеличивается до $0,7 \times 0,2$ м. На глубине — 190 в обкладе устроены четыре углубления в размер вынутого камня. Расположение их позволяет предположить, что в эти отверстия вставлялись бревна, использовавшиеся при чистке колодца, либо для закрепления устройства, облегчавшего подъем воды. Мелкий керамический бой заполнял колодец до глубины — 317, ниже лежали крупные части сосудов и развалы целых амфор. Клейма гераклейских амфор из колодца характерны для IV в. до н. э., начиная с его второй четверти. В колодце найдены клейменные ручки фасосских и синопских амфор, множество обломков керамических сосудов IV — начала III вв. до н. э. Только из верхних 0,6 м заполнения извлечено свыше 1000 мелких и потертых амфорных осколков. Среди всей этой керамики отмечены и фрагменты, которые могут быть датированы V в. до н. э., они подобны осколкам из зольного пятна: части амфор с колпачковыми ножками, осколки круговой посуды с неровными красными и темными мазками на поверхности и различными полосами.

Таким образом, на территории нынешнего заповедника город существовал на рубеже V и IV вв. до н. э. Говорить о планировке строительного периода IA пока не приходится, так как собранные сведения отрывочны. Слой гибели периода IA представляет собой массив золистой глины. Можно предположить поэтому, что стены домов были глинобитными и стояли на каменных фундаментах.

Столь же неясно улавливается слой периода IA и в других раскопах на территории Горгиппии. Вероятно, к этому периоду относятся низы степ из серых булыжников в неоднократно перестраивавшемся помещении 8 на раскопе «Океан» (помещение 8б). Возможно, к нему следует отнести однокамерный дом, исследованный у восточного края пыле действующего в Анаше пансионата «Кубань» (раскоп «Ткацкая фабрика» 1974 г.). Стратиграфия и характер находок в окружающем дом культурном слое позволяют лишь ставить вопрос о возможности отнесения здания к указанному периоду, так как заполнение его единственного помещения уничтожено поздним перекопом. Важно отметить, что на данном

участке только это сооружение ориентировано стенами по странам света. Все последующие разновременные постройки ориентированы по странам света углами. Планировка же собственно Горгииппии на этом участке, как и на других, была заложена не ранее второй четверти IV в. до н. э. и в дальнейшем сохранялась веками. Следовательно, однокамерный дом возведен раньше.

Расположенный поблизости раскоп «Кубанский» 1968 г. (табл. 1: № 18) также дал некоторое количество керамических находок V в. до н. э., что еще во время раскопок дало возможность надеяться найти рядом слой, соответствующие наиболее раннему периоду существования города²¹.

Единственное помещение открытого в 1974 г. дома площадью 19 м² слегка вытянуто с севера на юг (табл. 4: 4). Его стены сложены впереплет из камней песчаника и ракушечника средней величины. Камни скреплены глиной и имеют обращенные внутрь помещения подтесы. По ширине кладок (0,6 м) уложено два-три камня, промежутки забутованы мелкими камнями. Наиболее крупные камни включены в нижнюю часть северной стены. Стены впущены в материковую глину зеленоватого цвета до глубины — 294*. В отдельных местах кладка уцелела в высоту на 0,7 м, что соответствует четырем рядам камней. В северной стене помещения устроен дверной проем шириной 1,4 м. В торцовых сторонах обрамляющих порог стен имеются пазы (0,15×0,12 м) для дверей, они расположены ближе к внутренней части помещения. К паружной стороне стены вход расширяется до 1,5 м за счет скоса торцовых частей стен. Порог сложен из пяти плоских камней известняка. Высота порога — 0,15 м, подошва его лежит на глубине — 276. В центре порог имеет прогиб на 0,05 м или стертость. Снаружи к порогу примыкал остаток вымостки из мелких камней. Очевидно, поверхность этой вымостки (—260) определяет уровень дневной поверхности постройки. Следовательно, она была наземной, что подтверждается и двухфасностью стен.

Культурный слой, связанный с домом, выявлен снаружи его на глубинах от —200 до —280. Он представлял собой плотный коричневый суглинок. В нем найдены фрагментированные амфоры с колпачковой ножкой и фасоская с двумя клеймами на ручках, обломок венца пухлогорлой хиосской амфоры с красной полосой, две клейменные ручки фасосских амфор IV в. до н. э., осколки чернолаковых и краснофигурных сосудов V и IV вв. до н. э.

Правильная прямоугольная форма помещения, значительная по его пропорциям ширина дверного проема и стертость порога, по мнению раскапывавшей здание Г. А. Цветаевой, позволяют видеть в этом сооружении небольшой храм без пронаоса, состоящий из одной целлы²². Это предположение подтверждается находкой части граффити ☉ЕО на ножке чернолакового килика, что может означать слова «бог» и «божественный». Раскопанные в 1982 г. на месте пансионата «Океан» дома (2, 3—5) IV строительного периода раннего полиса, их величина и пла-

* Нулевые отметки заповедника «Горгииппия» и раскопа «Ткацкая фабрика» 1974 г. не соотнесены между собой. Ноль раскопа 1974 г. отражает дневную поверхность Анапы в данном месте.

пировка, позволяют отнести постройку, выявленную в 1974 г. к тому же классу сооружений. Очевидно, это был жилой дом, но построенный несколько позже домов 2, 3—5, т. е. на рубеже V—IV вв. Эта дата подтверждается находками и удаленностью постройки от основной территории раннего полиса. Вероятно, она одновременна строительному периоду IА заповедника «Горгиппия», иными словами входит в черту города, расширившегося на рубеже V—IV вв.

- ¹ Салов А. И., Смирнова Т. М. Новые находки в Анапе // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 53—61.
- ² Болтунова А. И. Надписи Горгиппии (из находок 1971—1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. Фрагмент № 18.
- ³ См., напр.: Артамонова О. А. Древнейшее поселение на о-ве Березань // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 49 и сл.; Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья // АГСП. С. 217, рис. 2; Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 13 и сл., табл. 2; Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 94; Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Элизаветинского городища на Дону // СА. 1978. № 2; Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Старая Богдановка 2 // АСГЭ. 1981. № 22. С. 62 и сл.; Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 12 и сл., сноски 41; Виноградов Ю. Г., Марченко К. К. Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 59 и сл.; Марченко К. К., Доманский Я. В. Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ. 1986. № 27. С. 48 и сл.; Русяева А. С., Мазараги С. Н. Археологические исследования у Широкой балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 47 и сл.
- ⁴ Крыжицкий С. Д. Жилые дома... С. 12.
- ⁵ Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 370.
- ⁶ Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 28.
- ⁷ Крыжицкий С. Д. Жилые дома... С. 15 и сл.
- ⁸ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 74—84; Блаватский В. Д. Пантикапей. С. 29.
- ⁹ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки... С. 88 и сл., рис. 85; Долгоруков В. С., Крыжицкий С. Д. Градостроительство // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 199.
- ¹⁰ Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3211.
- ¹¹ Салов А. И. Архаичское поселение на окраине Анапы // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 189 и сл.
- ¹² Там же. С. 194.
- ¹³ Лапин В. В. Греческая колонизация... С. 147.
- ¹⁴ Мошинская В. И. О государстве синдов // ВДИ. 1946. № 3. С. 203 и сл.; Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 214; Казоманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969. С. 135 и сл.; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // ДГТ СССР. М., 1984. С. 125.
- ¹⁵ Тогтасьев С. Р. Scythia в трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо) // ВДИ. 1984. № 3. С. 133—143; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора... С. 127.
- ¹⁶ Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 121 и сл.; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 153; Шелов Д. Б. Синды и Синдака в эпоху греческой колонизации // ДСППВГК. С. 232 и сл.; Gajdukevič V. Das Bosporanische Reich. В. 1971. S. 60.
- ¹⁷ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 162 и сл.
- ¹⁸ Шелов Д. Б. Синды и Синдака...
- ¹⁹ Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 158.
- ²⁰ Устинова В. А. К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству // ВДИ. 1966. № 4. С. 128—136.
- ²¹ Кругликова И. Т., Смирнова Т. М. Раскопки Горгиппии // АО 1968 г. М., 1969. С. 116.
- ²² Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5774. С. 18.

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ АНАПСКОГО ПОЛИСА

Население из окрестностей пункта, существовавшего в VI—V вв. до н. э. на берегу Анапской бухты, широко пользовалось его рынком. Об этом свидетельствуют находки предметов из погребений жителей Средиземноморья, исследованных на глубинных территориях современного Анапского района. Эти некрополи удалены от раннего полиса на 10—15 км.

Обширные поля погребений выявлены на скалистом плато, поднимающемся за поселком Воскресенским и железнодорожным вокзалом Анапы. Они связаны с расположенным на плодородной джеметинской равнине большим сельским поселением, входившим в хору Горгиипии и существовавшим вплоть до разрушения города в середине III в. н. э.¹ Земля здесь стала обрабатываться очень рано, так как среди могил эллинистического времени на указанном некрополе встречены захоронения с погребальным инвентарем VI—V вв. до н. э. (табл. 4: 2; 35—42. См. приложение II).

Показателен курган 4 в Воскресенском, исследованный в 1976 г. Под его небольшой насыпью располагалось пять однотипных погребальных сооружений местного облика. Из них гробницы 1 и 4, каждая, принадлежали отдельной семье. Весь же небольшой курган являлся, по-видимому, родовой усыпальницей. В гробницах преобладало вытянутое положение умерших головой на восток. Вместе с тем, под той же насыпью найдено скорченное погребение с положением умершего головой на запад. Очевидно, такое сочетание означает отсутствие однородности местного населения региона и предполагает раннее смешение на его территории этнокультурных общностей.

Тесные контакты отмечены и для еще более глубинных земель в районе поселков Красный Курган и Красная Скала (табл. 4: 2). Территория между этими поселками была плотно заселена в древности. Широкая равнина, ныне занятая взлетным полем анапского аэродрома, а также северная часть той же равнины, заключенная между двумя скалистыми плато, в античную эпоху была целиком распланирована под сельскохозяйственные угодья. Вдоль средней части равнины тянется небольшая низинка — по-видимому, она соответствует руслу древней реки. На уцелевшей от взлетного поля части равнины зафиксировано свыше 40 пятен диаметром около 20 м с камнями и керамикой античного времени, постоянно извлекаемыми на поверхность пахотой. Преобладают пятна, насыщенные обломками керамики IV—II вв. до н. э., но есть среди них и содержащие керамику первых веков н. э. Каменистые пятна с керамикой скрывают обрывки кладок от сельских домов. Надо полагать,

что, будучи удалена от Горгиппии не менее чем на 15 км, эта территория вошла в хору города с IV в. до н. э.

Разведками определены и места некрополей, расположенных на скалистом плато, обрамляющем указанную низину, и связанных с обширным существовавшим на ней веками сельским поселением. Один из некрополей расположен на северо-восточном плато и впущен в полы кургана эпохи бронзы *. Другой некрополь размещен на юго-западном плато, он также перекрыл грунтовые могилы с охрой и скорченными погребениями эпохи бронзы **. Возможно, что правобережью древней речки принадлежал один некрополь, левобережью — второй. Как и на джеметинской равнине здесь не найдены места поселений VI—V вв. до н. э. Тем не менее, среди погребений обоих некропелей, подобно Воскресенскому могильнику, выявлены отдельные захоронения с инвентарем более ранним, чем материал, встречаемый на поверхности расположенного поблизости поселения (табл. 42, 43. См. приложение III). Эти находки подтверждают раннюю заселенность данной территории земледельческим населением, вступившим в контакт с близлежащим греческим полисом. Следует заметить, однако, что на эту глубинную территорию предметы средиземноморского происхождения начинают проникать значительно позже, чем в ближе расположенный к полису район современного Джемете — лишь на рубеже V и IV вв. до н. э. В это время территория глубинных земель около пос. Красная Скала еще не могла входить в черту городских земель, но прочные контакты с ней уже устанавливаются. В некоторых могилах с местным обрядом погребения наряду с предметами местного изготовления — украшениями, лепной и лощенной керамикой — появляются сосуды, несомненно, купленные на торжище в Анапской бухте. С разрастанием полиса складываются постоянные связи. После включения в орбиту Боспора полис стал еще активнее расширять контактную зону с местным населением.

Отдельные погребения со средиземноморской керамикой конца VI—V вв. до н. э. выявлены также в совхозе «Рассвет»².

Предметы античной культуры обнаружены и на некрополе местного варварского облика, расположенном по дороге в Усатову балку (табл. 4: 2; 44—48. См. приложение IV). Все девять исследованных на нем погребальных сооружений относятся ко времени не позднее V в. до н. э. Эту дату подтверждают формы бронзовых браслетов, египетские скарабеи с иероглифами, оружие и амфора неизвестного центра, ножка которой близка форме ранних хисских. В составе погребального инвентаря на этом некрополе впервые встречены большие лепные сосуды с черным лощением местного производства. Среди них найдена ойнохоя, форма которой подражает античным круговым сосудам. Браслеты, скарабеи, ойнохоя, целая амфора и черепки другой разбитой в каменистой насыпи одного из погребений, — все это свидетельствует о наличии тесных контактов местного населения с крупным античным полисом, существовавшим поблизости.

* Красный Курган, 1973—1974 гг., раскоп III.

** Красная Скала, 1974—1976 гг., раскопы I, II.

Эти связи прослеживаются на еще более глубинных территориях. В 1976 г. экспедиция обследовала район пос. Уташ в зоне морского побережья, удаленный от Анапы в сторону Тамани на 25 км (табл. 4: 2). Особенности местности не могли быть не оценены в древности — высокий мыс между старым руслом Кубани и Витязевским лиманом Черного моря. К сожалению, многие памятники археологии здесь утеряны неисследованными. В частности, в 1960-е годы погибло, видимо, большое поселение, обращенное к Кубани. Известно только, что глубокой вспашкой под виноград на нем уничтожены круглые гончарные печи. Вблизи этого погибшего поселения зафиксировано семь больших курганных насыпей, известных и ранее. На поле с этими насыпями в 1976 г. раскопана разрушенная монументальная сырцовая гробница. В древности она, вероятно, также была перекрыта курганом, ныне насыпь совершенно распахана (табл. 49—57) *.

Гробница вытянута вдоль оси запад—юго-запад—восток—северо-восток. Площадь внутреннего помещения составляла 15,6 м². Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 0,48×0,5 м и 0,5×0,52 м, толщина их варьирует от 0,06 до 0,11 м. Толщина стен гробницы достигала 1,1 м, что соответствует двум плоско лежащим кирпичам. На отдельных участках стены прослежены в высоту до 1 м, при этом по вертикали зафиксировано 10 рядов кирпичей.

Входа гробница не имела. Она представляла собой вырытую в материке громадную прямоугольную яму (5,6×7 м), облицованную уложенными плащами сырцовыми кирпичами. Гробницу перекрывал накат из бревен, которые, прогнив, провалились внутрь. Установлено, что бревна были из дуба, вяза и бересты.

Гробница делилась на северную и южную половины вытянутой вдоль ее оси перегородкой шириной и высотой в один плоско лежащий кирпич. Пол гробницы выявлен на глубине 2,1 м от современной дневной поверхности. Он был обмазан известью и выстлан камкой, нанесенными на плотный материковый песок. Кирпичи перегородки лежали на камке. Около пола отмечено присутствие угля.

В южном отсеке гробницы на толстом слое камки стоял саркофаг, от него сохранились отдельные доски из тополя и клена. Часть досок имела розовую окраску, на некоторых уцелели нарисованные такой же краской пальметты и розетты. Найдены выточенные из клена и самшита конструктивные детали. Часть древесных обломков могла принадлежать также орнаментированному клине, на котором стоял саркофаг.

Саркофаг или клине, а возможно то и другое, были инкрустированы слоновой костью — главным образом, резными, точеными и с тонкой гравировкой полосами орнаментов: ов, меандра, пальметт, волют и всевозможных валиков. Детали раскрашены белой и красной нестойкими красками. На древесном тлене зафиксировано несколько отрезков узора,

* В 1976 г. местные жители сообщили экспедиции, что в 1972 г. на Уташе при плантажной вспашке под виноград провалился трактор. Обследование участка в шурфах среди кустов винограда помимо обломков чернолаковых и бронзовых сосудов неожиданно обнаружило фрагменты резной слоновой кости. Ввиду этой необычайной находки по договоренности с совхозом был разбит раскоп, выездным отрядом руководила Н. А. Фролова.

составленного комбинированием различных орнаментов. Помимо орнаментальных деталей обнаружены покрытые гравировкой части фигурок Сфинксов, львов и каких-то крылатых зверей, от которых уцелели части туловищ с роскошным оперением.

Центральное место во всей композиции должны были занимать мифологические сцены. В этой связи наибольший интерес представляют две пластины, покрытые тончайшей гравировкой. На одной из них изображена юная крылатая дева в короткой одежде. Она осторожно карабкается по скалам, переданным условно волнами насечек. В волосах девы сохранилась красная краска. На другой пластине изображена поверженная на скалу обезглавленная женская фигура. Левая рука погибшей заломлена назад. Место отсечения головы обозначено тончайшей гравировкой.

По всей вероятности, обе пластины воспроизводят персонажей мифа о Персее, обезглавившем Медузу горгону. Миф повествует о трех сестрах горгонах, обитавших на западном пределе земли, в Океана, в царстве Ночи и бога смерти Танатоса. У Гесиода (*Theog.*, 270) одна из них названа могучей, вторая — широко блуждающей, а третья — Медузой (властительницей). Только Медуза из них была смертной. Царь Полидект поручил Персею добыть голову Медузы, и тот пустился в опасное путешествие. С помощью Гермеса и Афины он явился к сестрам горгон грям, олицетворявшим старость. Они имели один зуб и один общий глаз. У Эсхила (*Prom.*, 793) граи имеют лебединый вид и сторожат горгон. Персей отнял у них глаз и зуб и заставил указать дорогу к нимфам. Последние дали ему сандали-крылья. Персей добыл невидимые шлем и сумку, от Гермеса получил серп, от Афины — зеркало. Снарядившись таким образом, он добрался до горгон. Глядя в щит, как в зеркало, Персей отрубил Медузе голову (взгляд горгон окаменял людей). В момент гибели горгоны из нее выпрыгнули крылатый конь Пегас и Хрисоар (отец Гериона и Ехидны). Голову Медузы Персей спрятал в сумке-невидимке. От преследования двух других горгон он избавился с помощью невидимого шлема и прибыл на берег Эфиопии, где спас Андромеду и женился на ней. Благодаря уничтожающему взгляду Медузы Персей совершил множество подвигов и, в конце концов, отдал голову Афине Палладе для украшения ее шлема. Краткое изложение мифа показывает, как много персонажей связано с повествованием о подвигах Персея. В честь него греки устраивали герооны. Миф имеет хтоническую окраску, использование его в погребальном обряде не было случайным, ибо он несет в себе идею возможности возврата из царства тьмы, из владений Танатоса. Архаическая трактовка горгон в виде страшилищ с высунутыми языками и змеями вместо волос (такой рисует голову горгоны Гомер и чернофигурные росписи на вазах) в период классики уступила место образам прекрасных и сильных дев.

В разрушенной уташской гробнице сохранились фигуры обезглавленной Медузы горгоны и одной из ее бессмертных сестер. Уцелела верхняя часть еще одного женского лица с тончайшей гравировкой волос и глаз. Можно предположить, что это лицо принадлежит третьей горгоне, в мифе о Персее женских лиц может быть много. С мифом связаны, вероятно, и найденные крылатые персонажи.

Среди прочей инкрустирующей художественной кости примечательны

две прямоугольные пластины (6×13 см), ограниченные рамками. На них вырезаны повернутые в разные стороны пантера и лев. Заглубленный фон обеих пластин окрашен в яркий синий цвет. Чтобы лучше держалась сыпучая краска, фон испещрен густой сетью насечек. Детали изображения переданы гравировкой.

Помимо разнообразных костяных пластин с орнаментами и фигурными изображениями в гробнице найдены три штампованные золотые бляшки, звено золотого ожерелья с бусиной и подвеской в виде амфорки и бусина, инкрустированная золотыми проволочками. Одна из нашивных бляшек изображает петуха, изогнувшегося к своему крылу. Аналогичная бляшка выявлена в одном из Семибратних курганов середины V в. до н. э.³ Уташская бляшка исполнена более схематично, а потому может быть датирована несколько более поздним временем. Петух причастен к хтоническим культам эпохи классики; он мог быть спутником различных божеств в их хтонических ипостасях — Афродиты, Персефоны, Аполлона, Диониса, Кабиров; он мог также символизировать героизацию умерших, так как жертвенными животными героя, приобретенного после смерти духовное могущество, считались конь и петух⁴.

На другой бляшке свившаяся восьмеркой змея оплетает две розетты с девятью и одиннадцатью лепестками. Змея в представлении древних также прочно связана с хтоническими культами и имеет сакральное значение⁵. На уташской бляшке она обвивает солярные символы иранского мира.

На третьей бляшечке три полусферы объединены обрамлениями из шпичек. Бочковидная бусина сделана из темной разложившейся массы. Края ее отверстий обвиты золотыми ребристыми проволочками. Гладкие проволочки из золота протянуты вдоль бусины от отверстия к отверстию.

В гробнице найдены две изготовленные на гончарном круге чашечки. На дно одной снаружи нанесено граффити в виде двух соединенных крестов (также солярный символ). Эта чашечка сделана из тонкой мягкой оранжевой насыщенной блесками глины с мелкими белыми и темными включениями. Другая чашечка — двуручная внутри украшена тремя кругами, нанесенными белой краской, глина рыхлая, насыщена мелкими темными включениями.

С описываемой гробницей могут быть связаны зафиксированные на поверхности фрагменты чернофигурных сосудов с лучами и зигзагами в придонной части, гладкое поле лака имеет оливковый оттенок. Над погребением выявлена и бронзовая когтистая лапа животного, увенчанная пальметтой с волютообразными завитками. Скорее всего, эта деталь украшала основание какой-то подставки, такими могли быть ножки шкатулки. Деталь литая, крепилась бронзовыми гвоздиками, вбитыми в пальметту. Также над погребением обнаружены части рыбного блюда из тонкой бежевой глины, насыщенной блесками. Внутренняя поверхность блюда имеет красное покрытие.

В засыпи гробницы установлены лошадиные кости. Надо думать, что в северном отсеке располагалось конское погребение.

Захоронение разграблено еще в древности, погребальное сооружение значительно повреждено пахотой. Тем не менее, открытый на Уташе комплекс чрезвычайно важен для истории Прикубанья. Вопрос о хроно-

логическом и этнокультурном определении его сложен. Ввиду разрушенности и отсутствия прямых аналогий уникальным находкам он должен решаться на широком фоне окружающей территории с проведением стилистического анализа найденного.

Подобного типа погребальные сооружения отмечены в сравнительно близких * Семибратних курганах, удаленных от Анапы на 30 км, расположенных около современного русла Кубани. Монументальные сырцовые гробницы с бревенчатыми перекрытиями для людей и конские, разделенные на отсеки и без них, исследовались во II, IV и V Семибратних курганах, относимых к середине и второй половине V в. до н. э., а также в VI кургане, некоторые находки из которого датируются началом IV в. до н. э.⁶

Анализ погребального инвентаря позволил М. И. Ростовцеву решать вопрос об этнической принадлежности Семибратних курганов в пользу скифов⁷. М. И. Артамонов связывает Семибратние курганы с местной диастазией царей-вождей, сырцовые же конструкции погребальных сооружений он определяет как синдские; синдскими их считает и Н. В. Анфимов⁸.

Действительно, на территории, признанной исконно синдской (Таманский п-ов и обращенное в сторону Черного моря Прикубанье), какая-то ветвь населения была носителем сырцовой погребальной архитектуры. Помимо облицованных сырцом могил здесь встречаются, например, сырцовые ограды кострищ (Большая Близница) и сырцовые заклады каменных склепов. Вряд ли широкое использование сырца в погребальной архитектуре можно объяснить скудностью камня в данном регионе. Если Тамань, действительно, небогата камнем, то Анапский район недостатка в нем не испытывает. Кроме того, сырец применен в очень богатых гробницах и под наиболее высокими курганными насыпями, при сооружении которых, конечно же, не мог стоять вопрос о невозможности доставки необходимого камня. Следовательно, в устройстве сырцовых гробниц следует видеть традицию. На территории Прикубанья устойчиво развивается и другая традиция — устройство деревянных конструкций в погребальных сооружениях и размещение конских захоронений рядом с усопшим. Эти черты отмечены для царских курганов Прикубанья VI—V вв. до н. э. (курганы Келермесские, Ульские, Костромской).

Таким образом, отмеченные выше сырцовые конструкции погребального сооружения, мощное бревенчатое покрытие гробницы, конское захоронение внутри нее или рядом с ней, присутствие на полу извести, камки и углей, сочетание в погребальном инвентаре предметов, выполненных в зверином стиле, с высокохудожественными изделиями эллинского мира, — все это позволяет ставить вопрос о принадлежности склепа на Уташе и ему подобных эллинизированной верхушке синдо-меотской знати. На примере этого склепа можно говорить о сильном синкретизме культур на территории Синдики. К V в. до н. э. не только эллинская культура сливается с местной, но и сами местные элементы к моменту широкого внедрения античной культуры в достаточной мере были уже сплетены между собой.

* Уташские курганы удалены от Семибратних на 20 км.

Стилистический анализ находок из Утапского склепа позволяет отнести его к рубежу V—IV вв. до н. э. Этим временем датируются и Семибратние курганы с сырцовыми гробницами. Это был период усиления контактов правителей Боспора и синдской знати, что подтверждается составом погребального инвентаря наиболее богатых захоронений.

Исследование некрополей в окрестностях Анапского поселения выявило два несхожих погребальных обряда, что также свидетельствует о неоднородности местного населения данной территории. Рядом с Анапской бухтой усопшие хоронились на так называемых каменных некрополях. Преобладание их установлено не далее 15—20 км к северо-востоку от Анапского поселения (чуть далее анапского аэродрома). В том же направлении и по берегу в сторону Тамани, но не ближе тех же 15—20 км к поселению выявлены курганы с монументальными сырцовыми гробницами и накатом из бревен, впущенные в древний горизонт на значительную глубину. Следовательно, где-то между Анапой и старым руслом Кубани, разделяющим сейчас Анапский и Темрюкский районы, проходила граница между землями одного и другого народа. К северу от этой черты все данные позволяют размещать синдов. Южными соседями синдов могла быть группа родственных племен — тех, кто совершал захоронения в камнях у поверхности древнего горизонта. Этот обряд погребения прослеживается далеко за пределы Анапы, к югу, вплоть до Туапсе. Очевидно, вся эта территория была занята племенами, отличными от синдов. Опираясь на свидетельства древних авторов, нельзя определить непосредственных соседей синдов. Гекатей Милетский (166), живший в VI — начале V вв. до н. э., помещает рядом с синдами иксабатов. Перипл Псевдо Скилака (IV в. до н. э.) сообщает (73—75), что за Синдской гаванью живет народ керкеты. За ними он размещает торетов и эллинский город Торик с гаванью, за торетами — ахеев. Страбон (XI, 2, 12) южнее Синдики и Горгиции называет гористое побережье ахеев, зигов и генихов. Далее (XI, 2, 14) он пишет, что «после Бат Артемидор называет побережье керкетов... длиной почти 850 стадий, затем побережье ахейцев — 500 стадий, потом берег генихов — 1000 стадий, далее Большой Пятиунт длиной 360 стадий вплоть до Диоскуриады. Историки Митридатových войн, которые заслуживают больше доверия, напротив, называют сперва ахейцев, затем зигов, потом генихов, далее керкетов, мосхов и колхов». Не проясняет ситуацию и перечисление в обратном порядке обитателей здешних мест у Плиния (NH, VI, 17): «...от Диоскуриады следующий город Гераклея. От Себастополя он отстоит на 70 000 шагов. Здесь живут ахейцы, марды, керкеты, за ними серры, кефалотомы... На побережье близ керкетов река Икар, аки с городом Гиером и рекой на расстоянии 136 000 шагов от Гераклея. Затем мыс Круны, и от него крутая возвышенность, которую занимают тореты. Далее государство синдов в 67 500 шагов от Гиера и река Сехерий».

Дионисий Периегет отметил, что «с савроматами как соседи живут синды, киммерийцы и живущие вблизи Эвксина керкеты, тореты и сильные ахейцы...» (*Dion., Peripl.*, 652—710). В анонимном перипле V в. н. э. (63) сказано, что «от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты», и далее (65): «от Гермонасы до Синдской гавани вдоль Меотиды живет некий народ, называемый

синдами... За синдами живут керкеты, называемые также торитами..., от керкетов пограничную к ним область занимают ахейцы...»

Как видно из приведенных источников, наиболее часто соседями синдов называются керкеты. Все эти разноречивые сведения показывают, что данная местность либо была мало знакома античному миру, либо, многие из этих народов составляли группу слабо отличающихся друг от друга родственных племен. Археологические данные, а именно облик погребальных сооружений, позволяют ставить вопрос о едином массиве культур второй половины I тысячелетия до н. э. на территории между Анапой и Туапсе. И, несмотря на то, что все эти народы вместе с синдами отнесены Страбоном (XI, 2, 11) к группе меотских племен, следует, видимо, признать, что внутри этой группы синды, с одной стороны, и их многочисленные южные соседи, с другой, могли иметь значительные различия.

На каменных некрополях варьируют различного типа семейные усыпальницы: большие и малые ящики из камня, выдолбленные в скале углубления. По поверхности древнего горизонта гробницы окружены каменными кольцами, перекрыты плитами и насыпями из ломанных камней. Характер насыпок, внешний вид оградок и ящичков зависят от качества камня, добывавшегося в каждом отдельном районе.

Памятники эпохи бронзы в окрестностях Анапы изучены слабо. Тем не менее, несколько исследованных курганов позволяют ставить вопрос о генетической связи обладателей каменных некрополей с местными традициями более древних культур. Анапской экспедицией раскопаны только два кургана эпохи бронзы. Один из них содержал погребение ямной культуры (1978 г., курган в Усатовой балке)⁹, другой — захоронение катакомбной культуры (1974 г., курган Аш-Ютак)¹⁰. Около поселка «Рассвет» исследованы курганы эпохи поздней бронзы с каменными кольцами в основаниях насыпей¹¹. Часть такого кургана, уцелевшая от выборки материкового грунта для подсыпок на взлетное поле анапского аэродрома, исследована в 1973 г. около поселка «Красный Курган». Эти курганы, очевидно, и являются на данной территории прототипом каменных погребальных конструкций античной эпохи. Население, возводившее в VI—V вв. до н. э. каменные усыпальницы, было по-видимому, пришлым с Центрального и Северо-Западного Кавказа. Антропологические материалы исследованных в совхозе «Рассвет» курганов эпохи бронзы подтвердили эту связь с Кавказом.

Разнообразие каменных конструкций (каменные насыпи, кольца, выкладки дна могил) характерно для погребальных сооружений Центрального Кавказа со времени майкопской культуры. Северокавказской культуре, сформировавшейся ко второй четверти II тысячелетия до н. э. на основе майкопской, также свойственны традиции окружать погребения каменными кольцами наподобие кромлехов и вымостками по поверхности древнего горизонта; уже тогда пережитком каменных насыпей являлись каменные наброски в виде куч над каменными ящиками внутри курганных насыпей¹². Подобные погребальные конструкции прослеживаются в археологических памятниках Северного Кавказа и в позднекобанское время, на стыке кобанской — в ее западном варианте¹³ — и античной культур. Следовательно, какая-то ветвь населения из окрестностей

Середина IV в.	Горгиппия							
Рубеж V— IV вв. и пер- вая четверть IV в.	«Предгоргиппия»: заповедник, строительный период IA; р-п «Ткацкая фабрика» 1974 г., дом 7.							
Последняя чет- верть V в.	Р-п «Океан»: дома 2, 3, 4, 5, 6.							
Середина V в:	Р-п «Океан», раз- розненные объекты: 33, 34а, 51, 80, 81, 82, 83. Оборонительная сте- на.	Поселение в Алексеевском	Некрополи в пос. Воскресенском	Некрополь в совхозе «Рассвет»	Некрополь на территории ОПХ *	Некрополи у пос. Красный Курган, Красная Скала	Гробница на Уташе	Семибратние курганы
Рубеж VI— V вв.; начало V в.	Р-п «Океан»: дом 1.							
Последняя чет- верть VI в.	Р-п «Океан»: полу- землянки.							

* Опытное хозяйство «Анапа».

Анапского поселения была генетически связана с потомками кобанской культуры в наиболее близком территориально ее западном варианте. Это население сохраняется в данном регионе долго, вплоть до первых веков нашей эры.

Все изложенное выше — анализ поселения, данные его некрополя и соседних с ним — позволяют считать, что район современной Анапы был включен в орбиту античного мира с середины VI в. до н. э. Массовое освоение греками побережья относится к третьему, завершающему, этапу ионийской колонизации. Наиболее значительный пункт с античной культурой располагался на месте современной Анапы. Он распространял свое влияние на соседние территории с момента основания. Радиус активной деятельности этого пункта в V в. до н. э. составлял не менее 30 км. Пункт возник в области, разделявшей земли синдов и их более южных соседей — группы родственных племен, входивших вместе с синдами в еще более широкое объединение меотских племен.

¹ Алексеева Е. М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. 1. С. 24 и сл.

² Крушкова Ю. С. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедиции Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской // УЗ МОПИ. 1963. Т. 150. Вып. 4. С. 57 и сл.; Она же. Древняя Синдика. М., 1971. С. 88 и сл.; Карасев В. Н., Лебедева Л. С. Гробницы из хутора «Рассвет» (Анапский район) // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 58 и сл.

- ³ *Piotrowski B., Galanina L., Gratch N. L'art scythe. L., 1986. Pl. 74, 75.*
- ⁴ *Ходза Е. Н. Терракотовые статуэтки юношей с пегухами в собрании Гос. Эрмитажа // ВДИ. 1987. № 4. С. 109–113.*
- ⁵ Там же. С. 113; *Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968. С. 100; Беленицкий А. М., Мешкерис В. А. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. 1986. № 3. С. 16 и сл.*
- ⁶ *Герцигер Д. С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 72–76; Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 92–98.*
- ⁷ *Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 302 и сл.*
- ⁸ *Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 63, 121; Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. С. 98.*
- ⁹ Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7411. С. 62.
- ¹⁰ Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5775. С. 39–41.
- ¹¹ *Крушкова Ю. С. Археологические исследования древней Синдики...; Она же. Древняя Синдика. С. 37 и сл.*
- ¹² *Марковин В. И. О происхождении северо-кавказской культуры // СА. 1959. № 1. С. 11–12.*
- ¹³ *Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 128.*

Завершая описание данного региона в VI—V вв. до н. э., следует охарактеризовать в целом вещественный материал из памятников этого времени (табл. 58—63). Находки дают представление об экономических контактах, торговом балансе и характере материальной культуры.

В коллекции амфор преобладают типы хиосских, со стаканообразными доньями и протофасосских; сохранились только осколки сосудов.

Хиосские амфоры в настоящее время надежно локализованы и типы их выстроены в хронологический ряд¹. Хиос вывозил в керамической таре вино.

Одна из схем морфологической эволюции хиосских амфор разработана И. Б. Зеест². К первой половине VI в. до н. э. ею отнесены сосуды с воронкообразным горлом, второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. датированы пухлогорлые амфоры, второй половиной V в. до н. э. — пухлогорлые амфоры с перехватом.

Другая схема систематизации хиосских амфор предложена В. Грейс, разделившей их на сосуды старого и нового стиля³. К повому стилю отнесены все прямогорлые амфоры позже V в. до н. э. Датировка сосудов старого стиля несколько омолаживает типы И. Б. Зеест: сосуды с воронкообразным горлом датированы второй половиной VI в. до н. э., пухлогорлые амфоры — V в. (до 480 г.), амфоры с перехватом — серединой V в., пухлогорлые амфоры с прямыми стенками в нижней части горла — третьей четвертью V в. до н. э.

Н. А. Лейпунской проанализированы хиосские амфоры на ольвийском материале, они включены в группу амфор «с цилиндрической ножкой и грибовидной ямкой»⁴.

Типологию хиосских амфор с наиболее узкой хронологией предложил В. В. Рубан, разработав ее на материалах раннеантичных поселений Бугского лимана. На основании различий в формах горла, венчика, ножки, состава теста, паличия или отсутствия окрашивающих полос и даже их ширины В. В. Рубан датирует выделенные типы с точностью до 10—25 лет⁵.

И. Б. Брашинский датирует типы хиосских амфор в пределах 30—50 лет, его разработки стоят ближе к типологии В. Грейс⁶.

В материалах Анапского поселения встречены обломки воронкообразных горл хиосских амфор, прямая стенка которых переходит в венчик округлой формы, окрашенный обычно в красный, черный или бурый цвета (табл. 58). Некоторые горла помечены красочными кружками, крестами или кругами с точкой в середине. С этими венцами связаны ножки, углубления в которых имеют конические очертания. Достаточно распро-

странены пухлые горла — как с росписью, так и без нее. Их орнаментация обычно состоит из окрашенного венца и узкой (1–2 мм) полосы на ручках. Окраска колеблется от красной до желто-коричневой, в более редких случаях использован черный пигмент. Распространены также нанесенные краской кружки и кресты на горлах. Пухлогорлым амфорам принадлежат ножки с грибовидной выемкой снизу. Части амфор с воронкообразными и пухлыми горлами в одних комплексах сочетаются, в других — последние преобладают. Очевидно, Анапское поселение возникло тогда, когда еще были в ходу амфоры с воронкообразными горлами, но уже вошли в употребление и пухлогорлые.

Амфоры с пухлым валиком на горле и небольшим углублением снизу ножки не характерны для жилых комплексов, открытых в пределах раскопа «Океан» 1982 г. Единичные обломки этих амфор встречены в домах с «тонкими» стенами, что свидетельствует о существовании построек IV строительного периода до третьей четверти V в. до н. э. Ввиду того, что обломки хиосских амфор с валиком на горле в этих домах непомножены, следует считать, что они погибли примерно тогда, когда новый тип хиосской тары только появился. Целая такая амфора (но без ножки) найдена в строительной траншее перед восточным крылом гостиницы «Анапа», в другой такой амфоре совершено погребение младенца на некрополе анапского поселения.

Хиосский импорт не прерывается: в домах поселения, территориально расширившегося на рубеже V–IV вв. до н. э. (строительный период IA, слой «Предгоргишши» на участке заповедника), появились амфоры с прямыми горлом и низкой массивной ножкой, а также амфоры с колпачковыми ножками, которые сейчас признаны всеми исследователями хиосскими. Последние становятся на поселении особенно массовыми.

Глины хиосских амфор шероховаты из-за обилия песка. В окраске преобладают светлые коричневатые тона. Обязательно присутствие белых известковых включений, степень насыщенности слюдой различна. Излом черепка иногда бывает серым. Среди массивных низких ножек поздних амфор встречаются сделанные из рыхлой темно-коричневой глины.

Тесто амфор с колпачковыми ножками, напротив, плотное, почти лишено песка, а иногда и слюды, но белые примеси в нем присутствуют. В окраске преобладают нежные розовато-бежевые тона, некоторые образцы сделаны из более грубой оранжевой глины. Надо полагать, что с началом производства этих амфор были задействованы новые глинища.

Другой тип амфор — распространенные на Боспоре сероглиняные и красноглиняные амфоры со стаканообразными доньями — подробно описан И. Б. Зеест⁷. Все они имеют прямое горло с пухлым венцом в форме полувалика, непосредственно под которым размещен узкий рельефный поясок. Укрепленные под венцом ручки имеют округлое сечение и заостренное окончание у нижнего корня на плече сосуда. Ножки этих амфор обычно полые с узкой плоской подошвой, они имеют вид усеченного конуса.

Локализация сероглиняных амфор на Лесбосе сейчас не вызывает сомнения. Ранние лесбосские амфоры массивны. Они относятся ко второй половине VI и началу V вв. до н. э. Эти амфоры синхронны хиосским

с воронкообразными горлами, но стандарты их превосходят емкости хиосских. И. Б. Брашинским рассчитано, что объем продукта, доставлявшегося в 9 лесбосских амфорах, соответствовал содержимому 10 хиосских с воронкообразным горлом. Объем 4 лесбосских амфор соответствовал объему пяти пухлогорлых хиосских. Со второй половины V в. стандарт лесбосских амфор уменьшается и начинает соответствовать стандарту поздних пухлогорлых хиосских. Лесбос экспортировал в амфорах оливковое масло и вино. Обломки ранних массивных лесбосских сероглиняных амфор на Анапском поселении единичны, обломки амфор V в. более многочисленны.

Вопрос о локализации красноглиняных амфор со стаканообразными ножками до сих пор остается открытым. Предполагалось, что они могли быть аттического производства. Против категоричности в решении этого вопроса выступил И. Б. Брашинский⁸. Н. А. Лейпунская выделила множество видов глин для этих амфор и высказалась в пользу множественности выпускавших их центров⁹. Б. Клиненбёд предполагает, что такие амфоры изготавливались на Фасосе, так как там найдена бракованная красноглиняная керамика со стаканообразными доньями¹⁰.

В комплексах Анапского поселения VI—V до н. э. обнаружено значительное число фрагментов этих амфор, одних пожек 130 экз. (табл. 59). В соответствии с выделенными И. Б. Зеест вариантами «а» и «б» для типа 9 разделяются и профилированные части амфор Анапского поселения. Венцы как бы оттянуты наружу и достигают значительной высоты (1,5—2 см). Ручки имеют «S»-образную форму и обязательную рельефную накладку у нижнего края, получившую в западной литературе название «rattail» — «крысиный хвост»¹¹. Донья одних амфор совершенно полые с маленькой округлой ямкой на дне, у других они сплошные с глубокой выемкой снаружи.

Глины амфор со стаканообразными доньями Анапского поселения отличаются большим разнообразием цветов: оранжевые, лилово-оранжевые, бежевые, сероватые, буро-коричневые. Все они на ощупь шероховатые, так как насыщены песком. В тесте различимы белые и черные включения, блестящие частицы рыжеватого кварца. Некоторые амфоры сделаны из мягких глин, близких к кругу Фасоса. Толстые черепки в изломе обычно имеют серый закал (ручки, ножки). На некоторых черепках замечены элементы росписи — красная полоса проведена под венцом, другая спускается вниз от венца, красным бывают обведены «крысиные хвосты», встречаются окрашенные в красный цвет ножки. Отмечена ручка характерной формы с залощенной поверхностью (табл. 20: 16).

Не менее многочисленны в культурном слое Анапского поселения VI—V вв. до н. э. и амфоры, названные И. Б. Зеест протофасосскими (табл. 59)¹². Это небольшие сосуды с прямым горлом, слегка расширяющимся на уровне венца. Со стороны ручек горло бывает сжато, отчего в плане имеет эллипсоидную форму. Невысокие овальные в сечении ручки укреплены под венчиком. Нижний край венца иногда обрезан острым инструментом и в разрезе имеет вид птичьего клюва. Под венчиком горло обычно опоясано бороздкой. Высота венчика варьирует. Маленькая ножка этих амфор похожа на узкий кольцевой поддон с наружной вертикальной или скошенной гранью пояса. Протофасосские амфоры сдела-

ны из тонких глин, насыщенных слюдой и похожих на группу фасосских глин. В тесте встречаются белые вкрапления. Цвет глин варьирует в пределах светлых тонов красновато-коричневатой гаммы.

Ряд исследователей пытается отнести часть протофасосских амфор к самосской таре¹³. Выделить группу самосских амфор и определить хронологические периоды в развитии этой тары удалось сравнительно недавно¹⁴. В. Грейс установила, что продуктом экспорта Самоса в керамической таре было оливковое масло.

Образцов ранней самосской тары в керамической коллекции Анапского поселения мало: 5 ножек и 8 обломков венцов. Они принадлежат сосудам второй половины VI — начала V в. до н. э. Профилированные части амфор протофасосского типа Анапского поселения датируются концом VI—V вв. до н. э., они многочисленны.

Для выяснения количественного соотношения амфор различных групп из коллекции Анапского поселения* произведен подсчет ножек. Установлено, что среди них преобладают красноглиняные амфоры со стаканообразными дощьями (51%), группа протофасос—самос составляет 33%, амфоры Хиоса — 14%¹⁵. Обычно считается, что в западном, северо-западном и северо-восточном Причерноморье с середины VI до конца V в. до н. э. наиболее широко представлены хиосские амфоры¹⁶. Аналогичную Анапскому поселению картину распределения амфорных обломков дает культурный слой Торика с близлежащей Геленджикской бухтой. Там также преобладают амфоры со стаканообразной ножкой, но амфоры типа самосских и протофасосских уступают место хиосским и амфорам с широкой полосой¹⁷. Обломки амфор со стаканообразной ножкой довольно часто встречаются и далее по восточному берегу Черного моря — в Колхиде¹⁸. Данных же о соотношении этих амфор с тарой других центров из поселений Колхиды нет.

Рассмотрение материала амфор Анапского поселения приводит нас к выводу о том, что пик торговой активности этого пункта приходится на первую четверть V в. до н. э.¹⁹

Находки прочих амфор сверх трех указанных групп на Анапском поселении составляют не более 2%. К ним относятся и амфоры с широкими полосами (табл. 58). Они неизменно повторяют одну схему орнаментации: две горизонтальные полосы опоясывают верхнюю и нижнюю части корпуса. Две вертикальные полосы той же ширины (около 2 см) спускаются по ручкам от окрашенного венца до пересечения с нижней горизонтальной полосой. И. Б. Зеест²⁰ и М. М. Кобылина²¹ предполагали, что эти амфоры производились где-то на восточном побережье Эгейского моря, возможно, в Милете. П. Дюпон с помощью естественных методов установил клазоменское происхождение таких амфор, но он полагает, что район их производства мог быть шире²². Раскопки Клазомен с 1979 г. подтвердили выводы П. Дюпона — были найдены бракованные при обжиге фрагменты двух типов амфор с широкими полосами. Оба типа относятся ко второй половине VI в. до н. э.²³ Классификация клазоменских амфор по материалам Нижнего Побужья разработана В. В. Рубаном. Автор строит типологический ряд образцов с последней трети

* Раскоп «Океан» 1982 г.

VI в. первой половины VI в. (тип I) по вторую половину VI в. до н. э. включительно (тип II А, Б), отмечая тенденцию в перемещении приземистых пропорций от горла к ножке²⁴.

Своеобразная амфора найдена в погребении 7 некрополя на территории ОПХ «Анапа» (табл. 46: 5). Очертания ее ножки и венца соответствуют деталям архаических амфор, но разных групп. Тонкая оранжевая глина с крупными белыми и обильными мелкими черными включениями с мельчайшими блестками и красноватыми вкраплениями визуально близка одной из групп горгиппийских глин. Аналогии этой амфоре мне не известны.

В культурном слое Анапского поселения встречены фрагменты амфор, помеченные различными знаками, нанесенными тонким острием по сырой глине: вертикальным штрихом (Хиос, табл. 34: 10), размашистым крестом (пухлогорлый Хиос), кружком диаметром 10—12 мм у корня ручки (пухлогорлый Хиос, табл. 30: 11; 31: 2, 4, 10), кружком диаметром 5 мм в нижней части горла (табл. 31: 10), перекрещивающимися линиями на ручке (табл. 31: 8, 9), буквой греческого алфавита (амфора с широкими полосами, табл. 31: 11).

Привезенная из Средиземноморья чернолаковая посуда обильно представлена мелкими осколками простых и расписных сосудов, целые экземпляры происходят из некрополей. Лак отличается металлическим блеском, зеленоватым оливковым отливом, наличием пятен сургучно-бурого цвета, с конца V в. до н. э. — густотой и высоким качеством. Простые чернолаковые сосуды бывают украшены поясами дурпура или оставленной без лакового покрытия глины. Среди них есть фрагменты кратеров, ойнохой, плоскодонных амфор, глубоких киликов и фригиков в виде изящных чаш, небольших вазочек, скифосов, чашек с одной петельчатой ручкой и чашек всевозможного диаметра (5—14 см) с различными очертаниями края и профиля поддона (табл. 63). Большая часть имеющихся образцов может быть отнесена к аттическому производству и датирована позднеархаическим временем и началом классики; почти всем можно найти аналогии среди материалов афинской агоры²⁵. Светильники из комплексов Анапского поселения (полуземлянка I, помещения 9, 13 и вымостка 83) также подобны известным по раскопкам экземплярам на афинской агоре²⁶.

Среди расписной чернолаковой керамики преобладают черепки аттических сосудов, но встречены также изделия и различных центров Ионии. Расписными были сосуды открытых и закрытых форм. Почти все они не выходят за рамки второй половины VI (главным образом, последней его четверти) и V в. до н. э. Следует отметить, что состояние большей части фрагментов позволяет судить о форме сосуда лишь приблизительно. Отметим наиболее определенные фрагменты. Преобладает чернофигурная роспись.

В культурном слое VI—V вв. до н. э. выявлена ножка аттического килика с Горгонеионом в медальоне на дне сосуда — класс чаш на низкой ножке (табл. 5: 8). Чернолаковый рисунок дополнен пурпуром (некоторые пряди волос, зрачки глаз, язык) и белой краской (серьги в мочках ушей, зубы). Пряди волос и борода подчеркнуты резными линиями. Еще один подобный медальон зафиксирован в выкиде при снятии верхних на-

пластований раскопа «Океан». Медальоны обычно располагались внутри киликов, украшенных снаружи различными масками и глазами-апотропеями. В помещении 8 уцелел фрагмент (табл. 19: 3), в котором можно видеть зрачок от глаза маски, одно из колец окрашено пурпуром. Аналогии датируют анапские образцы концом VI в.²⁷ Фрагмент венчика с двумя тонкими поясками пурпура у края и веткой лозы над пятном черного лака (табл. 27: 4) также мог принадлежать подобному килику, пятно в таком случае является частью глаза²⁸. К килику того же класса, но с широкой полосой по краю можно отнести фрагмент с уцелевшим крылом Сфинкса (табл. 30: 2). Оперение крыла проработано резьбой²⁹. Реконструирован килик с глазами и пасущимися оленями (табл. 68: 2; 71: 4).

В коллекции керамики Анапского поселения есть и другие мелкие фрагменты расписных киликов и более глубоких чаш, возможно, скифосов с придонными поясками лака, плетенки и пальметт, дополненных пурпуром и белилами (табл. 19: 4; 30: 6, 7), с чернолаковым рисунком лоз и листьев плюща (табл. 19: 5, 30: 5).

В помещении 13 найден фрагмент глубокого открытого сосуда с полосами лака и пурпура в придонной части. Выше полос сохранилось чернофигурное изображение ног приплясывающей мужской фигуры и лоза (силен, комаст?). Изображение должно быть связано с дионисийским культом (табл. 30: 10).

Интересен обломок придонной части килика с густым черным лаком внутри и чернофигурным изображением в беглом стиле снаружи (табл. 5: 2). Уцелели нижние части двух фигур в хитонах, одной — стоящей, другой — сидящей на дифросе. Подола и складки одежды обозначены прорезными линиями и белой краской. Сзади сидящего размещался конь, от которого уцелели ноги с копытами. Сидящий мог быть Дионисом или иным персонажем.

Чаше-скифосу может принадлежать черепок (табл. 27: 2), силуэтная роспись которого выполнена в манере мастера Хаймона, работавшего в первой четверти V в. до н. э.³⁰

Обнаружен венец диаметром 26 см от кратера или расписной амфоры (табл. 30: 1а, б). Последний украшен в чернофигурном стиле — верхняя часть расписана узором из соединенных дугами бутонов лотоса, боковая грань опоясана двумя рядами стилизованных листьев плюща. Эти орнаменты характерны для VI — начала V вв. до н. э.³¹

На поселении встречены и части лекифов с чернофигурной росписью по светлому фону (табл. 19: 7, 10). Их плечики украшены палочным и лучевым орнаментом. Такой тип лекифов был достаточно распространен³². На некрополе Анапского поселения выявлены аттические чернофигурные лекифы с пальметтами (табл. 8: 1; 15: 2)³³. Контуры лепестков пальметт усилены резьбой. Эти лекифы характерны для середины V в. до н. э.³⁴ Встречены лекифы с фигурой воина и пасущихся животных (табл. 70).

Края одежд и мускулы тела небрежно подчеркнуты прорезными линиями и на другом закрытом сосуде, от которого уцелел фрагмент с частью двух фигур (табл. 5: 4). Обнаженная коленопреклоненная мужская фигура размещена перед сидящей задрапированной в широкие

одежды женской фигурой, кисть которой, окрашенная белилами, опирается о копьё (Афина?). Манера исполнения росписи крайне непринужденна. Прорезывные линии подчеркивают мускулы тела и контуры руки мужской фигуры, а также края и складки женской одежды. Они пересекают небрежно нанесенные мазки лака, гравировка исполнена после обжига сосуда. Такая манера исполнения появилась в поздний период чернофигурного стиля и особенно распространилась в середине V в. В это время в Аттике производством расписной керамики становится массовым, оно учитывает спрос широкого рынка. В беглом стиле вырождаются некогда устойчивые иконографические схемы определенных мифологических сюжетов³⁵.

В беглом стиле исполнена роспись другого закрытого сосуда, от которого уцелел черепок с нарисованными черным лаком ногами двух идущих фигур, одетых в длинные хитоны (табл. 19: 9). Край и пояс хитона одной фигуры украшен полосами пурпура, подол хитона другой — резными завитками. Подобные сюжеты известны на аттических пиксидах и расписных амфорах второй половины и конца VI в. до н. э.³⁶

На некрополе Анапского поселения найдена небольшая чернофигурная гидрия начала V в. На ее тулове изображена часть быка, тянущегося к лутериям. Сверху — две пальметты, по бокам — гладкие и точечные полосы лака³⁷. Такой гидрии могли принадлежать осколки дна и придонной части с лучевым орнаментом, обнаруженные в сырцовой гробнице на Утане (табл. 57: 3).

На внешней стороне небольшого черепка уцелело своеобразное изображение быка (Мипотавр?), выполненное матовым коричневым лаком. На силуэте грубо прочерчены детали рисунка (табл. 19: 11).

Встречен фрагмент клазоменского сосуда с чешуйчатым орнаментом (табл. 27: 1), возможно амфоры. Выше отмечена великолепная клазоменская амфора с фигурной росписью (табл. 65, 66). Группа восточно-ионийской керамики клазоменского стиля широко распространена по Средиземноморью. Части клазоменских сосудов зафиксированы в Навкратисе, на Делесе, во многих центрах Северного Причерноморья³⁸.

Обломков краснофигурных ваз раннего времени немного. Характером росписи и качеством лака они датируются V в. до н. э. В помещении 9 найден край широкой чаши с фигурой всадника в развевающемся на скаку плаще и копьем наперевес (табл. 27: 3). В бою на конях обычно выступали варвары³⁹. Возможно толкование выявленного в Анапе изображения как сцены состязания всадников по метанию копья в укрепленный неподвижно щит⁴⁰. Детали этого изображения прорисованы очень тщательно.

Тонкостью исполнения отличаются два фрагмента донных частей блюд, открытых на нижнем горизонте культурного слоя заповедника «Горгицкия». На них некрашеное поле глины покрыто тончайшими линиями черного лака, нанесенными кистью. Они передают складки подпоясанного хитона стоящей фигуры (табл. 5: 6) и экспрессивные движения двух пляшущих (табл. 5: 7). Одежды танцующих фигур сложно и тонко орнаментированы, детали узора дополнены белой краской, пурпуром и позолотой.

Некрополь Анапского поселения дал целые формы аттических краснофигурных сосудов. В одной из могил найдены скифос и ойнохоя. Скифос имеет характерное для V в. до н. э. широкое в нижней части тулово и массивные горизонтальные ручки (табл. 8: 3, 9). На одной стороне скифоса изображен силен, преследующий менаду, на другой — эрот, преподносящий шкатулку с дарами. Под ручками помещены пальметты в обрамлении завитков. Мускулы на теле силена и эрота, оперение крыла, складки длинных женских одежд, лица фигур, — все это передано изгибами тончайших линий, нанесенный кистью. Фон и внутренняя поверхность скифоса покрыты густым черным лаком, образующим в отдельных местах пятна с оливковым отливом. Дионисийский сюжет росписи и форма самого сосуда были достаточно популярны в V в. до н. э.⁴¹

Вместе со скифосом обнаружена небольшая ойнохоя с краснофигурной росписью (табл. 8: 2). Изображен стоящий юноша в легко наброшенном плаще. Пространство перед ним ограничено столбиком, над фигурой помещен пояс с овами. Роспись ойнохой исполнена в той же манере, как и роспись скифоса. Фигуры юноши и эрота на этих двух сосудах одинаково тяжелы. Форма ойнохой характерна для V в.⁴² Густой черный лак имеет оливковые пятна.

Для погребения праха умершего в одной из могил некрополя Анапского поселения использован великолепный краснофигурный колоколовидный кратер (табл. 11—13). Он покрыт густым черным лаком, имеющим в отдельных местах оливковый отлив. Край устья снаружи украшен венком из листьев оливы. Низ композиционного поля опоясан полосой меандра, прерываемого квадратом с шашечным орнаментом в нем. Корни ручек опоясаны узором ов. На лицевой стороне кратера размещены четыре фигуры — два силен с музыкальными инструментами и две менады, одна с тамбурином, другая с факелом и пальмовой ветвью. Сидящий на скале силен играет на флейте, другие фигуры двигаются вправо. Приплясывающий силен играет на кифаре. Детали изображения подчеркнуты белилами. На обороте вазы воспроизведены трое юношей в гиматиях, два из них опираются на посохи. Под ручками сосуда размещены крупные пальметты. Подобные кратеры с росписью на дионисийские сюжеты известны в собраниях многих музеев мира, они расписаны мастерами Атики и Южной Италии во второй половине и конце V в. до н. э.⁴³

Штампованный орнамент на чернолаковой керамике Анапского поселения еще редок, он появляется в его поздних комплексах. Встречаются оттиски пальметт и поясков с овами. Узоры украшают преимущественно внутреннюю поверхность чаш.

В культурном слое Анапского поселения обильно представлены осколки ионийской керамики, встречены они и в окрестностях поселения (табл. 60—61, 71). Преобладают тонкостенные сосуды бытового назначения, покрытые жидким лаком неустойчивой окраски — черного, бурого, красного и рыжего оттенка, обычно с металлическим блеском. Лаком заняты определенные зоны и полосы, изображены зигзаги, завитки и волути. Росписи нередко дополнены пурпуром и белилами. Некоторые сосуды имели сплошное покрытие неровным слоем жидкого лака. Отметим обломок венца глубокой чаши, с внешней стороны которой на широкой светлой полосе размещались розетты в виде кружка черного лака с точ-

ками белил (табл. 5: 5). Толщина стенок этой чаши не превышала 0,2 см. Лаковое покрытие многих тонкостенных чаш пересечено тончайшими линиями пурпура. Найдены полосатые аски, светильники, ойнохой, плоскодонные амфоры с зигзагом на горле и узором горизонтально лежащей восьмерки на плечах (табл. 6: 1—3, 8; 10: 3; 40: 30; 71). Подобная керамика распространена на всех античных поселениях Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.⁴⁴

Сделанная на гончарном круге простая посуда (табл. 60—61) часто орнаментировалась полосами неблестящей красной и черной краски в подражание привозной ионийской, расписанной лаком. Красочными поясками обводились края лутериев, мисок, кастрюль, ойнохой и кувшинов, тулова и ручки закрытых сосудов. Миски, леканы и блюда передко целиком окрашивались красно-бурой неблестящей краской, покрывавшей поверхность беспорядочными мазками. Тесто круговых сосудов VI—V вв. до н. э. сделано большей частью из тонкой бежевой глины с блестками и белыми вкраплениями. Поверхность многих сосудов шероховата от насыщения глины песком. Встречены сосуды, сделанные из мягкой белой глины, лишенной визуальных примесей, похожей на мел. Некоторые сделаны из хрупкой белой глины, насыщенной кварцем.

Изучение круговых сосудов с красочными полосами из различных центров Северного Причерноморья архаического времени привело исследователей к выводу о наличии собственного производства подобной керамики в данном регионе. Установлено, что такие сосуды в конце VI в. изготавливались в Пантикапее, Нимфее, Фанагории и, возможно, Гермонассе⁴⁵. Обилие фрагментов этих сосудов в культурном слое Анапского поселения, частая встречаемость целых экземпляров в погребениях, а также визуальная однотипность глин некоторых из них и групп глин круговой керамики широкого хронологического диапазона из Гор-гипсии позволяют видеть в ряде разбираемых образцов из Анапы и ее окрестностей местную продукцию. Действительно, нет причин, чтобы живший полтора столетия полнокровной жизнью значительный пункт не налаждал собственного производства необходимой в повседневном быту посуды. Образцами при этом служили привычные формы привезенных из Средиземноморья сосудов.

В лепной керамике (табл. 62) наиболее популярны были глубокие конические миски с прямым или скошенным внутрь краем, иногда дополненные плоскими вертикально стоящими «ушками», а также горшки грушевидной и баночной формы без горл и венцов с различной криватурой изгиба стенок. Края их иногда скошены внутрь или слабо оттянуты наружу, бывают украшены неглубокими ямками. Распространены горшки биконической формы с нечетким ребром в зоне наибольшего расширения, они также лишены венцов. Многочисленны глубокие миски с прямым краем и плавным расширением сосуда в средней части. У многих мисок в наиболее широкой верхней части грубо намечено ребро и слегка оттянут наружу край. Все эти типы сосудов известны в пунктах меотской культуры⁴⁶. В то же время, некоторые из них бытовали шире и были популярны в центрах античной культуры не только Северного Кавказа, но и Крыма⁴⁷.

Среди лепных сосудов можно выделить группу, подражающую формам круговой керамики: ойнохой и миски с мягко загнутым внутрь краем.

Тесто лепных сосудов рыхлое, черепок окрашен в коричневые и серые цвета. Характерно сильное насыщение глины кварцевым песком и крупными белыми включениями (толченые раковины?). Заметно обилие органических примесей, они выгорели при обжиге, образовав пустоты. Поверхность большинства лепных сосудов слегка залощена. Отмечено серое и коричневое лощение. Часто лощение покрывает и внутреннюю часть сосуда. Очевидно, таким образом избавлялись от влагопроницаемости рыхлых пористых изделий.

Обломки лепных сосудов присутствуют во всех жилых комплексах, значительно уступая круговой керамике. Лепные сосуды популярны в погребальном инвентаре некрополей местного населения в окрестностях Анапы, но почти отсутствуют в могилах жителей самого поселения. Величина сосудов широко варьирует в пределах мелких и средних размеров, крупных горшков (вроде небольших пифосов) не встречено.

Обобщая наблюдения над погребальным обрядом раскопанных могил в городе и районе, можно указать на некоторые закономерности. Предварительно заметим, что плохое состояние большинства захоронений и сравнительная их немногочисленность позволяют лишь наметить ряд особенностей. Обычно в ранних погребениях всегда что-то нарушено, например, не ясно, отсутствовали изначально или утрачены перекрытия. Перемешаны друг с другом кости скелетов — так или иначе нарушена целостность и первоначальное положение погребенного. Объясняется это прежде всего тем, что на исследуемом раннем этапе истории данного региона здесь существовал обычай погребать умерших неглубоко. Даже без последующих ограблений могил эта особенность погребального обряда не способствовала сохранению целостности захоронения. В могилах, засыпанных каменным боем или закрытых очень крупными плитами, часто нельзя понять, как лежали и куда были обращены головой погребенные, не говоря уже о положении их рук и ног. Весь антропологический материал в плохом состоянии. На имеющемся материале нельзя проводить четких сопоставлений особенностей. Можно отметить то, что встречено несколько раз, говорить же об абсолютном преобладании того или иного явления не приходится ввиду отрывочности собранных наблюдений.

Отмечено, что простые грунтовые могилы были популярны только на городском некрополе, в ряде случаев они здесь впущены в скалу. Дно могил устроено не ниже 0,5—1 м от древнего горизонта жизни. Захоронение праха в урне и младенца в амфоре, установка надгробия (с греческим текстом), — все это также отмечено только для города. Каменными ящиками в городе пользовались, но без обильных засыпок их каменным боем, наброски камней над могилами более чем скромны. В городе отмечена и могила, стенки которой сложены из камней подобно стене дома. На рядовых некрополях района преобладают два типа погребальных сооружений: 1) каменный ящик (с плитовым закладом или без), окруженный плоскими камнями на уровне заклада и засыпанный вместе с кольцом и закладом грудой ломанных камней; 2) то же самое, но вместо ящика устроена просто лунка в грунте (часто скальном), либо оградка из небольших камней внутри кольца более крупных и плоско лежащих, все засыпано ломанными камнями.

Для города характерны одиночные захоронения, в районе наряду с одиночными распространены коллективные погребения (от 2 до 7—10 человек).

В городе замечено присутствие угольков в засыпях могил, в районе их не выявлено. Камкой для подстилки пользовались в городе и районе, там и там употребляли реальный и охру (в районе чаще и обильнее). Мел и галька встречаются только в районе, установлено даже наполнение расписной ионийской амфоры меловой массой.

В городе и районе преобладает положение головой на восток, юго-восток и северо-восток, встречаются единичные погребения головой на запад, север и юг. Скорченное положение сочеталось с южной, северной и западной ориентациями покойника. При западной ориентации скорченный покойник лежал на левом боку, при южной и северной — на правом. В городе отмечено сведение ступней вместе и положение кисти на таз, в районе из-за забитости могил камнями эту особенность проследить не удалось.

Керамика присутствует в погребениях почти обязательно. Амфоры использовались для захоронения младенцев, однажды в могиле стояла целая амфора (район), амфорные черепки часты среди каменных засыпок могил в районе. Кувшины и ойнохой (однажды гидрия) ставились в ногах и в средней части могилы — простые, краснофигурные (город), лепные (район), с красочными поясками (езде). Кратер встречен однажды использованным как урна (город). Скифосы найдены в ногах погребенных и только в городе. Лекифы (в городе), простые флаконы (в районе) клали в более крупные сосуды, помещали в ногах и у головы. В погребальном инвентаре популярны всевозможные миски и чашки. В районе их помещали за голову и в ногах умершего, в городе — в ногах и средней части могилы. В районе и городе обнаружены простые круговые, с цветными поясками и чернолаковые миски и чашки, лепные в могилах горожан единичны, но на некрополях района множественны. Горшки преимущественно ставили в ногах, реже — за головой, они популярны в районе (лепные, иногда слегка залощенные). В городе покойнику ставили аски и пиксиды.

Оружия найдено больше в районе. В городе только дважды зафиксированы копья или дротики, найден меч. Мечи клали чаще справа, отмечено положение меча на таз. Стрелы выявлены только в могилах района, обычно их размещали по несколько штук в ногах и у головы покойника (преимущественно железные).

Из орудий труда следует указать единичные находки игл, пряслиц и пожей. Дважды встречены просверленные астрагалы, обнаружены раковины (город и район).

Украшения очень скромны. Наиболее популярными были бронзовые браслеты (район). В могилах некрополя на территории ОПХ «Анапы», почти во всех, найдено по несколько браслетов. Формы их характерны для широкого региона античного Причерноморья ранней эпохи: с коническими шишечками на концах, с перетяжками по всей дужке. Перстни редки, выявлено только два железных. Серьги в городе не популярны (имеются единственные серебряные). В районе найдена крупная биконическая бронзовая серьга, характерная для кобанской культуры. В райо-

не популярны серебряные и бронзовые височные спиральки в полтора оборота из толстой проволоки с шишечками или перетяжками на концах.

Бусы не составляли ожерелий. Очевидно, они выполняли роль амулетов — 1—5 штук в могиле. Встречены характерные для этого времени свинцовые пряслица и бусы, скараabei из египетского фаянса с иероглифами, глазчатые бусины. Ядра крупных стеклянных бус сформованы навивкой на основе керамической трубки, орнаменты накладные.

- ¹ Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции в VI—V вв. до н. э. // ИГАИМК. М., 1935. Вып. 108. С. 179; *Anderson J. K. Excavation on the Kofina ridge, Chios* // BSA. 49. 1954. P. 175.
- ² Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. М., 1960. № 83. С. 74—78.
- ³ *Grace V. Amphoras and the Ancient Wine Trade*. Princeton, 1960.
- ⁴ Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. С. 56—59.
- ⁵ Рубан В. В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- ⁶ Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 95—99; *Он же. Античные государства Северного Причерноморья. Материальная и духовная культура. Торговля* // Археология СССР. М., 1984. Табл. 68.
- ⁷ Зеест И. Б. Указ. соч. С. 72—74.
- ⁸ Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 108; *Брашинский И. Б. К проблеме локализации группы амфор с так называемыми стаканообразными донышками* // КСИА. Вып. 174. М., 1983.
- ⁹ Лейпунская Н. А. Керамическая тара... С. 27.
- ¹⁰ *Clinkenbeard V. C. Lesbian and Thasian wine amphoras questions concerning collaboration* // RAG, BCH. Suppl. XIII. 1986.
- ¹¹ *Clinkenbeard V. C. Lesbian wine and storage amphoras. A progress on identification* // *Hesperia*. 1982. V. 51, N 2.
- ¹² Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. С. 79.
- ¹³ Рубан В. В. О датировке Ягорлыцкого поселения. С. 107; Лейпунская Н. А. Керамическая тара... С. 51.
- ¹⁴ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. С. 70; *Grace V. Samian amphoras* // *Hesperia*. V. 40. 1971.
- ¹⁵ Малышев А. А. Позднеархаические амфоры из Горгиипии // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С. 97—98.
- ¹⁶ Брашинский И. Б. Методы исследования... С. 92.
- ¹⁷ *Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта*. М., 1980. С. 73.
- ¹⁸ *Казидзе А. Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети, Пичвнари)*. Тбилиси, 1971. С. 197.
- ¹⁹ Малышев А. А. Указ. соч. С. 98.
- ²⁰ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. С. 71—72.
- ²¹ *Кобылина М. М. Милет*. М., 1965. С. 29.
- ²² *Dumont P. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'est* // *La parola del passato. Rivista di studi antichi*. 1982. P. 200; *Idem. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros* // *Dacia*. 1983. V. 27. P. 25—26.
- ²³ *Dočer E. Premières remarques sur les amphores de Clazomenes* // RAG, BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 464—467.
- ²⁴ Рубан В. В. Классификация клазоменских амфор из Нижнего Побужья // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщ. семинара, Парутино, сент. 1985 г. Киев, 1985. С. 67—68.
- ²⁵ *Sparkes B. A. et Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries b. c.* // *The Ahtenian Agora*. N. J., 1970. V. 12, NN 413, 454, 483, 572, 578, 737, 754, 759, 968, 979, 990—995.

- ²⁰ Howland R. H. Greek lamps and their survivals // The Athenian Agora. N. J. 1958. V. 4. P. 20–35, NN 76, 77, 110, 111.
- ²¹ Beazley J. D. Attic Black-figure Vase-painters. Oxford, 1956. P. 205–206; Ghali-Kahlil L. La ceramique grecque (fouilles 1911–1956) // Etudes thasiennes. P., 1960. V. 7. Pl. 30, N 46–48; CVA Romaine. 1965. P. 16, N 6; Freyer-Schauenburg B. Gorgonion-Skyrphoi // JDI. Band 85. 1970. S. 1–27; Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. № 8, 34.
- ²² Сравни: Горбунова К. С. Там же, № 8.
- ²³ Сравни: Там же, № 35.
- ²⁴ Boardman J. Athenian red figure vases. The archaic period. L., 1975. P. 234; Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы... С. 153 и сл.
- ²⁵ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 147; Cook R. M. Greek painted pottery. L., 1960. P. 38–39.
- ²⁶ Beazley J. D. Attic Black-figure Vase-painters. P. 557–567; Горбунова К. С. Чернофигурные вазы... С. 124 и сл.
- ²⁷ Салов А. И., Смирнова Т. М. Новые находки в Анапе // КСИА. Вып. 130. М., 1972. С. 53–61.
- ²⁸ Apollonia. Разкопките в некропола на Аполлония през 1947–1949 г. София, 1963. С. 73.
- ²⁹ Блаватский В. Д. История... С. 150–151; Cook R. M. Greek painted pottery. P. 87–89. CVA Great Britain. 1954. Pl. 100, N 24; CVA Jugoslavie. 1975. Pl. 19, N 8.
- ³⁰ Салов А. И., Смирнова Т. М. Новые находки... С. 53–54.
- ³¹ Книпович Т. М. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // ИГАИМК. М.; Л., 1927. Т. 5. Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- ³² Boardman J. Athenian red figure vases. The archaic period. L., 1975. N 303.
- ³³ Idem. Athenian black figure vases. L., 1974. N 304. 2.
- ³⁴ Сидорова Н. А., Тугушева О. В., Забелина В. С. Античная расписная керамика из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985. № 40.
- ³⁵ Блаватский В. Д. История... С. 96.
- ³⁶ CVA Jugoslavie. 1975. P. 50, № 416; Сидорова Н. А., Тугушева О. В., Забелина В. С. Античная расписная керамика... № 53, 54.
- ³⁷ Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. М.; Л., 1952. № 25. Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. № 103. М.; Л., 1962. С. 142 и сл.; Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. Л., 1927. Т. 13.
- ³⁸ Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. Т. 16. С. 249 и сл.; Блаватский В. Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 122; Скуднова В. М. Местная расписная керамика Нимфея в VI в. до н. э. // КСИА. 1957. Вып. 7. С. 73 и сл.; Цвегаева Г. А. Керамическое производство. Боспор. Нимфей // САИ. 1966. Вып. Г1–20. С. 18; Она же. Производство расписной керамики в Фанагории в VI–V вв. до н. э. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 21 и сл.
- ³⁹ См., напр.: Анфимов Н. В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. № 11. Он же. Меотосарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23; Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Покровской // МИА. 1958. № 64; Онайко Н. А. Архаический Торик. С. 84–90.
- ⁴⁰ Напр., конические чашки: Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. Рис. 4; табл. II, 5, 6.

I. ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ АНАПСКОГО ПОЛИСА

(табл. 2; 7—17)

Погребение 1¹ обнаружено на ул. Кубанской в 13 м к востоку от смотрового колодца, считая от Русских ворот Анапы. Разрушено, погребенный лежал головой на восток.

Погребальный инвентарь: чернофигурная гидрия, чернолаковая солонка, светлоглиняный арибалл, глазчатая бусина.

Погребение 2² выявлено там же, в 19 м восточнее четвертого смотрового колодца. Погребальное сооружение — могильная яма; захоронение разрушено.

Погребальный инвентарь: чернофигурный лекиф, четыре пряслица (одно из них свинцовое), железный нож, глиняный бомбилий, бронзовая игла, открытый светильник.

Погребение 3³ найдено в 9 м к востоку от предыдущего. Погребальное сооружение — грунтовая могила. Умерший лежал вытянуто на спине головой на восток, длина скелета — 1,72 м.

Погребальный инвентарь: чернофигурный лекиф, железный меч (слева), наконечник копья (справа).

Погребение 4 (табл. 2; 14: 4) открыто Т. М. Смирновой в 1972 г. на территории нынешнего заповедника в районе площади 55, на глубине 3 м от современной дневной поверхности в светлом коричневом грунте. Погребальное сооружение — плитовая могила. Последняя вытянута вдоль оси запад — восток на 1,3 м при ширине 0,45 м. Рядом с ящиком найдены обломки плит, возможно, от перекрытия. Ящик содержал два детских скелета, положенных один на другой; скелеты разделяла тонкая прослойка грунта. Верхний скелет по определению проф. З. А. Зубова принадлежал ребенку около двух лет. Погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами, правая рука была вытянута вдоль туловища, левая откинута в сторону, череп лежал на правой щеке. Нижний скелет принадлежал ребенку 7—8 лет. Погребенный лежал вытянуто на спине, левая рука располагалась вдоль туловища, правая подведена под таз. Над черепом этого скелета обнаружена костяная бусина.

Погребение 5 (табл. 2; 7: 1—5; 8: 1) выявлено в 1979 г. при зачистке банкета вдоль южного борта заповедника в коричневой материковой глине на площади 56.

Погребальное сооружение — плитовой ящик, сложенный из грубых расслаивающихся кусков местного плитняка. Ящик вытянут вдоль оси запад — восток, длина его — 1,3 м, ширина — 0,4 м, высота — 0,4 м, грунтовое дно располагалось на глубине — 57. Засыпь представляла собой материковый глинистый грунт с каменным щебнем, в северо-западном углу ящика встречены угольки.

Погребенный лежал на спине головой на восток, кости конечностей перемешаны. Левый бок его закрывали плоские камни (возможно, провалились камни плитового перекрытия). Скелет подростка истлел.

Погребальный инвентарь: в ногах стоял раздавленный круговой кувшин с красной лакообразной полосой по верхнему срезу венчика; в середине могилы, справа от скелета найдена круговая миска на кольцевом поддоне с кругами на внутренней поверхности, нарисованными белой и красной красками; в миске лежал чернофигурный лекиф с пальметтами; под нижней челюстью и среди ребер находились бусы; внутри черепа — серебряная серьга. Бусы: округлая из глухого желтого стекла с 8 слоисто-щитковыми глазками из белого и синего стекла, коррозированная стеклянная бусина с 6 бородавчатыми глазками, 2 бочковидные бусины из галата и коррозированная пронизь с валиками по краям.

Погребение 6 (табл. 2; 7: 6—11) зафиксировано в 1980 г. в северо-восточном углу площади 140 заповедника в слое плотной материковой глины, контуры могильной ямы не прослежены. Череп обнаружен на глубине — 20.

Погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток, руки плотно придвинуты к ребрам, череп повернут влево, ступни ног раздавлены камнями и утрачены. Длина скелета — около 1,7 м.

Погребальный инвентарь: в районе черепа найдена просверленная фаланга свиньи или козы с двумя отверстиями с одной стороны и тремя с другой; на правой руке — железный перстень (насквозь коррозирован); около левой голени — чернолаковый скифос; от середины таза к левому бедру протянут коррозированный железный клинок (наконечник копьяд?).

Погребение 7 (табл. 2; 10: 1, 2) выявлено в 1980 г. в северо-восточном углу площади 180 на заповеднике. Оно оказалось под полом подвала 55 II в. н. э. Могильная яма вырублена в скале после снятия глинобитного пола помещения. Яма вытянута вдоль оси север—юг на 1,65 м при ширине 0,45—0,6 м и прослежена в глубину на 0,34 м, дно располагалось на глубине — 177. Скелет плохо сохранился, кости разбросаны в беспорядке, череп лежал в северной части ямы. Захоронение разрушено во II в. н. э. при сооружении горгипшийского дома 7 с подвалом 55. В засыпи обнаружен маленький бронзовый гвоздик и гончарная крышка. Нет уверенности, что эти вещи не попали в могилу при строительстве дома 7.

Погребение 8 (табл. 2; 8: 2—4; 9; 10: 5—7; 15: 7) зафиксировано в 1981 г. на территории заповедника в южном борту Широкой улицы Горгипши над ямой 203. Это погребение установлено в осыпи улицы после зимнего сезона. При этом выявлены очертания северной части овальной ямы, вытянутой вдоль оси запад—восток на 1,5 м. Яма имела ширину не менее 0,7 м, она прослежена у дна (—90). На дне найдены сложенные в кучу кости погребенного.

В яму 203 сползло известняковое надгробие в виде прямоугольной плиты с надписью и подставкой с прямоугольным отверстием. Связь надгробия с могилкой представляется вполне вероятной. Эпитафия может быть датирована примерно 80-ми годами V в. до н. э., она написана на смешанном ионийско-дорическом диалекте. Перевод: «Филоксен, сын Келона, из Полоповнеса, из Гелики». Родиной Филоксена был маленький торговый городок Гелика близ Коринфского залива в Ахайе, знаменитый древним

храмом Посейдона. Издательница надписи А. И. Болтунова⁴ отмечает, что имена Филоксен и Келон в надписях Северного Причерноморья больше не известны. Семантика первого имени — «друг гостей, гостеприимный» — может характеризовать Филоксена, по ее мнению, «как потомственно представителя торговых кругов».

Помимо надгробия V в. до н. э. в яме выявлены два краснофигурных сосуда — скифос и ойнохоя. Сама яма функционировала при горгиппийском доме 7, погибшем в середине III в. н. э. Яму заполнял слой гвбели этого дома. К низу яма расширялась и донной частью, впущенной в скалу, уходила под описываемую могилу. Осыпь верхнего северного края ямы увлекла вниз надгробие, часть костей и оба сосуда. Последние покрыты лаком местами густым, местами с оливковым отливом, а иногда с ярким металлическим блеском. В отдельных местах лак нанесен косыми мазками, иногда образует бурые пятна. Фигуры оставлены незакрашенными, детали нарисованы тонкой кистью, изгибы линий мягкие. Фигуры тяжеловаты по пропорциям, но движения их живы и верны. Ойнохую украшает фигура юноши, она размещена напротив ручки. На одной стороне скифоса изображен эрот, подносящий шкатулку с дарами Менаде, на другой стороне — силен, преследующий менаду. Под ручками скифоса размещены пальметты в обрамлении завитков. Форма скифоса может быть одновременно надгробием. Надгробия подобного устройства распространены в V—IV вв. до н. э.⁵

Погребение 9 (табл. 2; 10: 3, 4) обнаружено в заповеднике в 1981 г. Могила перекрыта южной стеной подвала 49 горгиппийского дома 7, погибшего в середине III в. н. э. Стена не разбиралась, в могиле исследован только юго-восточный угол. Яма прорублена в скале и вытянута вдоль оси юго-запад—северо-восток.

Погребальный инвентарь: аск с красноватыми полосами лака и рядом с ним расписанная красными полосами круговая ойнохоя.

Погребение 10 (табл. 2; 10: 8; 15: 6) выявлено в заповеднике в 1981 г. при зачистке каменного обклада колодца 2 горгиппийского дома II—III вв. н. э., к западу от него. Могильная яма не прослежена, скелет лежал на коричневой материковой глине на глубине — 37, череп уничтожен кладкой колодца. Погребенный был положен вытянуто на спине головой на восток, ноги параллельны друг другу, руки вытянуты вдоль туловища. При зачистке скелета найдены части лепной миски.

Погребение 11 (табл. 2; 11—13; 14: 5; 15: 4) обнаружено в процессе реставрационных работ при перекладке смежных стен 381 (турецкое время) и 390 (II—III вв. н. э.), непосредственно под восточным краем этих кладок в слое погребенной почвы (плотной коричневой глины).

Захоронение совершено по обряду группосожжения, сожжение произведено не на месте погребения. Обгорелые кости взрослого человека * сложены в урну, в качестве которой использован краснофигурный колоколовидный кратер. Крышки урна не имела. Кости наполняли сосуд почти целиком, верх его был засыпан гумированной землей. Край сосуда располагался на границе погребенной почвы и культурного слоя Горгиппии. Никаких предметов с костями не установлено. Сосуд раздавлен стоящи-

* Условное определение антрополога ИА АН СССР Г. П. Романовой: жевщина 30—40 лет.

ми на нем стенами, реставрирован Е. В. Зуйковой. Описание сюжета росписи см. выше.

Погребение 12 (табл. 2; 10: 9, 10) выявлено в 1983 г. в заповеднике под стеной 425 горгиппийского дома 7 II—III вв. н. э. Разрушено в IV в. до н. э. при рытье котлована для подвала 72 дома 10. Погребальное сооружение — грунтовая могила, вытянутая с запада на восток. Дно ее располагалось на глубине — 29 на уровне скалы. Уцелел нетронутым только юго-западный угол могилы с левой ногой. Очевидно, погребенный лежал вытянуто на спине, кисть левой руки положена на таз. Остаток ямы заполнял коричневый суглинок с мелкими камнями.

От погребального инвентаря уцелела маленькая красноглиняная чашечка с петлевидной ручкой и слегка загнутым внутрь краем, она найдена около тазовых костей. В чашечке стояла маленькая пиксида без крышки из тончайшей желтовато-белой глины с красным пятном внутри на дне (след румян?).

Погребение 13 открыто в 1983 г. в заповеднике у западного края ямы 279 эллинистического времени, которая уничтожила могилу (табл. 2). Уцелел только раздавленный череп погребенного, лицо обращено на восток. Сразу за черепом стоял на ребре дикарный камень (0,35×0,30×0,05 м), вероятно, уцелевший от могильного ящика. Могила впущена в материковую глину на 0,3 м, дно ее выявлено на глубине — 6. Яму заполнял коричневый суглинок с включением предскальных глин и углей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 14 полностью уничтожено подвалом 89 горгиппийского дома 6 II—середины III в. н. э. (заповедник). От него сохранилась только прямоугольной формы яма, прослеженная в скале под полом подвала (табл. 2). Яма вытянута с севера на юг на 1,7 м при ширине 0,65 м.

Погребение 15 (табл. 2; 14: 1, 2) обнаружено в заповеднике при выборке осыпи южного борта на площади 182. Погребение совершено в хисской амфоре типа поздних пухлогорлых третьей четверти V в. до н. э., положенной в могильную яму⁶. Яма вытянута с севера на юг. Для совершения захоронения верх амфоры по линии плеч сбит, горло и прочие осколки зафиксированы в засыпи могилы выше дна на 0,8—1 м. Тулово амфоры лежало горизонтально. В нем найден скелет младенца с абсолютно неразвитыми костями. Ребенок был положен скорченно, на бок, лицом на восток, головой на юг. Длина костяка — 0,4 м. Сверху на амфору положена дикарная плита. Яму заполнял рушенный материковый грунт (коричневая глина), погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 16 (табл. 2; 15: 1—3) выявлено в 1986 г. в южной части заповедника на площади 84 под стеной 508 горгиппийского дома 8 I в. н. э. Погребальное сооружение — каменный ящик с грунтовым дном. Он сложен из плит дикарного слоистого камня (0,5×0,1 м) и впущен в материковый слой коричневой глины. Дно могилы располагалось на глубине — 17. Часть ящика и перекрытие его утрачены. Ящик вытянут с юго-запада на северо-восток. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, ступни сведены вместе. Длина скелета — 1,3 м.

Погребальный инвентарь: слева у черепа лежал чернофигурный лекиф с тремя пальметтами, у левой голени найдена ойнохоя с красным пояском.

Погребение 17 (табл. 2; 14: 6; 15: 4) исследовано в 1986 г. рядом с предыдущим (на площади 112). Погребение совершено, очевидно, в грунтовой могиле, но контуры ее в материковой коричнево-красной глине не прослежены. При зачистке скелета встречены угольки. Скелет лежал вытянуто головой на восток на глубине — 13. Длина скелета — 1,6 м, ширина в плечах — 0,37 м.

Погребальный инвентарь: между правым локтем и ребрами отмечена раковина, под черепом в грунте — железный нож.

Погребение 18. (табл. 2; 14: 3; 15: 5) обнаружено в 1986 г. при зачистке южного борта заповедника на площади 98, дно его располагалось на глубине — 25. Захоронение совершено в каменной гробнице. Две короткие стенки ее образованы вертикально стоящими плитами «трескуна», по одной с каждой стороны. Южная стенка сложена из уплощенных дикарных камней подобно стене помещения. Северная стенка гробницы утрачена в осыпи борта. Первоначально гробница имела плитовой заклад, от которого уцелел один камень. Длина гробницы — 1,15 м, ширина — 0,5 м. В гробнице находился детский скелет длиной 0,9 м. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 19 (табл. 2, 16) выявлено в анапском городском парке при прокладке коммуникаций в 1981 г., около Русских ворот, к югу от них. Расположено на территории горгиппийского некрополя. Погребальное сооружение — вероятно, грунтовая яма (очертания ямы не установлены). Последняя, возможно, имела каменный обклад, так как вокруг захоронения найдены отдельные камни. В то же время, эти камни могут принадлежать и горгиппийской могиле № 3 с каменной кольцевой оградкой, сооруженной вплотную к раннему погребению 19.

Погребение детское. Покойника положили на подстилку из камки головой на север, на правый бок. Правая рука подведена к голове, нижняя часть скелета утрачена.

Справа от погребенного найдены круговая ойнохоия и миска с красными полосами. В миске лежала маленькая круговая чашечка, целиком окрашенная в красный цвет, и 8 астрагалов. В районе шейных позвонков обнаружены 2 стеклянные глазчатые бусины.

Погребение 20 (табл. 2) исследовано Т. М. Смирновой в 1972 г. на территории заповедника за западной стеной помещения 28 на глубине 4,18 м от уровня современной дневной поверхности под слоем I в. н. э. Захоронение разорено.

Оно было обнесено каменными стенами, сложенными впереплет. Юго-западная стена длиной 1,4 м, толщиной 0,18 м, высотой 0,6 м составлена из плотно уложенных на глине разномастных камней (0,5×0,11 м; 0,15×0,15 м). В кладке юго-восточной стены длиной 0,7 м, высотой 0,35 м можно различить ряды камней средней величины (0,35×0,11 м). Камни не обработаны. Одна из стен гробницы была плитовой, от нее уцелел обломок плиты. Четвертая стена утрачена. Гробница поставлена на материк.

В юго-западной части гробницы в анатомическом порядке уцелели только кости ног одного погребенного. Остальные кости двух скелетов лежали перемешанными на разных уровнях. Один череп зафиксирован в восточной части могилы, другой — в западной.

На материке у ног лежали глиняное и свинцовое пряслица, в засыпке выявлены обломки чернофигурного лекифа.

Погребение 21 (табл. 2, 17) обнаружено в 1987 г. под винодельней II—III вв. н. э., функционировавшей в горгиппийском доме 33. Уцелели части двух трубчатых костей голени, которые были вытянуты вдоль оси запад—восток. Кости найдены в слое предматериковой глины-белоглазки, рядом с ними отмечены угольки. Очевидно, погребенный лежал головой на восток. В ногах (рядом с трубчатыми костями) находились два алабастра из финикийского стекла. Оба сформованы на керамическом сердечнике. Один сосуд сделан из глухого белого стекла, другой — из глухого красно-коричневого. Сосуды обвиты нитями из глухого синего и желтого стекла. В незастьявшем состоянии при вращении сердечника, являвшегося осью, нити смещены острым инструментом, образовав фестонобразный узор. Техника формовки стеклянных бус и сосудов на легко высверливаемых затем сердечниках и керамических трубчатках характерна для VI—V вв. до н. э. Она широко применялась в Финикии и Египте.

II. РАННИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ В РАЙОНЕ пос. ВОСКРЕСЕНСКОГО (табл. 36—42)

Около пос. Воскресенского могильники античного времени занимают широкую площадь (табл. 4: 2). Они размещаются на верхнем скалистом плато над морем к югу от поселка. Нижнее плато, возвышающееся над песчаными пляжами побережья (виноградники современного Джемете), в античную эпоху было занято обширным сельским поселением, на котором выявлено не менее 80 усадеб с IV в. до н. э. по III в. н. э. (хора Горгиппии). Скальная гряда, возвышающаяся с востока над земледельчески обжитой нижней террасой, служила для обитателей усадеб местом погребения.

Ныне территория античных некрополей примыкает к зоне промышленной застройки Анапы. Она занята задернованными холмами городских свалок и выбросов из многочисленных, расположенных здесь же, карьеров по добыче камня. При зачистке бульдозером значительных площадей для строительства обнажаются древние могилы. Большие карьеры с механизированной разработкой известняка уничтожили наиболее насыщенную погребениями часть некрополя. Кроме того, из могил старатели десятилетиями добывали тесаные плиты. Пересеченный характер местности с задернованными каменными завалами на поверхности затрудняет выявление расплывшихся насыпей небольших курганов. Многократные разведки не позволили определить границы мест погребения. Наблюдениями за хозяйственными работами установлено только, что некрополи занимали площадь не менее 4 км². Не ясно также, как хронологически распределялись погребения на этой площади.

Территория некрополей у Воскресенского исследовалась на пяти участках. Все они дали материал, синхронный Горгиппии и существовавшим на ее хоре усадьбам (на виноградниках Джемете). Однако и здесь как под культурным слоем собственно Горгиппии открыты отдельные захоронения с находками VI—V вв. до н. э. Несмотря на то, что жилища этого времени на джеметинской равнине не известны, ранние могилы на ска-

листных полях погребений свидетельствуют о том, что этот район был обжит в эпоху существования на месте Анапы раннего полиса и находился в сфере его торговой деятельности.

К интересующему нас времени относится курган 4, раскопанный в 1976 г. (табл. 36). Поверхность его была сильно задернована, край западной половины обрезан грунтовой дорогой, край восточной уничтожен воронкой военных лет либо ошлывшим карьером по добыче камня. Ввиду сильной испорченности диаметр кургана определен приблизительно — до 22 м. Насыпь сохранилась в высоту на 1 м. В верхней части кургана отмечены две небольшие ямы. Профиль бровки показал, что насыпь (0,2—0,8 м) образована суглинком различных оттенков, насыщена щебнем и ломанными камнями различной величины. Она возведена на материке — плотном коричневом суглинке с примесью гальки.

Зачистка материковой поверхности под насыпью выявила 5 погребений, не заходящих под северную полу кургана. Погребения удалены друг от друга на 1—4 м, конструкции погребальных сооружений однотипны (табл. 37—40). Это каменные ящики с каменным обкладом вокруг, целиком сложенные из колотого известняка. Грубо подтесаны только плиты, составляющие сами ящики. В погребении 3 на плоских сторонах плит, обращенных внутрь могилы, сохранились следы примитивной обработки теслом. Ящики впущены в материк таким образом, что их верхние края подведены к подошве кургана и древней дневной поверхности. Глубина ящиков не превышает 0,5—0,7 м, дном им служат подтесанные материковые породы (скала, плотные глины). Плоские камни обкладов положены вровень с верхним краем ящика. Пространство между ящиком и кольцом обклада забутовано грунтом со щебнем и гальками материкового происхождения. Ширина обкладов колеблется от 0,4 до 1 м.

Ящик погребения 4 сохранил перекрытие из трех плит. Оно было засыпано грудой мелких камней. В погребении 3 ломаные камни также закрывали ящик вместе с кольцом обклада. Маленький ящик погребения 5 был закрыт плитами средней величины, которые, в свою очередь, были перекрыты двумя рядами набросанных в беспорядке плоских камней. Ящики вытянуты вдоль оси запад—восток с незначительными отклонениями от нее. Среди камней обклада погребения 4 рядом с юго-восточным углом ящика найден плоский камень неправильной формы с двумя круглыми отверстиями, очевидно, эсхара. Длина известнякового жертвенника — 0,82 м, ширина — 0,3 м, высота — 0,15 м, диаметр отверстий — 0,1 м.

Ящики в кургане имели различную величину. Маленький ящик погребения 5 (0,9×0,5 м) предназначался, вероятно, для детского захоронения. Скелет и погребальный инвентарь в нем отсутствовали. В большом ящике погребения 2 (1,3×0,7 м) также, видимо, был похоронен ребенок — от скелета сохранились пятна едва заметного тлена.

Ящики 1 и 4 следует рассматривать как семейные усыпальницы. Судя по количеству черепов, в ящике 1 было захоронено не менее 10 человек. Умерших клали одного на другого, кости скелетов полностью перемешаны. Все черепа внутри ящика 1 лежали в его восточной части.

Каменный ящик 4 содержал три скелета — мужской, женский и детский. Погребенные лежали вытянуто головой на восток. От детского ске-

лета уцелели лишь отдельные кости в юго-западном углу ящика. Они лежали на ногах женского скелета. Северный скелет был мужским, южный — женским. Черепа их были повернуты друг к другу, кости правой кисти женского скелета закрывали левую кисть мужского. Ступни обоих погребенных были сведены вместе, кисти правой руки мужчины и левой женщины подведены к тазу.

Каменный ящик 3 содержал одиночное захоронение. Погребенный лежал скорченно на левом боку головой на запад. Слегка согнутая в локте правая рука лежала на тазовых костях. Левая рука была резко согнута в локте и положена на низ грудной клетки. Ступни ног сведены вместе.

Под одним из черепов в ящике 1 обнаружен кусок охры, у колен скорченного скелета в ящике 3 выявлены три гальки, две гальки лежали у лобка женского скелета в ящике 4. Многочисленный погребальный инвентарь содержали ящики 1 и 4 с коллективными захоронениями.

Могила 1 (табл. 38: 1; 39; 41: 1—14) содержала погребальный инвентарь только внутри ящика, все вещи найдены на дне вместе с костями и черепами. В юго-западной части ящика зафиксирована группа сосудов, сделанных на гончарном круге: красноглиняные кувшины и два флакона, темнолощенные флакон с чашкой. Вдоль северной стенки гробницы лежал железный акинак. Среди костей скелетов выявлен ряд мелких предметов: усеченно-коническое свинцовое пряслице, две половинки витого бронзового браслета, незамкнутый бронзовый браслет из толстой проволоки, две бронзовые проволочные спирали с серебряными украшениями на концах, обломок круглой бусины из прозрачного янтарно-желтого стекла, коррозированный щиток железного перстня, мельчайшие бронзовые обломки от застежки и коррозированные фрагменты неясного железного предмета.

Могила 2 (табл. 38: 2; 39; 41: 15, 16): погребальный инвентарь лежал только на дне ящика. Около западной стенки найдены обломки грубого крутого горшка, в юго-восточном углу обнаружены три бусины — две коррозированные свинцовые и одна стеклянная глазчатая.

Могила 3 (табл. 33: 3; 40; 41: 17—24): погребальный инвентарь имелся как внутри ящика, так и среди камней обклада. Снаружи около северо-западного угла ящика выявлена бронзовая серьга, обломки двух бронзовых браслетов, лепной горшок, кусочки заостренного железного стержня из проволоки диаметром 0,2—0,3 см с прилипшими к коррозии кусочками древесины и обломки коррозированных железных изделий кольцеобразной формы, возможно, пряжек. Снаружи ящика, около западной стенки обнаружен еще один лепной горшок. Так как каменистая насыпь над ящиком сохранилась лишь частично, можно предположить, что все эти вещи были вытащены из него.

Внутри ящика между южной стенкой и согнутыми коленями погребенного лежала коррозированная железная пряжка в обломках и каменный оселок. Севернее ступней найден железный нож, в северо-восточном углу — свинцовая бусина, около колен — три гальки (10×15 см).

Могила 4 (табл. 38: 4, 5; 40; 41: 25—39) погребальный инвентарь сопровождал двух взрослых. За головой мужчины в северо-восточном углу ящика лежала опрокинута плоскодонная расписная амфора. Орнамент нанесен ярким красно-коричневым лаком, из горла амфоры вытекла меловая масса. Подобные сосуды завозились в Ольвию, Пантикапей и дру-

гие пункты Северного Причерноморья⁷. Правая рука мужчины держала рукоятку железного акинака. Клинок меча перекрывал бедренные кости двух скелетов — левую мужчины и правую женщины. В северо-западном углу ящика в ногах мужчины обнаружено тулово с дном большого кругового серолощенного сосуда. Рядом с мужским скелетом у северной стенки ящика лежало ложило из серо-черного камня со сработанным концом. На тазовых костях мужского скелета выявлены коррозированные обломки бронзового предмета, скорее всего, амулетницы с пластинчатыми петлями. Рядом найдены фрагменты коррозированных железных предметов: двух пряжек, ножа и трехгранного острия. В могиле находилось 12 железных наконечников стрел. Наибольшее скопление их отмечено к северу от правой ноги мужчины. Стрелы зафиксированы и у его левой ноги, у ступней и вдоль правой ноги женского скелета, а также между черепами обоих скелетов и в юго-западном углу ящика.

За левым плечом женского скелета найдена лепная миска и грубоглиняный круговой горшок со следами черного лощения. В юго-западном углу ящика в ногах женского скелета стояла еще одна лепная миска, а около колен лежало глиняное темнолощенное пряслице. На груди женского скелета обнаружены бусы: 15 короткоцилиндрических бисерин из тагата, одна бочковидная с вытянутыми концами из глухого черного стекла с обмоткой концов белой нитью, две бочковидные коррозированные свинцовые пронизи, одна биконическая из прозрачного янтарно-желтого стекла. Еще одна бусина, подобная последней, располагалась у пальцев скрещенных рук обоих скелетов.

Могилы 5 (табл. 38; 6; 39) погребального инвентаря не имела.

Помимо кургана 4 материал VI—V вв. до н. э. содержали еще несколько погребений из некрополей около Воскресенского. В 1977 г. исследовались западный и восточный участки этого обширного некрополя. Работы велись на трех низких холмах с выходами скального грунта на поверхность (табл. 4: 3). Объект III изучался и в 1978 г. Раскоп расположен между асфальто-бетонным заводом и водоочистительными цистернами Анапы. Южный, западный и северный склоны холма выражены рельефно, восточный — переходит в естественное повышение местности. Холм начал использоваться для захоронений в VI—V вв. до н. э. Среди 35 раскопанных погребений, преимущественно эпохи эллинизма, выявлены и ранние.

Раскоп III, 1977 г., погребение 4 (табл. 42: 1, 2) потревожено траншеей нового времени. Погребальное сооружение: каменная оградка эллипсоидной формы. Последняя вытянута вдоль оси юг—юго-запад—северо-северо-восток и составлена из 13 отдельно лежащих дикарных камней средней величины. Длина оградки — 2,6 м, ширина — 1,3 м. Внутри оградки сохранились только две лежащие параллельно трубчатые кости. К северо-западу от них найдена лепная миска и ойнохоя, расписанная бурым лаком.

Раскоп III, 1977 г., погребение 13 разрушено. Погребальное сооружение — каменный ящик с каменным кольцом вокруг и мелкокаменной забутовкой сверху. Ящик был вытянут вдоль оси запад—восток, от него уцелел один камень из северной продольной стены. Плоские камни обклада лежали вровень с верхним краем ящика, длина обклада — 2,4 м.

Пространство между ящиком и обкладом засыпано мелкими колотыми камнями. Среди них выявлено не менее 40 осколков амфорных стенок, обломки лепных чашек, части круговой ойнохой с темными полосами по тулову. Ойнохой подобна зафиксированной в погребении 4.

Раскоп III, 1978 г., погребение 30 (табл. 42; 12—14). Погребальное сооружение аналогично предыдущему. Скелет лежал на материковом грунте вытянуто на спине головой на восток—юго-восток. Сохранность костей плохая, поэтому положение ступней и кистей осталось невыясненным. В районе таза и грудной клетки отмечены куски мела. На шее погребенного находилась бронзовая цепочка, около таза лежал бронзовый браслет, среди костей грудной клетки обнаружена бронзовая стрела, фрагмент стеклянной бусины и скарабеоид из египетского фаянса с иероглифами. В области грудной клетки выявлены также остатки железного меча с серцедевидным перекрестием, лезвие и рукоятка, которые лежали раздельно. К северу от правого предплечья найдены железные наконечники стрел, в ногах и около черепа — фрагменты лепного горшка.

Раскоп III, 1978 г., погребение 32 (табл. 42; 3—5) разрушено. Погребальное сооружение подобно предыдущему, вытянуто вдоль оси запад—юго-запад—восток—северо-восток. Трубчатые кости ног обнаружены ближе к западной стенке ящика, следовательно можно предположить, что погребенный лежал головой на восток.

У восточной стенки ящика отмечено свищовое пряслице, а в юго-западной части — фрагментированная позднеионийская расписная миска с отверстиями для подвешивания. Из засыпи ящика извлечены куски лепного сосуда.

III. РАННИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА НЕКРОПОЛЯХ

В РАЙОНЕ пос. КРАСНЫЙ КУРГАН И КРАСНАЯ СКАЛА

(к табл. 42, 43)

Некрополь около Красного Кургана исследовался в 1973—1974 гг., выявлен при разработке карьера по добыче материкового грунта для взлетного поля аэропорта «Витязево». Некрополь античного времени устроен в полах двух курганов эпохи бронзы. К началу археологических работ от каждого кургана сохранилось не более трети. В раскопе на этом могильнике на площади 480 м² изучено 20 погребальных сооружений.

Некрополь, расположенный ближе к пос. Красная Скала, исследовался в 1974—1976 гг., на двух участках. В раскопе I на площади 500 м² вскрыто 55 погребений, в раскопе II на площади 200 м² — 7. Не выяснено, принадлежат ли эти участки, удаленные друг от друга на 200 м, одному большому могильнику. Некоторые наблюдения позволяют предполагать именно такую ситуацию.

Нельзя сказать также, сколько ранних погребений раскопано на указанных некрополях, так как многие безынвентарные могилы и содержащую простые лепные сосуды не могут быть надежно датированы. Основная масса этих некрополей относится к IV—II вв. до н. э., датированных погребений более раннего времени немного.

Красный Курган, погребение 10 (табл. 42; 7—11) совершено в каменном ящике, вытянутом вдоль оси юго-запад—северо-восток на 2,1 м, ши-

рина ящика — 1,2 м. Погребенный лежал головой на северо-восток. Кости скелета плохой сохранности, перемешаны. Дно ящика выстилала подсыпка из желтого песка и известняковой крошки.

За головой, в юго-восточном углу ящика стояли сосуды: чернолаковая чашечка, круговой и лепной горшочки. В ногах в северо-западном углу лежал железный наконечник копья, в щели между камнями того же угла торчал второй наконечник копья.

Красная Скала, раскоп I, погребение 12 (табл. 43; 1—5). Погребальное сооружение — каменный ящик с плитовым закладом и каменным кольцом вокруг. Ящик составлен из восьми прямоугольных плит ракушечника, его закрывали три массивных плиты. Каменное кольцо вокруг ящика сложено из 12 известняковых глыб. Последние лежали на глинисто-скальном материке, окружая вырубленную в нем могильную яму и размещаясь на расстоянии 0,12—0,34 м от ящика ровень с его верхним краем. Ширина обкладки достигала 0,6 м. Пространство между ящиком и каменным кольцом шириной 0,4 м было забутовано мелкими камнями. Толщина забутовки — 0,15—0,35 м. Погребальное сооружение вытянуто вдоль оси запад — юго-запад — восток — северо-восток.

Судя по количеству черепов, в ящике было семь погребенных. Все черепа лежали в его восточной части. Три черепа располагались несколько выше других, четыре черепа были детскими. Кости скелетов перемешаны между собой, а также с черепами.

Среди костей найдены нижние части сосудиков, сделанных на гончарном круге, — очевидно, кувшинчиков. В западной части ящика встречены две круглые глазчатые бусины. Одна сделана из темно-синего, другая — из бирюзового стекла. Глазки слоисто-щитковые: на белые диски наложены синие.

Там же, погребение 32. Погребальное сооружение — грунтовая могила с плитовым перекрытием. Могильная яма овальной формы вытянута с запада на восток на 0,96 м при ширине 0,58 м. Она вырыта в скальном грунте на 0,25 м. По краям ямы в отдельных местах лежали небольшие камни, сверху — плитовое перекрытие. В засыпи могилы выявлена ножка хиосской амфоры. Скелет и погребальный инвентарь отсутствовали.

Там же, погребение 35 (табл. 43; 6). Погребальное сооружение — грунтовая могила с плитовым перекрытием, расположена внутри каменной оградки. Короткая прямоугольная яма вытянута с запада — юго-запада на восток — северо-восток на 1,1 м при ширине 1 м, выдолблена в скальном грунте на глубину 0,4 м. Восточный край ее укреплен мелкими камнями. Оградка подходила к яме почти вплотную, диаметр ее по внутреннему краю — 1,2 м. Яма засыпана серым комковатым грунтом с мелкими камнями. Остатки скелета обнаружены в западной части ямы, но они не дают представления о позе и ориентации погребенного.

Среди костей отмечены три стеклянные бусины и костяная подвеска.

Красная Скала, раскоп II, погребение 3 (табл. 43; 7—11). Погребальное сооружение — каменный ящик с каменной оградкой, вытянуто вдоль оси юго-запад — северо-восток. Дно могильной ямы расположено ниже основания камней ящика. Длина погребального сооружения — 2,8 м, ширина — 1,1 м. В кольцевой оградке уцелело 8 больших плоских камней. Они лежали на подушке из мелких камней. Могила засыпана се-

рым глинистым грунтом, в котором содержалось свыше 30 обломков амфорных стенок. Захоронение потревожено, кости скелета разбросаны в беспорядке. Среди них найдены: железный меч, наконечник копья и втулка другого копья или дротика, мелкие обломки железной пластинки, части железного ножа, ножка амфоры, гончарная миска, край лепной миски, часть светильника и две фрагментированные ойнохои, керамическое крыльце, две стеклянные подвески.

IV. НЕКРОПОЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ОПЫТНОГО ХОЗЯЙСТВА «АНАПА» (табл. 44—48)

В 1981 г. при прокладке ирригационной траншеи на овощном поле, принадлежащем указанному хозяйству, было разрушено несколько погребений ранее неизвестного древнего некрополя (табл. 44: 1). Примерно в 400 м к западу от могильника экспедиция раскопала укрепленное поселение рубежа до нашей эры и первых веков нашей эры (крепость в станице Анапской). Участок с выявленными погребениями находился в 150 м к северу от современного (искусственного) русла речки Анапки. В западном борту ирригационной траншеи были зафиксированы каменные ящики, верх которых располагался на глубине 0,7—0,8 м от современной поверхности. Ящики были закрыты крупными плитами и завалены каменным боем.

Несколько погребений, обнаруженных в траншее, было разрушено строителями. Вещи из них переданы экспедиции: миниатюрный лепной горшочек, 3 бронзовых браслета и 2 перстенька. По словам строителей, они происходят из доисследованного затем погребения 1 (табл. 47: 1—6).

Для выяснения характера некрополя и спасения обнаженных погребений был разбит раскоп из 9 квадратов (5×5 м каждый), три площади примкнули к западному борту траншеи. Зачистка участка выявила сплошной развал мелких камней, из которых в отдельных местах выступали большие плиты ящиков и их перекрытий. Верхние камни подходили почти вплотную к современной дневной поверхности. После выявления границ каменных скоплений расчищались только каменные пятна, раскопано 9 погребений * (табл. 44: 2; 45).

Погребение 1 (табл. 45) разрушено. Оно совершено в каменном ящике с плитовым перекрытием, ящик был засыпан мелкими дикарными камнями. Последний сложен из плоских камней местного «трескуна», вытянут вдоль оси северо-запад—юго-восток на 1,7 м при ширине 0,8 м. Плиты, составлявшие ящик, достаточно велики (например, 1,72×0,63×0,07 м). Дном ящику служил материковый грунт. Ящик закрывали две массивные плиты из «трескуна» (1,92×0,8×0,06 м; 1,2×0,6×0,1 м); заполнял его плотный глинистый грунт. Кости скелета разбросаны в беспорядке. У юго-западной стенки внутри ящика найдены лепной горшочек и два бронзовых браслета (табл. 47: 7, 8).

Погребение 2 (табл. 45; 46; 1; 47; 9, 10) совершено под наброском из камней. Каменистая насыпь вытянута вдоль оси северо-запад—юго-восток на 5,4 м при ширине 3,6 м. После выборки 1—3 слоев насыпи

* Погребение 1 раскопано Ю. В. Зуйковым, 7—9 — М. В. Калашниковым, остальные — И. А. Фроловой.

обозначился замкнутый двойной круг камней. Камни паружного кольца были очень крупными. Внутренний круг состоял из плоских лежащих плашмя, поставленных на ребро и наклоненных внутрь кольца различных камней. Пространство между этими двумя кольцами заполняли отщепы и мелкие гладкие камешки, среди них в большом количестве встречаются мягкие желтые камни (охра?). Оба каменных круга с засыпкой между ними (толщиной 0,3—0,4 м) составляли единое кольцо-обклад. Центральный отсек овальной формы был засыпан слоем щебенки, мелких камней и фрагментов темных лепных сосудов. Верх каменного обклада располагался на глубине 0,24—0,47 м от современной поверхности.

После удаления двух слоев каменной засыпки внутри кольца обнаружен скелет погребенного. Среди камней засыпки выявлена большая лепная темнолощенная ойнохоя. Скелет был засыпан множеством охристых камней. Он лежал на глубине 0,9 м, его окружало кольцо мелких продолговатых камешков, уложенных на глубине 0,8 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль тела, ноги параллельны друг другу. У таза найдена маленькая раковина каури, на правой руке — бронзовый браслет.

Погребение 3 (табл. 45; 47: 11—16) ориентировано подобно двум первым. Каменистое пятно засыпки занимало площадь $5,5 \times 2,6$ м. Конструкция погребального сооружения отличается от устройства захоронений 1 и 2. Могила 3 была перекрыта тремя огромными плитами ($1,25 \times 0,9 \times 0,4$ м), они лежали непосредственно на скелете, который был окружен двумя рядами камней. Внешний овал состоял из больших камней с неровными краями, внутренний — из более мелких. Под камнями обклада отмечены ряды отщепов плитняка с охристыми желтыми камнями вперемежку, образуя слой толщиной 0,3—0,4 м. Погребенный лежал головой на юго-восток, по-видимому, в вытянутом положении (кости раздроблены и смещены под давлением каменных плит). В ногах зафиксирован раздавленный лепной сосуд.

Погребение 4 (табл. 45) совершенно внутри каменного круга из одного ряда камней. Круг забутован мелкими камнями, среди которых много желтых охристых. Длина обклада — 3,5 м, ширина — 1,2 м. На уровне верхнего края обклада и на глубине 0,8 м от современной дневной поверхности обнаружены два черепа, которые располагались в юго-восточной части обклада. Череп второго погребенного был положен на грудь первого. Кости скелетов сохранились плохо, определенно можно сказать только, что положение их было вытянутым. Земля, покрывавшая скелеты имела ярко-красную карминную окраску (реальгар).

Около черепов выявлены лавролистный наконечник копья и керамическое пряслице. В ногах погребенных стояли плотно обложенные камнями лепные кувшин и миска, кувшин слегка залощен. Здесь же найдена округлая бусина из прозрачного бирюзового стекла, свитая из жгута. У пояса верхнего скелета были рассыпаны бусы: две цилиндрические бисерины из гагата, бочковидная бусина из коррозированного стекла и округлая глазчатая бусина. Ядро ее образовано навивкой жгута из черно-бурого стекла на керамическую трубочку, сверху наслоено 3 колечка из белого стекла. Слева от погребенных обнаружен бронзовый браслет.

Погребение 5 (табл. 45; 46: 2; 47: 17, 18) обнажилось после снятия

второго ряда каменной насыпи. Захоронение совершенно внутри круга из крупных камней, длина этого сооружения — 3,5 м, ширина — 2,5 м. Внутри обклада размещалась оградка из поставленных на ребро более мелких камней, ее закрывала закладная плита (0,9×0,5×0,3 м). Внутри обклада набросано множество мелких колотых камней, среди них есть желтые охристые и большие красные куски реалыгара. Под закладной плитой прослежен слой земли и мелких одинаковых камней (0,1×0,2 м).

На глубине 0,8 м от современной дневной поверхности зафиксированы два черепа. Как и в других погребениях они лежали на земле. Положение скелетов нарушено. Определено положение только одного погребенного: вытянутое, головой на юго-восток. На его левой руке отмечен бронзовый браслет, справа лежали обломки бронзовой иглы. При прокапывании дна могилы справа от костяков найдена створка морской раковины. В ногах погребенных стоял большой темный лепной горшок со следами слабого лощения, он тщательно обложен камнями.

Погребение 6 (табл. 45) разрушено трактором. Исследование сохранившейся части позволяет утверждать, что погребальное сооружение имело двойной обклад овальной формы с забутовкой мелкими камнями между внутренним и внешним кругами. При зачистке встречены кости разрушенного скелета и фрагментированный лепной горшок.

Погребение 7 (табл. 45; 46: 5, 6; 48: 1—3) совершенно внутри каменного кольца диаметром 3 м. Оно сложено из достаточно крупных плоских камней (0,7×0,4×0,05 м), имевших наклон внутрь кольца. Внутреннее пространство забросано мелкими колотыми камнями и распавшимися в щебень плитами. Вероятно, это погребение разрушило более раннее примыкавшее к нему с востока захоронение, от которого уцелел каменный обклад с единственной находящейся в нем человеческой костью.

Внутри кольца погребения 7 под первым слоем каменной засыпки обнаружена стоящая вертикально амфора из тонкой оранжевой глины (местной?) с крупными белыми и обильными мелкими черными включениями, с мельчайшими блестками и красноватыми вкраплениями. Под вторым слоем каменной засыпки обнажился скелет погребенного. Он лежал на спине головой на восток соответственно оси вытянутости погребального сооружения. Скелет смещен к южному краю обклада и частично оказался под ним, зафиксирован в плохом состоянии.

Рядом с левой рукой найден обломок бронзового браслета, у левого плеча — три бусины из бесцветного прозрачного стекла.

Погребение 8 (табл. 45; 46: 3—4; 48: 4) совершенно под овальной каменной насыпью (2,95×2 м), вытянутой вдоль оси северо-запад—юго-восток. Последняя состояла из мелких и средних камней, большинство которых от времени расслоилось в крупный щебень, имела обклад из крупных дикарных камней. Под насыпью выявлено второе овальное кольцо, сложенное из камней поменьше, некоторые камни поставлены на ребро. Внутреннее кольцо находилось на расстоянии 0,7 м от границы насыпи, его размеры: 2,2×1,1 м. Оно окружало парное захоронение. Скелеты лежали друг на друге вытянуто на спине, головами на восток. Около одного черепа стоял лепной сосудик.

Погребение 9 (табл. 45; 48: 5—9) совершенно под овальной насыпью из колотых камней, вытянутой вдоль оси запад—северо-запад—восток—

юго-восток (3,4×2,2 м). По краю насыпи лежали крупные дикарные плиты. В северном секторе насыпи обнаружены фрагменты красноглиняной амфоры. Под двумя слоями камней отмечен овал из камней средней величины, частью стоящих на ребре, частью лежащих плашмя (упали?). Размеры обклада: 2,9×1,3 м.

Погребение парное. Скелеты размещались рядом, головами на восток, в вытянутом положении. Южный скелет лежал на спине, руки и ноги располагались по линии тела. Северный скелет лежал на левом боку и был обращен лицом к первому.

В погребении найдены два расслоившихся лепных сосуда. Большой размещался у ступней южного скелета. Сосуд меньших размеров — у его левого колена. Этот погребенный был раздавлен камнями, под остатками донца лежали три пронизи из египетского фаянса в виде скарабеев и обломки полностью корродированного предмета из бронзы. Рядом выявлены два бронзовых браслета и железный наконечник стрелы. У таза южного скелета, слева, лежала еще одна бусина.

У правого плеча северного скелета зафиксирована железная пластинка, на тазовых костях его лежал железный кинжал, справа у голени — бронзовый наконечник стрелы и скарабей, в районе голени найдены два железных наконечника стрел.

¹ Салов А. И., Смирнова Т. М. Новые находки в Анапе // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 53, рис. 17.

² Там же: погребение 9, рис. 18.

³ Там же: погребение 10, рис. 19.

⁴ Болтунова А. И. Надписи Горгиииши (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. Фрагмент 18.

⁵ Напр.: Apollonia. Разкопките в некропола на Аполлония през 1947–1949. София, 1963. № 1142 и сл.

⁶ Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 98.

⁷ Сидорова Н. А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. М., 1962. № 103. С. 142, рис. 18; ИАК. СПб., 1904. Вып. 13. С. 148, рис. 94.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955

АО — Археологические открытия. М.

АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ДГТ СССР — Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985

ДСПНВГК — Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалгубо, 1979 г. Тбилиси, 1981

ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР

ИАК — Известия императорской Археологической комиссии

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.

ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры

КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.

УЗ МОПИ – Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской

BSA – The Annual of the British School at Athens

BCH – Bulletin de Correspondence Hellénique. P.

CVA – Corpus Vasorum Antiquorum

JDI – Jahrbuch des Deutschen archeologischen Instituts. B.

RAG – Recherches sur les amphores Greques. P.

SC – Латышев В. В. Scythica et Caucasica // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев). Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1893–1900. Т. 2. Латинские писатели. СПб., 1904

ПРИЛОЖЕНИЕ К ТАБЛИЦЕ 1

- 1 – склеп 1908 г., раскопан вблизи станицы Анапской, перенесен в Анапу Н. И. Веселовским, пострадал во время войны, находится около Дома Культуры «Курортный» (опубликован: *Ростовцев М. И.*, 1914);
- 2 – надгробие известняковое с эпитафией: «Мика, жена Кока, дочь Токана, гераклеянка» (IV в. до н. э.) и три погребения, обнаружены в 1900 г. и оставлены на месте, вновь выявлены в 1978 г. в цветнике на ул. Пушкина, д. 6 (эпитафия: КБН, 1193)*;
- 3 – обломок плиты из белого мрамора, фрагмент списка имен, вторая половина II в. н. э., найден в 1948 г. в море. Прежде напротив, на берегу, располагалась ротонда и летняя библиотека, где хранилось несколько древних плит, которые были там же разбиты (КБН, 1145);
- 4 – три водопроводные керамические трубы античного времени, 1960 г., котлован водолечебницы (*Салов А. И.*, 1976. С. 62);
- 5 – клад монет III в. до н. э., 97 экз., 1954 г., просп. Революции, д. 13, санаторий «Голубая Волна» при строительстве корпуса № 4 (*Шелов Д. Б.*, 1960. С. 208);
- 6 – раскоп «Берег II» 1970 г., котлован под здание морского вокзала (*Алексеева Е. М.*, 1975а. С. 31);
- 7 – раскоп 1971 г. перед зданием морвокзала (частично: *Цветаева Г. А.*, 1975. С. 99);
- 8 – раскоп «Берег» 1960 г., около пристани, справа, исследования вел Г. А. Кошеленко;
- 9 – две небольшие мраморные колонны и статуэтка богини, 1936 г., вторая очередь гостиницы «Анапа», материал поступил в Новороссийский музей;
- 10 – часть постаменты из белого мрамора, первая половина III в. до н. э., надпись в честь установки статуи царя Боспора, 1947 г., в кладке фундамента гостиницы «Анапа» (*Болтунова А. И.*, 1958. С. 110; КБН, 1120);
- 11 – мраморная плита с изображением погребального пира, IV в. до н. э., при строительстве столовой санатория им. Н. К. Крупской около гостиницы «Анапа» на глубине 3 м (*Кругликова И. Т.*, 1962. С. 282);
- 12 – раскоп «Гостиница» 1961 г. с известняковыми рустованными блоками, барабаном колонны дорийского ордера и строительными остатками IV в. до н. э. – III в. н. э., вскрыто 100 м², 17,5 м от здания гостиницы, во дворе, ок. 70 м от моря, исследования проводила Г. А. Цветаева;
- 13 – обломки мраморной плиты с текстом рескриптов царя Аспурга, 1962 г., двор гостиницы «Анапа», 7–10 м от южной стороны здания (*Блаватская Т. В.*, 1965);
- 14 – плита из белого мрамора с агонистическим списком IV–III вв. до н. э. (2,06×0,56×0,26 м), 1895 г., хранится в Керченском музее (КБН, 1137);

* Материал хранится в Анапском музее. Другие места хранения отмечаются особо.

- 15 – мраморная статуя Неокла высотой 2,39 м и 8 мраморных блоков с надписью, 1939 г., хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949. С. 218, *Ельницкий Л. А.*, 1949. С. 132);
- 16 – раскоп на месте цеха безалкогольных напитков «Лазурный», 1972 г., с остатками подвалов II–III вв. н. э., исследования проводила В. Н. Пругло (АО 1972 г. С. 108);
- 17 – винодельня III в. н. э., траншея вдоль ул. Кубанской, 1969 г. (*Салов А. И., Смирнова Т. М.*, 1972. С. 55);
- 18 – два участка раскопа «Кубанский» на территории городища: 1968 г., 75 м² около ул. Кубанской на расстоянии 30 м от соединения ее с ул. Свободы и 1969 г., 250 м² вдоль ул. Свободы на расстоянии 30 м от Кубанской; работы экспедиции И. Т. Кругликовой;
- 19 – раскоп «Ткацкая фабрика» 1974–1975 гг. со строительными остатками Горгиппии, вскрыта площадь 325 м² в строительном котловане санатория «Кубань», исследования Е. М. Алексеевой;
 - винодельня III в. н. э. на глубинах от 1,5 до 3 м, 1969 г., траншея вдоль ул. Кубанской (*Салов А. И., Смирнова Т. М.*, 1972. С. 55);
- 21 – мраморный торс Афродиты, 1960 г., в воде у входа на пристань (в турецкое время на кораблях вывозили камень, часть могла попасть в воду), справа от пристани (*Салов А. И.*, 1968. С. 202);
- 22 – архитрав известняковый из двух блоков с орнаментом в виде ов, 1976 г., в воде у восточной стороны пристани при дноуглубительных работах, оба куска найдены в одном месте (*Савостина Е. А.*, 1980. С. 51);
- 23 – часть стены монументального здания из огромных известняковых блоков вторичного использования со следами железных скреп. Среди них зафиксирован известняковый блок угловой части фронтона с тригифами и метопами, 1976 г., траншея ливневой канализации вдоль ул. Ленина (*Савостина Е. И.*, 1980. С. 51);
- 24 – разрушено несколько могил, в том числе с известняковым саркофагом, 1969 г., в канализационной траншее севернее старого здания кинотеатра «Победа» (*Салов А. И.*, 1976. С. 63);
- 25 – каменный саркофаг с надписью «ΠΡΑΣΕΙΜΟΣ» и монета III в. до н. э., на пересечении улиц Владимирской и Протопова, траншея ливневой канализации, 1960-е годы;
- 26 – саркофаг с надписью «ΠΡΑΣΕΙΜΟΣ», могила с сырцовой выкружкой, монументальная гробница из тесаных известняковых блоков с известняковым саркофагом (ограблена в начале 1970-х годов), 1979 г., ул. Горького, на месте хозяйственного разрытия;
- 27 – склеп III в. н. э. с полуциркульным сводом и фресковой росписью, скальный склеп III в. н. э. с двумя саркофагами и золотыми предметами, могила с плитовым перекрытием и золотыми предметами, ул. Горького, строительный котлован под 9-и этажный жилой дом, склепы открыты в 1975 г., гробница – в 1976 г. Распоряжением Министерства Культуры РСФСР фрески и находки переданы в ГИМ, затем в Гос. Краснодарский историко-археологический музей-заповедник (ГИМ не смог оплатить реставрацию фресок и выделить площадь для их экспонирования);
- 28 – раскоп «Кубанский II» 1962 г. с разновременными строительными остатками Горгиппии, двор пансионата «Мотылек» (3,4 м до забора вдоль ул. Кубанской и 4,95 м до забора вдоль ул. Свободы), работы производила Б. П. Устинова (Харьков);
- 29 – раскоп «Гостиница II» 66 м² со строительными остатками Горгиппии первых веков нашей эры, 1962 г., двор гостиницы «Анапа», в восточной части сада напротив старого крыла гостиницы, исследования Г. А. Цветаевой;
- 30 – каменный склеп из хорошо обработанных известняковых плит, сложенных на материковой скале, использовался с IV в. до н. э. по III в. н. э., 1970 г., при строительстве пансионата «Колос»;
- 31 – погребение с конем и сарматским мечом, ул. Владимирская, траншея под водопровод, 1960-е годы (*Салов А. И.*, 1976. С. 65, № 10);
- 32 – надгробие известняковое с рельефными фигурами и эпитафией: «Γεπατιον, сын Патера, прощай», 1955 г., при рытье котлована для кинотеатра «Родина», у юго-восточного края (КБН, 1198);
- 33 – культурный слой Горгиппии. Там же в кладке античной стены вторичного

- употребления: известняковый барабан колонны дорийского ордера с каннелюрами, части известняковых блоков с триглифами, известняковые рустованные блоки, два известняковых надгробия, часть мраморной плиты с надписью; 1978 г., сзиди кинотеатра «Родина», при рытье котлована;
- 34 – мраморная стела с тремя рельефами, помещенными один над другим, 1953 г., из земляной насыпи крепостного турецкого вала (*Болтунова А. И.*, 1959. С. 96);
- 35 – три куска мраморной плиты с надписью фиаса конца II – начала III в. н. э., 1961–1962 гг., во дворе гостиницы «Анапа» на глубине 1,75 м (*Кругликова И. Т.*, 1967. С. 189);
- 36 – нижняя часть мраморной стелы с именами членов фиаса II – начала III в. н. э., 1961 г., хозяйственные разрытия во дворе гостиницы «Анапа» (*Кругликова И. Т.*, 1967. С. 189);
- 37 – два обломка плиты из белого мрамора с 11-и строчной надписью – прошения на право приобретения земли и дома, ввоза и вывоза товаров морем, при строительстве санатория «Голубая волна» (IV в. до н. э., 1953 г., *Болтунова А. И.*, 1964. С. 136; КБН, дополнение № 4. С. 937, передатировка Ю. Г. Виногорадова);
- 38 – ракушечниковый саркофаг с золотым кольцом с изображением змеи, находка 1890 г., южнее № 40 табл. 1, ул. Черноморская. Кольцо отправлено в Петербург, саркофаг был поставлен в городском саду рядом со склепом 1908 г., разбит во время войны, сохранилась донная часть (*Салов А. И.*, 1976. С. 66);
- 39 – стела известняковая надгробная с выступом для иставки в постамент и рельефными фигурами, с двустрочной надписью, 1976 г., ул. Черноморская, д. 13, при закладке дома между улицами Протапова и Терской (*Болтунова А. И.*, 1982. С. 64, № 4);
- 40 – три надгробия из ракушечника: 1) поясной рельеф мужчины со сложенными на груди руками, 2) мужчины в фас с сосудом у пояса, 3) поясной рельеф женщины с круглым предметом в левой руке; 1962 г., ул. Новороссийская, д. 19, при рытье траншеи для водопровода на глубине 1,4 м. (*Салов А. И.*, 1976. С. 65);
- 41 – стела мраморная с рельефным изображением сидящей женщины и стоящего мужчины со слугой; эпитафия: «Агафон, Протогенон, прощай»; 1970 г., угол улиц Шевченко и Астраханской, у главного здания ткацкого цеха на глубине 1,4 м;
- 42 – известняковое надгробие с поясным рельефным изображением женщины и глиняный сосуд, 1969 г., ул. Крымская, д. 92, во дворе;
- 43 – зачистки в ходе строительных разрытий, 1965 г.: святилище Деметры IV в. до н. э., фундамент двух помещений I–II вв. до н. э. и погребения I–II вв. н. э., ул. Протапова, в 20 м от ул. Ленина, глубина 1,5–2 м (*Цветаева Г. А.*, 1968. С. 138; *Она же*, 1969. С. 105; *Салов А. И.*, 1968. С. 204);
- 44 – стены античного дома с материалом III–II вв. до н. э. и полом на глубине 1,5 м, раскоп 1971 г. в котловане под фундамент столовой пансионата им. Н. К. Крупской, исследования В. И. Пругло;
- 45 – разрушенный каменный склеп с черволаковым кувшинчиком III–II вв. до н. э., 1969 г., при закладке жилого дома по ул. Ленина, д. 68а (*Салов А. И.*, 1976. С. 66);
- 46 – два куска мраморной плиты со списком имен коллегии III в. н. э., бронзовая амфора и бронзовый сосуд с костями, 1924 г., во дворе дома на углу улиц Крымской и Гребенской, восточнее № 63 табл. 1 (*Болтунова А. И.*, 1960. С. 199);
- 47 – фрагментированная бронзовая гидрия и куски краснофигурного сосуда IV в. до н. э., 1970 г., перекресток улиц Заводской и Гребенской, юго-восточнее № 63 табл. 1, при рытье траншеи на глубине 0,7 м (*Кругликова И. Т.*, 1975. С. 67);
- 48 – клад медных пантикапейских монет III в. до н. э., собрано 1050 экз., 1970 г., при рытье траншеи между переулками Подстанции и Строительным, к юго-востоку от № 63 табл. 1;
- 49 – черволаковая гидрия, 1963 г., ул. Самбурава, д. 167, при рытье погребка на глубине 2 м, южнее № 41 табл. 1 (*Салов А. И.*, 1976. С. 66);
- 50 – статуарное надгробие из ракушечника (полуфигура юноши), 1967 г., в 300 м от старого здания аэропорта «Анапа», к югу от всего изображенного на табл. 1, край Анапы у высокого берега (территория курганного некрополя за городищем);

- 51 — обломок мраморной плиты с 16-ю строчками имен фиасотов II—III вв. н. э., 1960 г., угол улиц Пушкина и Ленина при строительстве ресторана «Анапа» (*Болтунова А. И.*, 1971. С. 9);
- 52 — раскоп 30 м² «Гостиница» 1973 г. со строительными остатками Горгиппии многих периодов, яма для антисептика сзади западного крыла гостиницы «Анапа» (*Алексеева Е. М.*, 1978. С. 107);
- 53 — надгробие известняковое с барельефом — воин с копьем и щитом, 1970 г., при рытье котлована под фундамент пансионата «Колос»;
- 54 — верх мраморной плиты со списком имен, 1960 г. при закладке фундамента ресторана «Анапа» на углу улиц Пушкина и Ленина (*Болтунова А. И.*, 1971. С. 8), котлован уничтожил культурный слой Горгиппии без исследования;
- 55 — часть архитрава здания ионийского ордера с надписью: «В добрый час Богу справедливому поставил сын Христиона, по обету», II в. н. э., 1900 г., в городском валу против лечебницы Будзинского (КВН, 1116);
- 56 — винодельня первых веков нашей эры, 1976 г., в траншее ливневой канализации по ул. Ленина напротив здания Горкома партии на глубине 1,2 м;
- 57 — надгробие известняковое с рельефным изображением мужчины, 1954 г., котлован при строительстве кинотеатра «Родина» (*Сокольский Н. И.*, 1976б. С. 191). В этом котловане в 1954—1956 гг. раскопано 97 погребений, работы производила аспирантка МГУ И. Поздеева. Материал перепутан, документация отсутствует;
- 58 — надгробие из ракушечника с рельефным изображением мужчины, 1956 г. при раскопках некрополя около кинотеатра «Родина» (*Сокольский Н. И.*, 1976б. С. 191);
- 59 — надгробие из ракушечника с рельефным изображением женщины с круглым предметом в правой руке, 1954 г., угол улиц Астраханской и Терской при строительстве бани (*Сокольский Н. И.*, 1976б. С. 191). Здесь же И. Поздеевой раскопано 33 могилы, которые также остались без документации;
- 60 — надгробие из ракушечника с рельефным изображением женщины, найдено и опубликовано там же;
- 61 — надгробие из ракушечника с рельефным изображением женщины в островерхом головном уборе, найдено и опубликовано там же;
- 62 — 1979 г., январь—март, траншея теплотрассы вдоль улиц Кубанской и Астраханской, начало траншеи на территории санатория «Кубань», конец у анапской бани. Ширина траншеи 2,5 м, глубина до 2,5 м (до материка). Сперва траншея перерезала культурный слой городища: при пересечении ул. Кирова, под клумбой на площади около пансионата «Мотылек». На уровне северной границы здания поликлиники извлечены два слива от винодельни. На расстоянии 45 м от поворота на ул. Астраханскую по ул. Крепостной раскопано 2 погребения — здесь траншея вышла на некрополь Горгиппии. При повороте на ул. Астраханскую траншея пересекла турецкий ров шириной 18 м. Далее от рва до бани раскопано 65 погребений. При этом отмечено два скопления могил: от рва до южной границы кинотеатра «Родина» и от аптеки до ул. Терской. У пересечения улиц Астраханской и Протопова найден верх статуарного надгробия из ракушечника в виде женской фигуры. У пересечения улиц Астраханской и Терской выявлено надгробие в виде спеленутого человека. Материалы раскопок опубликованы (*Алексеева Е. М.*, 1982);
- 63 — вымостка из больших плит, подобных мощению Широкой улицы, и большой каменный завал рядом с русско-турецкими воротами Анапы — траншея на восточном конце ул. Кубанской, зима 1981 г.;
- 64 — культурный слой античного времени с двумя клейменными ручками синопских амфор и пирамидальным грузиком, 1979 г., территория моршколы, в яме для установки дизеля внутри сарая, южнее всего изображенного на табл. 1, за его пределами;
- 65 — надгробие известняковое с изображением мужчины, 1979 г., ул. Горького, во дворе дома 2а;
- 66 — участок горгиппийского некрополя, исследования 1979 г., в траншее, восточнее роддома, на территории горбольницы, экспедицией раскопано 10 погребений;
- 67 — погребение на ул. Ив. Голубца на территории станции скорой помощи;
- 68 — раскоп на участке горгиппийского некрополя, 1980 г., в траншее теплотрассы вдоль ул. Терской. Начало траншеи от рынка. Отрезок от рынка до векового

- дуба погребений не дал, далее в траншее раскопано 50 погребений. Рядом с рестораном «Золотой пляж» выявлен колодец и пято горелых сырцов (траншея и некрополь тянутся далее пределов плана табл. 1, к востоку);
- 69 – каменное надгробие с фигурой воина и, вероятно, могила – угол улиц Астраханской и Протапова, дом с аптекой, угол его начал оседать. Указанные объекты обнаружены при укреплении здания и оставлены на месте;
- 70 – холм, может быть курган, не копан – угол улиц Терской и Гребенской, за пределами плана табл. 1, восточнее;
- 71 – снесено три кургана при строительстве Дома Культуры Анапы, на углу улиц Крымской и Гребенской, под юго-восточным углом здания ДК, за пределами плана табл. 1, восточнее;
- 72 – скопление кусков амфор вместе с муфтообразными подставками, по мнению местных жителей грунт завезен в это место для нивелирования болотистого участка – плавней речки Анапки, траншея вдоль ул. Гребенской, на уровне северного края стадиона, на плане города за пределами табл. 1, северо-восточнее;
- 73 – обилие керамики античного времени, грунт может быть того же происхождения, траншея вдоль стадиона по центру ул. Гребенской;
- 74 – два мраморных надгробия и плитовые могилы, 1976 г., угол улиц Астраханской и Шевченко, при земляных работах на территории прядильно-ткацкой фабрики, анапским музеем зафиксировано место, раскопки не производились, присыпано;
- 75 – раскоп «Астраханский I», 1963 г., в 3 м к западу от ул. Астраханской и в 0,5 м к югу от тротуара ул. Протапова, площади I и II не смыкались, вскрыто 9 погребений (*Кругликова И. Т.*, 1982. С. 117);
- 76 – раскоп «Астраханский II», 1963 г., на 35 м южнее восточного угла площади II раскопа «Астраханский I», раскопано 7 погребений, опубликовано там же;
- 77 – вынуты целые амфоры, санаторий им. Н. К. Крупской, строительство корпуса № 2;
- 78 – наблюдения отмечен культурный слой античного времени мощностью около 2 м с обилием битой керамики, угол ул. Ленина и просп. Революции, котлован для здания Курортного Совета и траншея канализации к этому зданию, участок древнего города уничтожен без исследования, 1960-е годы;
- 79 – мощный культурный слой античного времени отмечен при строительстве корпусов санатория «Голубая волна», все погребено без исследования в 1960-е годы. Под спальным корпусом найден пифос, наблюдались подвалы античного времени, в обрыве над морем и в воде напротив территории санатория много керамики;
- 80 – мощная каменная стена шириной до 3 м, наружные панцири из тесаных камней, лежит глубоко, 1974 г., в траншее ливневой канализации по ул. Ленина;
- 81 – два рустованных блока из ракушечника, 1981 г., теплотрасса вдоль Набережной Анапы, камни зарыты рядом с тротуаром;
- 82 – мраморная кассета с ликом Горгоны, мраморный барабан колонны и мраморная коринфская капитель, во дворе ресторана «Анапа» и магазина галантереи по ул. Ленина;
- 83 – три амфоры, котлован на углу улиц Кирова и Черноморской, в котловане для здания детского сада;
- 84 – раскоп «Гостиница» 1949 г., шурф сзади восточного крыла гостиницы «Анапа» (*Блаватский В. Д.*, 1951);
- 85 – культурный слой античного времени, известняковые блоки и ступа из ракушечника (взята в музей), угол улиц Черноморской и Кирова, котлован для нового общежития сельскохозяйственного техникума, наблюдалось без раскопок;
- 86 – тонкий культурный слой античного времени на глубине более 1 м, ул. Пушкина, котлован для лечебного корпуса детской поликлиники, слой отмечен по всей площади котлована;
- 87 – склеп каменный, разорен, территория моршкoles, за пределами плана табл. 1, южнее;
- 88 – отдельные могилы и монеты (наблюдения А. И. Салова), угол улиц Краснодарской и Горького в котловане под столовую «Дружба»;
- 89 – раскопки в канализационной траншее вдоль ул. Черноморской, 1978 г. Тран-

- пешя начата у колодца на углу улиц Черноморской и Кирова, далее она пересекла улицы Протапова, Терскую, свернула на территорию горбольницы. Между улицами Кирова и Крепостной отмечен культурный слой города (см. № 85). На пересечении улиц Крепостной и Кирова — турецкий ров шириной 18 м, к северу от него — крепостные ворота. Между рвом и ул. Протапова раскопано 12 могил (документация отсутствует). Около ул. Кирова на уровне северной границы сельскохозяйственного техникума отмечена кладка античного времени;
- 90 — теплотрасса вдоль ул. Терской, лето 1979—зима 1980 г., глубина 1,5 м. Начата около базы Курортторга, между улицами Черноморской и Ленина (до пересечения улиц Терской и Ив. Голубца, далее траншея не наблюдалась), наблюдения вел А. И. Салов. На углу улиц Черноморской и Терской отмечены три погребения (не вскрывались). Чуть восточнее роддома зафиксировано погребение с деревянным перекрытием (не вскрывалось);
- 91 — профилированный известняковый блок (надгробие?), ул. Терская, на отрезке между улицами Ленина и Черноморской, напротив базы Курортторга, на противоположной стороне, под асфальтом тротуара, обнаружен при земляных работах, оставлен на месте;
- 92 — траншея для телефонного кабеля вдоль ул. Ленина, 1980 г. Начата на перекрестке ул. Ленина и просп. Революции, на углу здания Курортного Совета и закончилась на углу улиц Ленина и Шевченко, траншея шла вдоль западного тротуара ул. Ленина. Могилы (5) обнаружены только при сооружении телефонных колодцев (раскопаны), на остальных участках перекоп были неглубоким и не тревожили слой античного времени;
- 93 — коммуникации по ул. Горького вокруг дома, при строительстве которого в 1975 г. обнаружены склепы, ноябрь-декабрь 1980 г. Траншея связи шла от колодца на углу улиц Горького и Владимирской по тротуару вдоль дома № 2 со стороны ул. Горького, глубина 1 м, зафиксировано одно погребение. Траншея канализации шириной 1,8 м начата у колодца тротуара, идущего от крепостных ворот Анапы к летней эстраде, подведена к северо-восточному углу 12-и этажного дома и проследовала вдоль его восточной стены. Зафиксировано 8 погребений, исследовано 1. Траншея водопровода проложена параллельно канализационной. До ул. Горького ее глубина не превышала 1 м и лишь у 12-и этажного дома эта глубина увеличилась до 1,9 м, здесь выявлено и расчищено 1 погребение. Траншея теплотрассы прошла вдоль южной стены 12-и этажного дома, глубина 2 м, в ней раскопано 43 погребения;
- 94 — два погребения на территории анапской бани по ул. Терской, 1980 г., внутри самой бани при сооружении сауны, и 7 погребений рядом с баней;
- 95 — раскоп «Центр», строительная площадка санатория «Кубань», 1977—1988 гг., вскрыт культурный слой города на площади 250 м² с разновременными строительными остатками;
- 96 — имфора светлоглиняная типа «стандарт», 1989 г., ул. Новороссийская, д. 99, земляные работы по прокладке водопровода;
- 97 — погребения на территории Автоваза, 1980-е годы, за пределами участка, представленного на табл. 1, наблюдались Анапским музеем;
- 98 — раскопы «Терская» и «Протапова», 1974—1975 гг., строительный котлован под здание столовой пансионата «Колос». Грунт удален экскаватором, по материке вручную произведена зачистка, выявлено и раскопано 35 могил;
- 99 — траншея теплотрассы в «Кубань» вдоль ул. Калинина на отрезке между улицами Черноморской и Ленина, перерезала культурный слой Горгипшии, на ул. Ленина под тротуаром около здания «Кубани» отмечен слой пожара античного времени, 1989 г., отрывочные наблюдения, так как археологические службы не были поставлены в известность о ходе работ;
- 100 — археологический заповедник «Горгипшия», утвержден постановлением Совета Министров РСФСР в 1977 г., отведена территория около 18 000 м², исследования начались в 1960 г. в связи с предполагавшимся здесь строительством гостиницы, ныне раскопано 6500 м²: некрополь V в. до н. э. и кварталы Горгипшии конца V в. до н. э.— III в. н. э.;
- 101 — могила с монетой III в. до н. э., пересечение улиц Ленина и Новороссийской, юго-восточный угол перекрестка, 1972 г., траншея теплотрассы вдоль ул. Новороссийской (наблюдал А. И. Салов);

- 102 – раскопки в траншее под водопровод в Горпарке, весна 1981 г. Начата у колодца на пересечении улиц Крепостной и Кубанской, направлена к юго-западному углу Русских ворот, проследовала вдоль южной стены ворот на расстоянии 4,4 м, далее прошла в середине пешеходной аллеи, ведущей к Летней Эстраде, пересекла ул. Горького напротив здания Летней Эстрады и остановилась между цветочным магазином и кафе «Ветерок». В начале траншеи, на расстоянии 5,5 м от колодца в правом борту траншеи на 4 м в длину прослежена монументальная кладка овальных очертаний, далее раскопано 27 погребений горгиппийского некрополя;
- 103 – зачистки и частичные раскопки в траншее ливневой канализации вдоль Набережной (между улицами Крепостной и Ленина), весна 1981 г., траншея пересекла кварталы Горгиппии;
- 104 – известняковые барабаны колонн и терракотовая статуэтка Аполлона архаического типа, 1981 г., строительный котлован на углу улиц Новороссийской и Ив. Голубца, не исключено, что грунт привезен, так как кроме этих находок черепков не обнаружено;
- 105 – раскоп на строительстве пансионата «Океан», котлован для спального корпуса, площадь раскопа 800 м², 1982 г. участок города со строительными остатками с VI в. до н. э. по II в. н. э., впервые обнаружены полуземлянки и дома конца VI–V вв. до н. э.;
- 106 – культурный слой с материалом V в. до н. э. (чернолаковая керамика, ионийский полосатый аск, обломки хисосских амфор), 1980 г., скважина объединения «Минеральные воды» в сквере Победы около памятника с Вечным огнем;
- 107 – культурный слой с находками античного времени: фрагменты мраморных плит с греческим текстом, части мраморных скульптур, вымостка из черепиц: весна 1985 г., траншея на территории моршколы по ул. Ленина, за пределами участка города, представленного на табл. 1, значительно южнее (отдельная усадьба? святилище?), наблюдения Н. Д. Нестеренко;
- 108 – раскоп на месте реконструкции кинотеатра «Победа», зима 1986 г., исследовано 48 погребений горгиппийского некрополя. Грунт прокапывался в обводных траншеях под фундаменты по периметру здания, под эстрадой и помещением для кукольников; место зрительного зала не вскрывалось;
- 109 – раскоп по ул. Ленина в квартале между улицами Калинина и Кирова в строительном котловане для нового здания анапского Горкома партии, площадь 1800 м², 1988–1989 гг. Раскопан участок городского керамика, оборонительные сооружения, дом I в. н. э. с винодельней, строительные остатки Горгиппии IV в. до н. э. – III в. н. э.;
- 110 – зафиксирован культурный слой античного времени с целым шифосом и архитектурными деталями внутреннего ордера (известняк) в котловане при расширении корпуса № 4 санатория им. Н. К. Крупской, лето 1988 г., все уничтожено строительством;
- 111 – наблюдение «а земляными работами на строительной площадке под 70-й квартирный жилой дом пионерлагеря «Родник», по ул. Терской, 1988 г., территория горгиппийского некрополя, перекоп неглубокий, строительство приостановлено;
- 112 – раскоп на строительстве пансионата «Океан», продолжение исследований 1982 г. (см. № 105) в котловане для второго корпуса, площадь 2000 м², 1989–1990 гг., кварталы Горгиппии со строительными остатками VI в. до н. э. – III в. н. э.;
- 113 – осмотрен вырытый без согласования котлован для кафе-ресторана в приморской зоне около северо-восточного угла заповедника, весна 1989 г., обнаружены редкие обломки амфор эллинистического времени (грунт здесь может быть насыщенным – нивелировка оврагов при спуске на пляж, низина у моря);
- 114 – раскоп на строительстве пансионата «Океан», 1989 г., небольшой участок между спальным корпусом «Океан» и гостиницей «Анапа» – продолжение (прирезка) к востоку раскопа 1982 г., обнаружены культурные напластования Горгиппии всех строительных периодов, наиболее полно представлены строительные остатки VI–V вв. до н. э.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

ТАБЛ. 1. Археологический план Анапы

а, в — фиксация культурного слоя города Горгиппии; *б, г* — фиксация территории ее некрополя; *д, з* — бывшие под наблюдением строительные траншеи; *д* — перемещенные объекты). Расшифровку номеров см. в Приложении, недостающие по порядку номера расположены за пределами представленного на плане участка

ТАБЛ. 2. Следы строительного периода IA (рубеж V—IV вв.) и некрополя VI—V вв. на участке заповедника «Горгиппия» в Анапе

ТАБЛ. 3. Раскоп «Океан» 1982 г., план строительных остатков VI—V вв.

ТАБЛ. 4. Объекты VI—V вв.

1 — раскоп в саду гостиницы «Анапа» 1962 г., *2* — археологические памятники VI—V вв. Анапского района, *3* — раскопы на некрополях у пос. Воскресенского, *4* — дом V в. в раскопе «Ткацкая фабрика» 1974 г.

ТАБЛ. 5. Находки VI — начала IV вв. из культурного слоя Горгиппии

1 — край рыбного блюда, раскоп «Центр» 1977 г., пл. 7, —200; *2* — придонная часть килика, р-п «Океан» 1982 г., низ стен 8 и 13; *3* — край чернофигурного килика: женщина с музыкальным инструментом, раскоп «Океан II», 1989 г.; *4* — чернофигурная роспись на тулове закрытого сосуда, р-п «Океан», верхний слой; *5* — край чашки, лак с металлическим блеском, полосы пурпура, р-п «Океан», к востоку от стены 6; *6* — дно блюда, заповедник 1979 г., пл. 23—25, под вымосткой, оп. 263; *7* — дно блюда (пурпур, белая краска, позолота), заповедник 1980 г., пл. 154, оп. 470; *8, 9* — дно килика, р-п «Океан», к западу от стены 36, слой коричневого суглинка, оп. 36; *10, 11* — фрагменты киликов, обрыв берега напротив гостиницы «Анапа», *12* — фрагмент аттической амфоры

ТАБЛ. 6. Находки VI—V вв. из культурного слоя Горгиппии

1 — горло кувшина с темно-сургучным лаком по светлому покрытию, заповедник 1984 г., пл. 176, —95; *2* — горло кувшина с бурым лаком (шероховатая глина насыщена блестками и белыми включениями), р-п «Океан», под плитами 25; *3* — аск из скважины объединения «Минводы» в Парке Победы; *4* — лекиф, лак с металлическим блеском, заповедник 1986 г., яма 356; *5* — солонка с густым черным лаком и пурпуром оттуда же; *6* — кувшинчик с бурым лаком оттуда же; *7* — хиосская амфора, набережная Анапы, траншея 1981 г. напротив гостиницы; *8* — светильник, лак с металлическим блеском, р-п «Океан», полуземлянка 1; *9* — кувшин, глина насыщена кварцевым песком, полосы нанесены бурым лаком, заповедник 1979, яма 10

ТАБЛ. 7. Некрополь Анапского поселения, комплексы погребений 5 и 6

ТАБЛ. 8. Некрополь Анапского поселения: лекиф из погребения 5 и предметы из погребения 8

ТАБЛ. 9. Некрополь Анапского поселения, краснофигурный скифос из погребения 8

ТАБЛ. 10. Некрополь Анапского поселения, комплексы погребений 7—10, 12

ТАБЛ. 11. Некрополь Анапского поселения, краснофигурный кратер погребения 11 (урна для праха)

ТАБЛ. 12. Некрополь Анапского поселения, краснофигурный кратер погребения 11 (силены, менады, пальметта под ручкой)

ТАБЛ. 13. Некрополь Анапского поселения, краснофигурный кратер погребения 11 (юноши в гиматиях — двое с посохом, пальметта под ручкой)

ТАБЛ. 14. Некрополь Анапского поселения: погребения 4, 15, 17, 18

ТАБЛ. 15. Некрополь Анапского поселения: погребения 10, 16, 17, 18

ТАБЛ. 16. Некрополь Анапского поселения, погребение 19 в городском парке Анапы (1981 г.)

ТАБЛ. 17. Некрополь Анапского поселения, стеклянные алабастры из погребения 21 и ионийский кратер

ТАБЛ. 18. Анапское поселение, полуземлянка 1, план

ТАБЛ. 19. Раннее поселение в Анапе

1—7 — части чернолаковых сосудов из пом. 8; 8 — сажный контур полуземлянки 1 под стеной помещения 14; 9—11 — обломки чернофигурных сосудов из культурного слоя р-па «Океан» (фрагменты 3 и 8 дополнены пурпуром, 11 — лак коричневым)

ТАБЛ. 20. Раннее поселение в Анапе, обломки из помещения 8а

1—4 — ионийских амфор с полосами; 5—14 — хиосских амфор; 15—18 — амфор со стаканообразными доньями; 19—26 — амфор фасосского круга; 27—32 — круговой керамики
Условные обозначения: а — роспись красной краской, б — роспись бурая лакообразная, в — пурпур, г — роспись лиловой краской, д — присутствие лака, е — свободная от лака поверхность, ж — роспись мазками, з — черная роспись (краска и жидкий лак), МБ — металлический блеск черного лака, ОЛ — его оливковый оттенок, Г — густой черный лак, А — ангоб, БЕЛ — белила

ТАБЛ. 21. Раннее поселение в Анапе, керамика из полуземлянки 1

1—2 — лепная с серым лощением; 3—8 — лепная; 9—21 — с росписью жидким лаком с металлическим блеском

ТАБЛ. 22. Раннее поселение в Анапе, полуземлянка 1

1—6 — амфоры со стаканообразными ножками; 7—12 — амфоры фасосского круга; 13—18 — хиосские амфоры; 19 — черепица; 20 — часть зернотерки; 21—28 — чернолаковая керамика

ТАБЛ. 23. Раннее поселение в Анапе, обломки керамики из полуземлянки 2

1 — ручка амфоры с широкими полосами; 2—6 — хиосские амфоры; 7—9 — амфоры со стаканообразными доньями; 10—16 — протофасосские амфоры; 17—19 — лепная керамика; 20—21 — чернолаковая керамика; 22—25 — круговые сосуды

ТАБЛ. 24. Раннее поселение в Анапе, обломки амфор из трамбовки 83

1 — с полыми доньями; 2 — самосской; 3—9 — хиосских; 10—14 — ионийских с полосами; 15—23 — круга фасоса

ТАБЛ. 25. Раннее поселение в Анапе. Обломки керамики из трамбовки 83

1—8 — амфор со стаканообразными доньями; 9—10 — лепных сосудов с лощением; 11—15 — лепной посуды; 16—32 — чернолаковых сосудов и расписных

ТАБЛ. 26. Раннее поселение в Анапе, керамические находки из помещения 9

1—9 — черный лак; 10—13 — круговые сосуды; 14—18 — хиосские амфоры; 19 — 21 — амфоры со стаканообразными доньями; 22—24 — амфоры протофасосского типа; 25—27 — амфоры с широкими полосами

ТАБЛ. 27. Раннее поселение в Анапе

1—3 — керамика из помещения 9; 4—15 — керамика под горрипийским помещением 7

ТАБЛ. 28. Раннее поселение в Анапе, керамика из помещений 12 и 14

Помещение 14: 1 — ручка ионийской амфоры, 2—4 — Хиос; 5—6 — протофасос; 7—8 — Лесбос.
Помещение 12: 9—11 — ионийские амфоры; 12—14 — амфоры со стаканообразными доньями; 15, 16 — Хиос; 17—21 — протофасос; 22—27 — круговая посуда; 28—32 — сосуды с покрытием неровными мазками (оранжевыми и лиловыми)

ТАБЛ. 29. Раннее поселение в Анапе, обломки керамики из помещения 13

1—4 — амфор со стаканообразными доньями; 5—8 — хиосских; 9 — с полым дном; 10 — самосской; 11—12 — протофасосских; 13—14 — амфор конца V в. Хиоса и Менды; 15—22 — круговой; 23 — чернолаковой

ТАБЛ. 30. Раннее поселение в Анапе, керамические находки из помещения 13

ТАБЛ. 31. Раннее поселение в Анапе

1—2 — носик лепного светильника и клейменная ручка амфоры из культурного слоя VI—V вв.; 3—7 — находки из полуземлянки 1; 8—9 — ручки амфор с процарапанными знаками из помещения 8а; 10 — клеменное горло амфоры с бурой полосой из полуземлянки 2; 11 — стенка амфоры с граффити и перекрестием красных полос и плечико расписной плоскодонной амфоры из помещения 9; 12 — мощение черепками дна очага в помещении 12; 13 — дно очага в помещении 12; 14 — полуземлянка 2 с входом на уровне пола

ТАБЛ. 32. Раннее поселение в Анапе, пятно культурного слоя VI—V вв. на пл. 125 на глубине -290/-500 р-па «Океан», части амфор
1—2 — самосских; 3—6 — с широкими полосами; 7—12 — хиосских; 13—15 — протофасосских; 16—18 — со стаканообразными донышками; 19 — неизвестного центра из рыхлой глины

ТАБЛ. 33. Раннее поселение в Анапе, круговая керамика из пятна культурного слоя VI—V вв. на пл. 125 на глубинах -290/-500 р-па «Океан»

ТАБЛ. 34. Раннее поселение в Анапе, находки из пятна культурного слоя ниже отметки -270 на площади 106 р-па «Океан»
1—5 — расписные ионийские амфоры; 6—11 — хиосские амфоры; 12—16 — амфоры со стаканообразными донышками; 17—22 — лепные сосуды; 23—38 — круговая керамика

ТАБЛ. 35. Курганная группа на территории некрополей около поселка Воскресенского. Ситуационная схема

ТАБЛ. 36. Пос. Воскресенский, 1976 г., курган 4

ТАБЛ. 37. Пос. Воскресенский, 1976 г., курган 4, план погребений

ТАБЛ. 38. Пос. Воскресенский, 1976 г., могилы кургана 4
1 — № 1; 2 — № 2; 3 — № 3; 4—5 — № 4; 6 — № 5

ТАБЛ. 39. Пос. Воскресенский, 1976 г., курган 4, планы погребений 1, 2, 5

ТАБЛ. 40. Пос. Воскресенский, 1976 г., курган 4, планы погребений 3 и 4

ТАБЛ. 41. Пос. Воскресенский, 1976 г., курган 4, инвентарь из погребений
1—14 — из погребения 1; 15—16 — из погребения 2; 17—24 — из погребения 3; 25—39 — из погребения 4

ТАБЛ. 42. Материал ранних некрополей Анапского р-на
1—2 — пос. Воскресенский, 1977 г., р-п III, погребение 4; 3—5 — пос. Воскресенский, 1978 г., погребение 32; 6 — Красная Скала, р-п I, погребение 32; 7—11 — Красный курган, погребение 10; 12—14 — Воскресенский, 1978 г., погребение 30

ТАБЛ. 43. Ранние погребения у пос. Красная Скала

ТАБЛ. 44. Некрополь на территории опытного хозяйства «Анапа»
1 — привязка к местности; 2 — план верхнего горизонта

ТАБЛ. 45. Некрополь на территории ОПХ «Анапа», план

ТАБЛ. 46. Некрополь на территории ОПХ «Анапа»
1 — лепная ойнохоа из погребения 2; 2 — закладная плита могилы 5; 3—4 — погребение 8; 5—6 — амфора из погребения 7

ТАБЛ. 47. Некрополь на территории ОПХ «Анапа», инвентарь погребений

ТАБЛ. 48. Некрополь на территории ОПХ «Анапа», инвентарь погребений:
7 (1—3), 8 (4), 9 (5—9), 6 (10)

ТАБЛ. 49. Уташ. Схема размещения курганов в районе сырцовой гробницы 1976 г. и план этой гробницы

ТАБЛ. 50. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г. Пластина из слоновой кости: одна из горгон карабкается по скалам (персонаж мифа о Персее, обезглавившем Медузу горгону)

ТАБЛ. 51. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г. Пластина из слоновой кости: обезглавленная Медуза горгона, поверженная на скалу

ТАБЛ. 52. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г. Пластины из слоновой кости с изображением пантеры и льва

ТАБЛ. 53. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г. Пластины из слоновой кости с красной краской в углублениях орнамента

ТАБЛ. 54. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г. Фрагменты пластин с гравировкой, точеные детали орнамента из слоновой кости и размещение деталей на древесном тлене внутри гробницы (11, 12, 15 сохранили в углублениях красную краску)

ТАБЛ. 55. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г. Части орнаментов из слоновой кости

ТАБЛ. 56. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г., находки

1 — литая бронзовая опора; 2 — бусина с золотыми нитями; 3 — сфинкс, пластина из слоновой кости; 4 — звено золотого ожерелья; 5 — женское лицо, слоновая кость; 6—8 — золотые нашивные бляшки

ТАБЛ. 57. Сырцовая гробница на Уташе, 1976 г.

1 — перегородка внутри гробницы; 2 — пластина из слоновой кости (в углублениях орнамента красная краска); 3—4 — части чернолаковых сосудов; 5—7 — точеные детали из дерева; 8—9 — круговые чашечки (9 — орнаментирована белой краской); 10 — рыбное блюдо с красным покрытием

ТАБЛ. 58. Анапское поселение VI—V вв. Разновидности амфор с широкими полосами и хиосских

ТАБЛ. 59. Анапское поселение VI—V вв. Разновидности амфор

ТАБЛ. 60. Анапское поселение VI—V вв. и его окрестности. Круговая керамика (Иония и, возможно, местная). Разновидности закрытых форм

ТАБЛ. 61. Анапское поселение VI—V вв. и его окрестности. Круговая керамика (Иония и, возможно, местная). Разновидности открытых форм

ТАБЛ. 62. Анапское поселение VI—V вв. и его окрестности. Разновидности лепных сосудов

ТАБЛ. 63. Анапское поселение VI—V вв. и его окрестности. Разновидности редких форм амфор (31—35), чернолаковых сосудов (17—30), украшений (1—10), оружия (11—16); 36 — свинцовое пряслице

ТАБЛ. 64. Анапское поселение. Реконструкция полуземлянки 1 (построение архитектора Б. Д. Лурье)

ТАБЛ. 65. Анапское поселение, помещение 22, слой пожара на полу; клазоменская чернофигурная амфора (три сирены, сфинкс, пальметты, бутоны лотоса; накладные пурпур и белая краска)

ТАБЛ. 66. Сырцовая гробница на Уташе. Точеные детали орнамента из слоновой кости (овы и меандр с красной краской)

ТАБЛ. 67. Анапское поселение VI—V вв. Чернофигурные сосуды из помещения 22. (роспись дополнена пурпуром)

1—2 — килик с граффити, 3 — низ лекифа с фигурой воина, 4—5 — лекиф с фигурами животных (1, 3 — см. табл. 70)

ТАБЛ. 68. Анапское поселение, сосуды из помещения 22

1 — чернофигурная столовая амфора (пурпур, белая краска); 2 — чернолаковая чаша с полосами пурпура; 3—4 — чернолаковые светильники (лак тонкий, с металлическим блеском, сероватый); 5—6 — чернолаковый кратер (1 — см. табл. 70, 4—6 — см. табл. 71)

ТАБЛ. 69. Клазоменская столовая амфора (см. табл. 65)

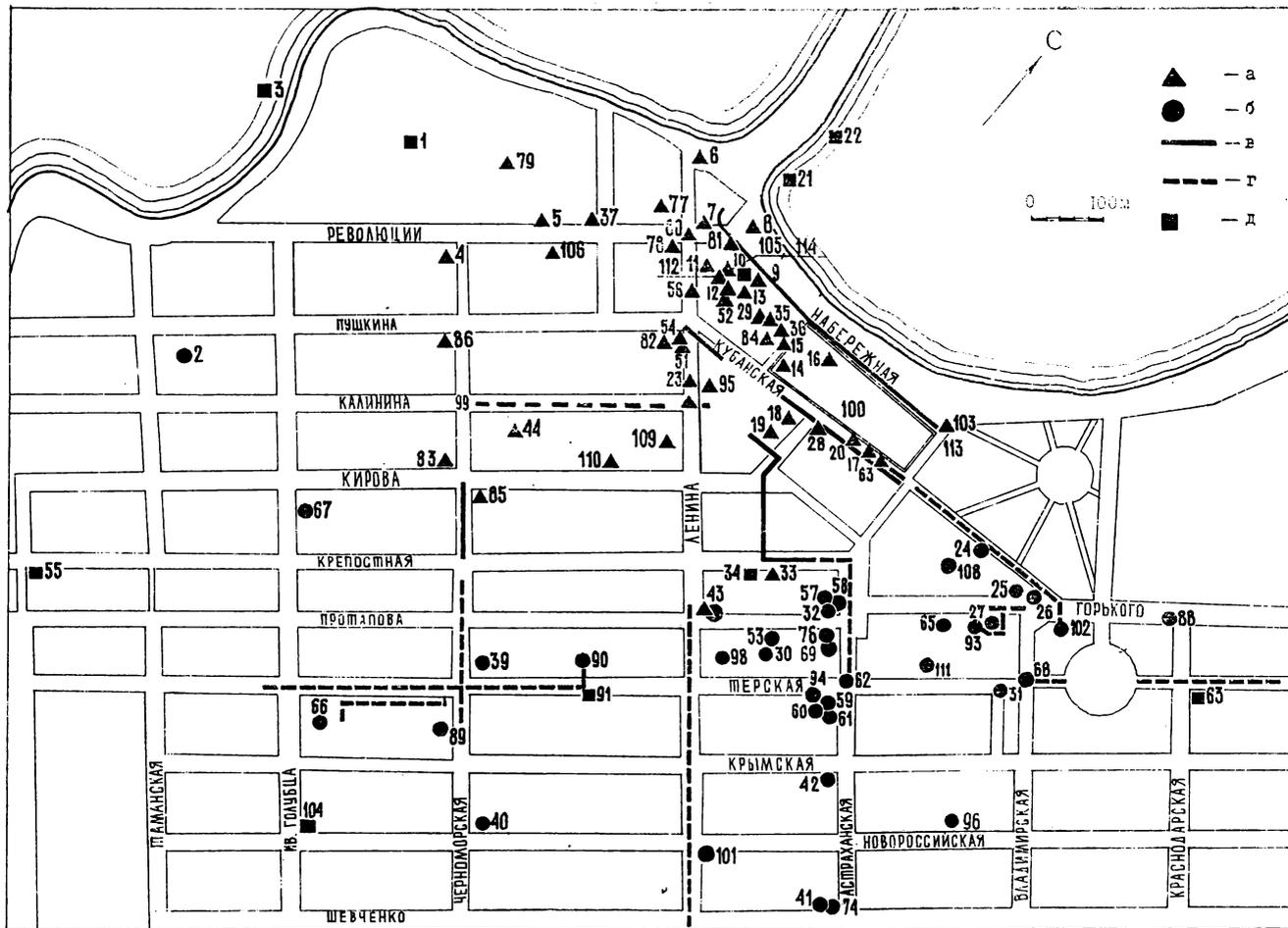
ТАБЛ. 70. Анапское поселение VI—V вв., керамика из горелого слоя на полу помещения 22

1 — см. табл. 68; 2 — чернолаковая чаша с полосами пурпура; 3 — см. табл. 67; 4 — см. табл. 68; 5 — см. табл. 67; 6—7 — амфора и ойнохоя с полосами лака неустойчивой окраски

ТАБЛ. 71. Анапское поселение VI—V вв., керамика из горелого слоя на полу помещения 22

1 — см. табл. 17; 2 — см. табл. 68

ТАБЛИЦА 1

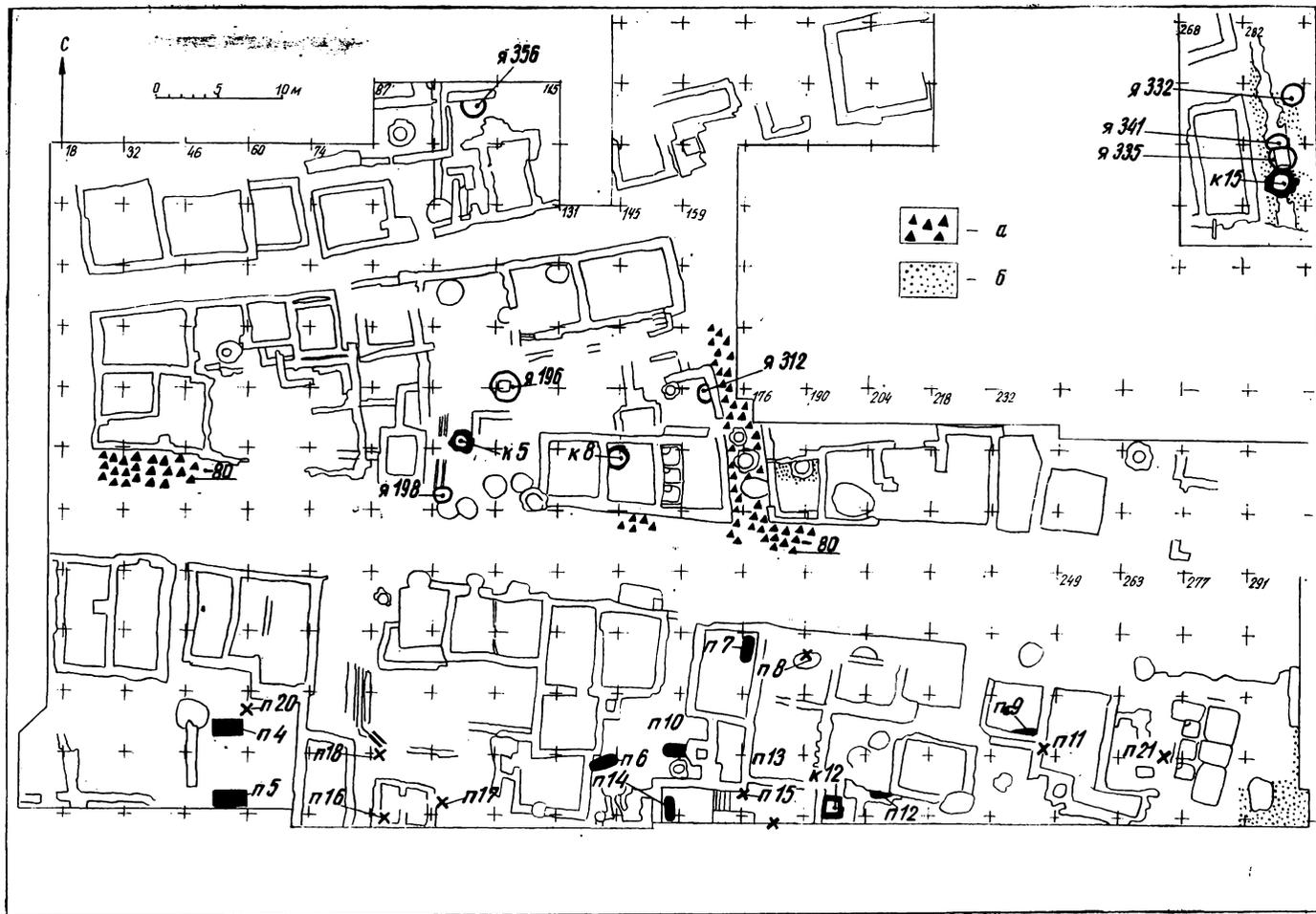

ТАБЛИЦА 3

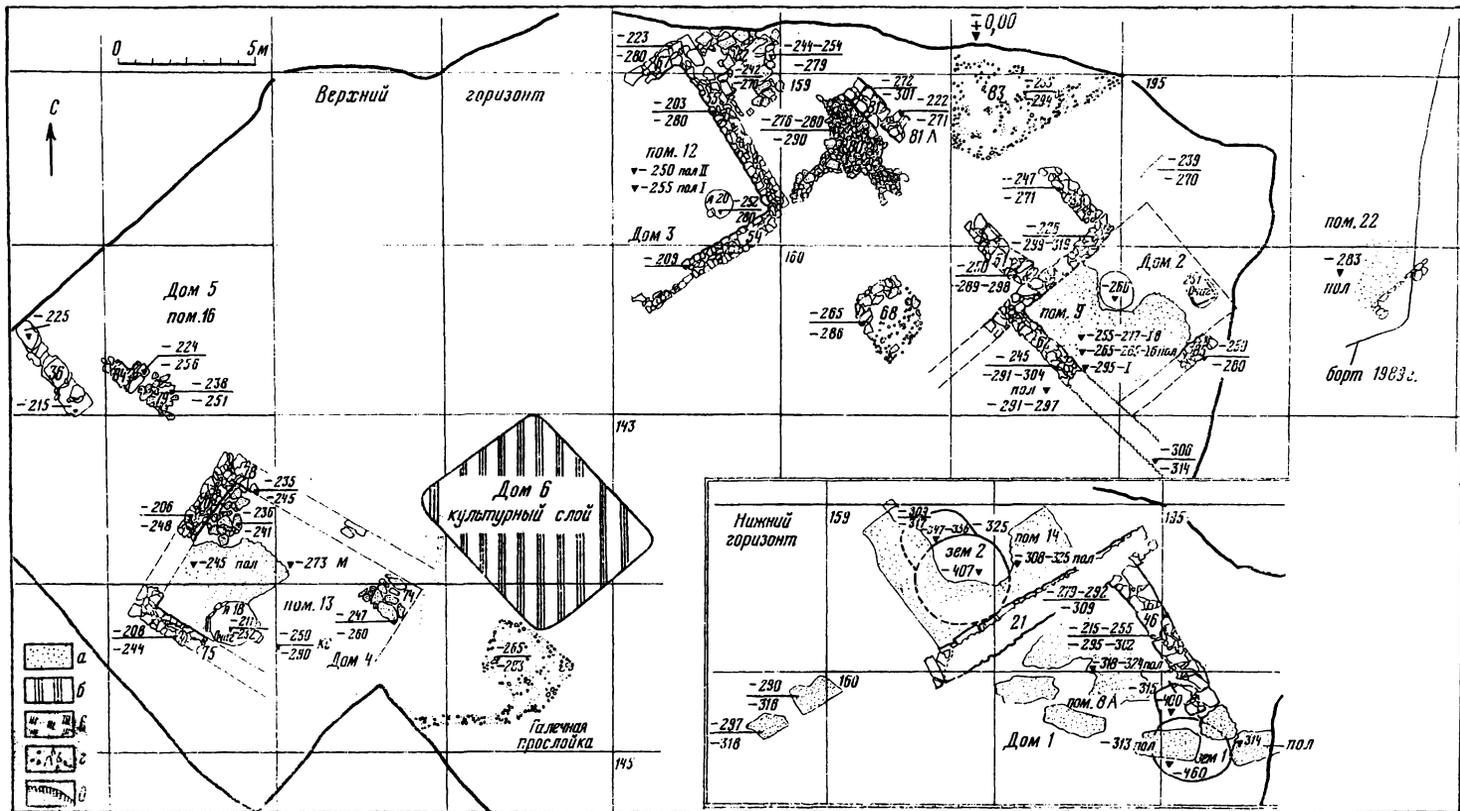
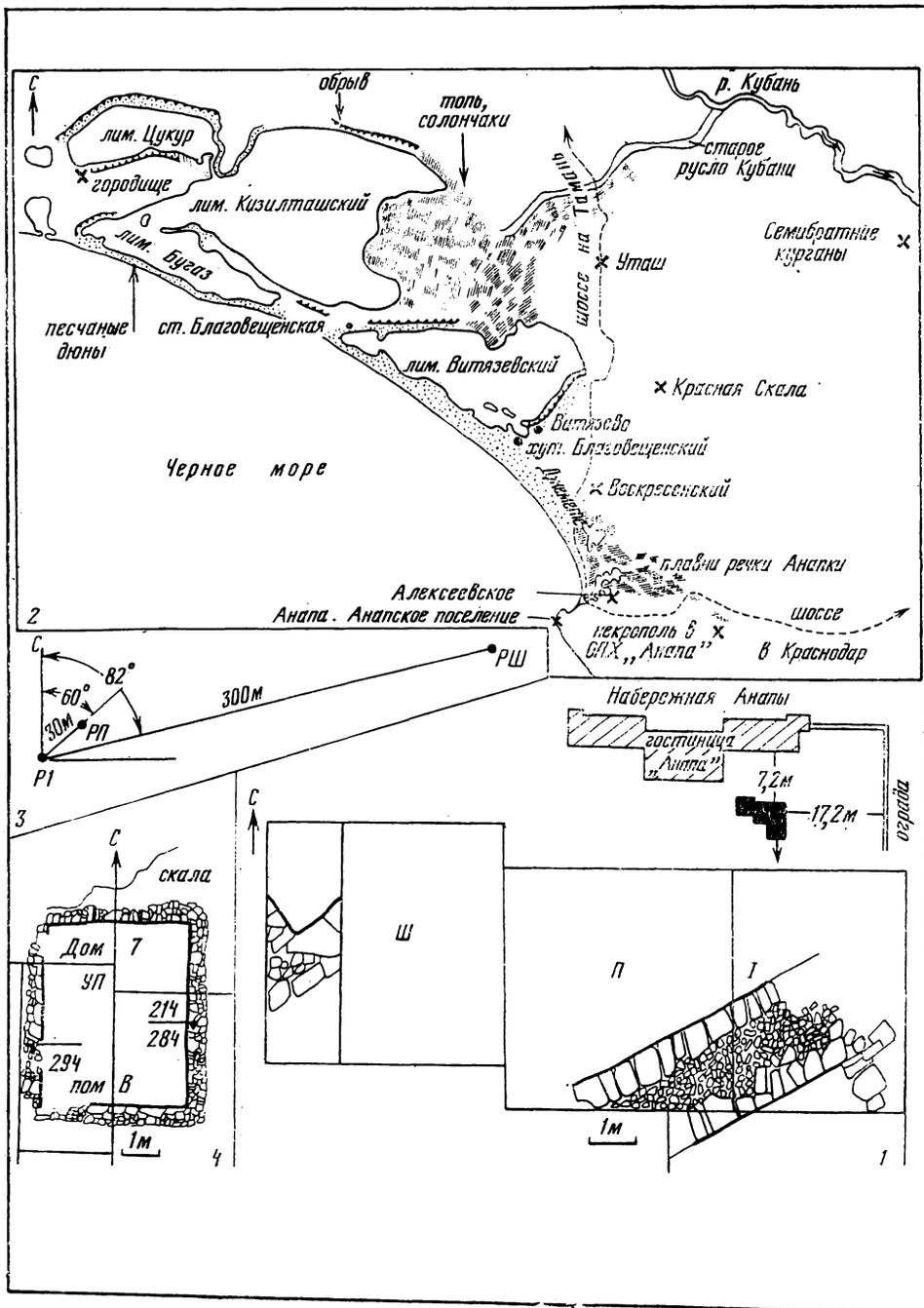
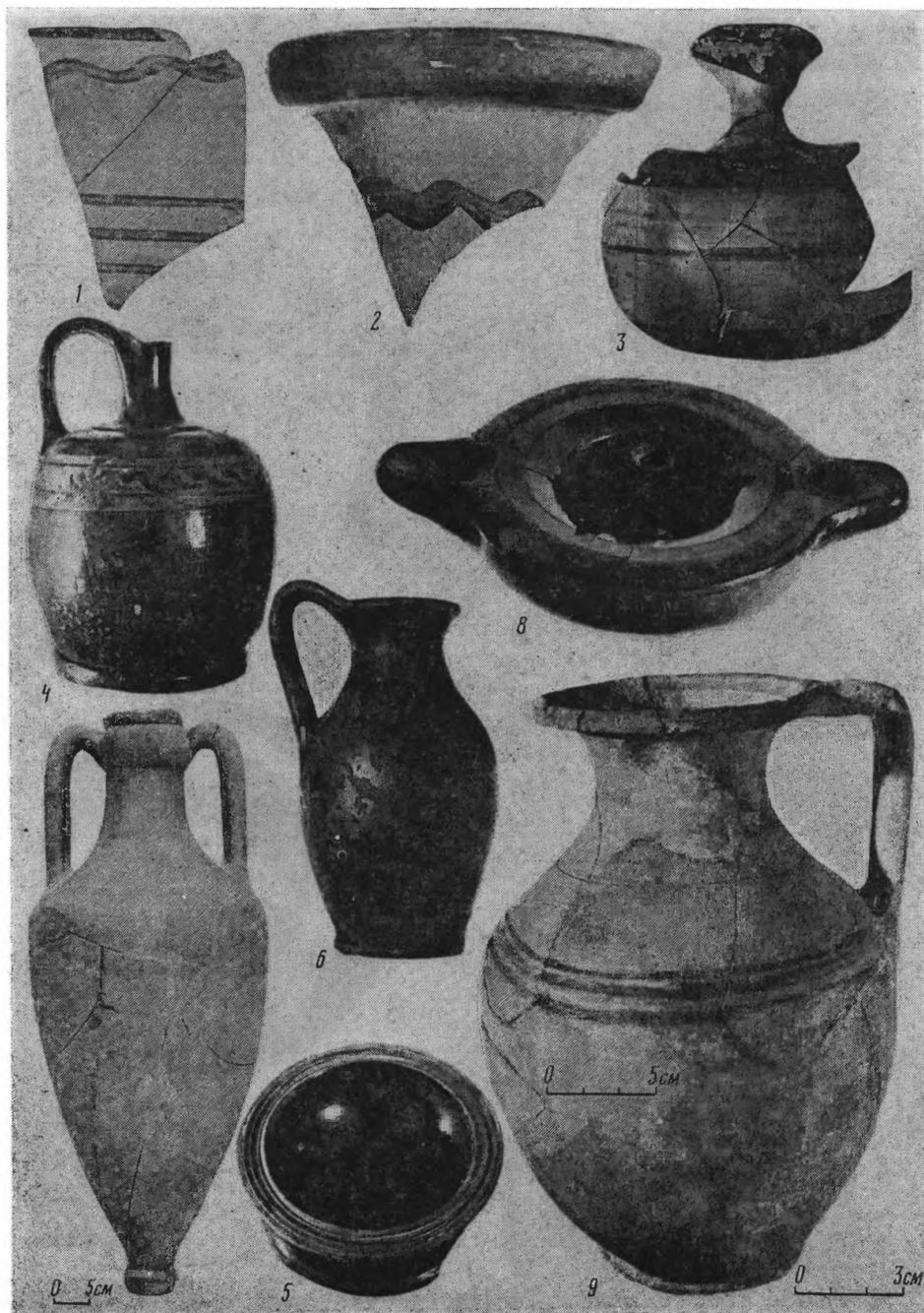
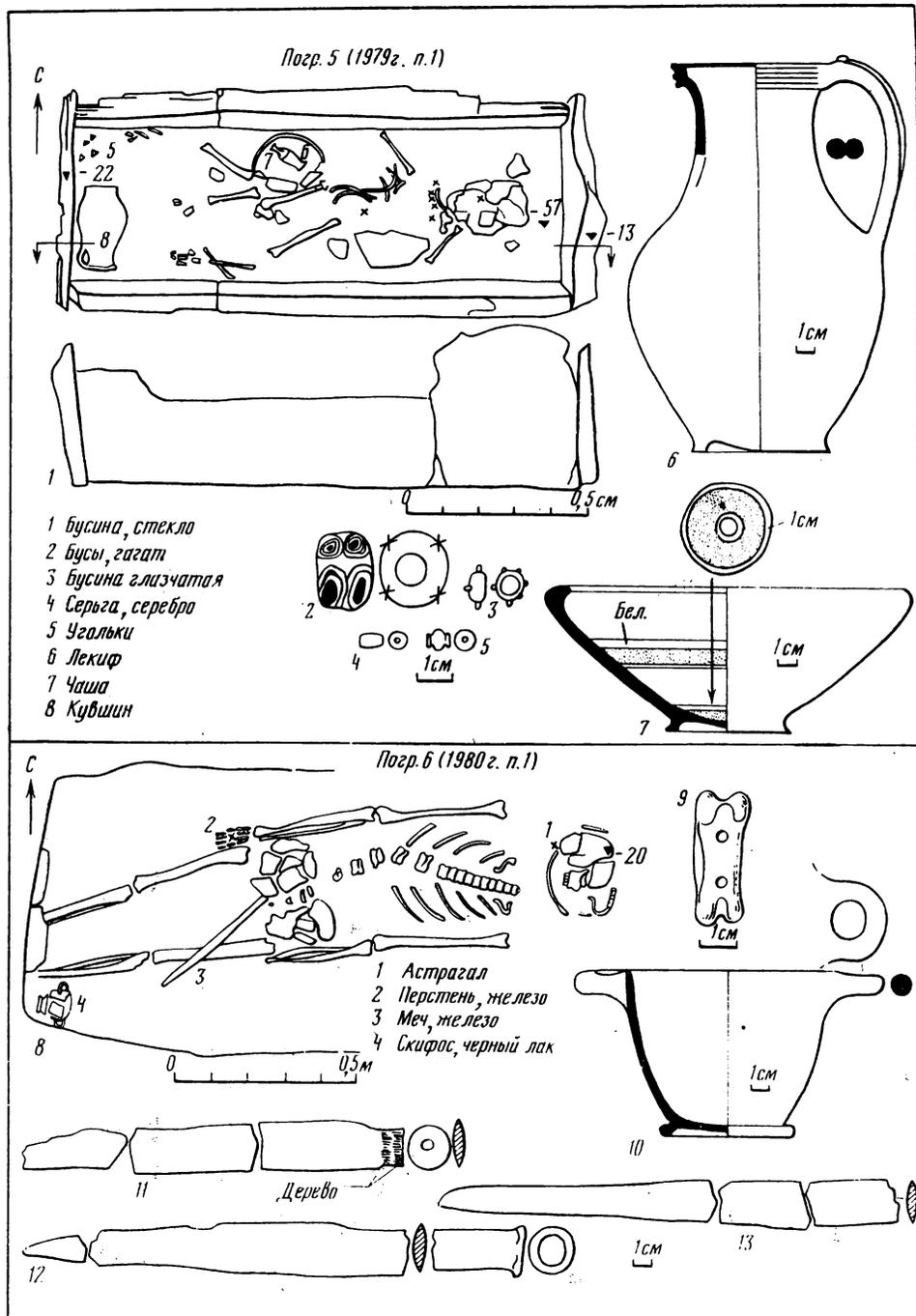

ТАБЛИЦА 4

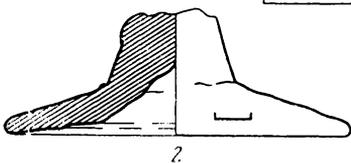
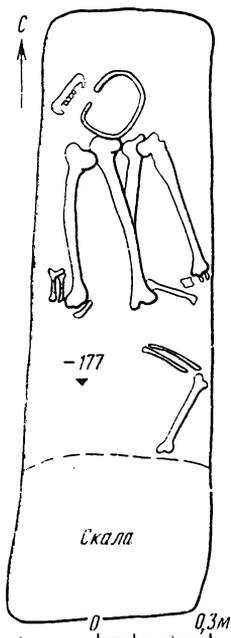

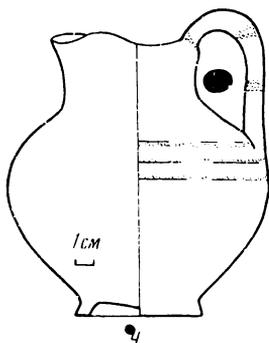
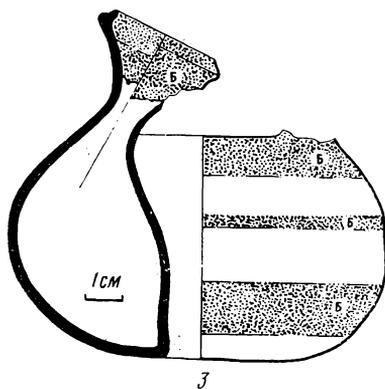

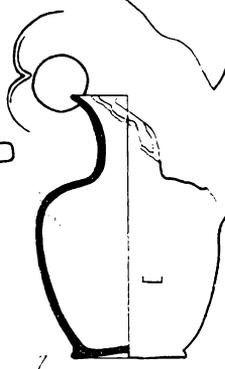
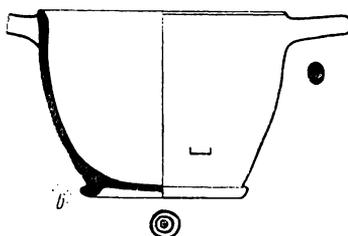
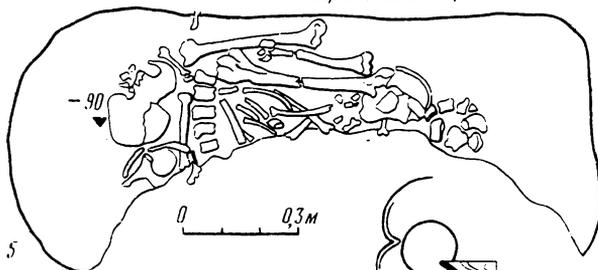
Позр. 7 (1980г. п.2)

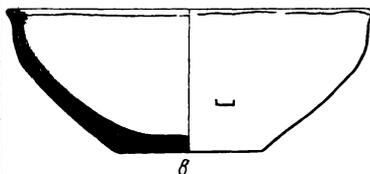
Позр. 9 (1981г. п.2)

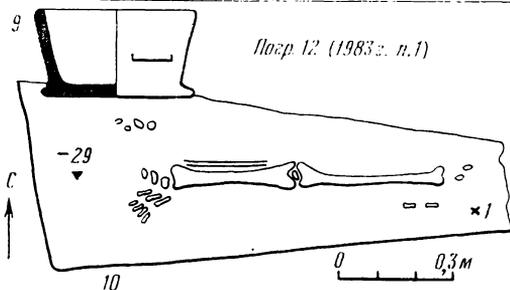
Позр. 8 (1981г. п.1)

Позр. 10 (1981 г. п.3)

Позр. 12 (1983г. п.1)

1

2

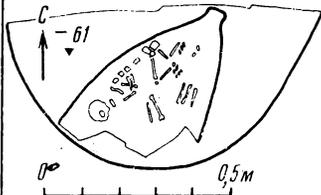

3

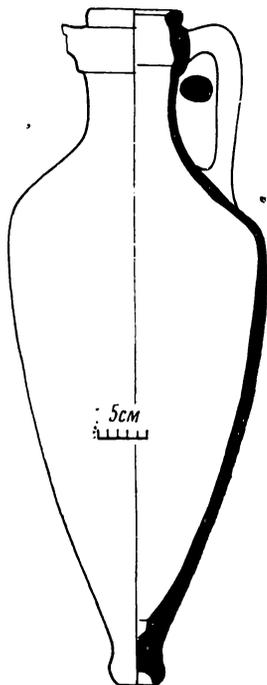
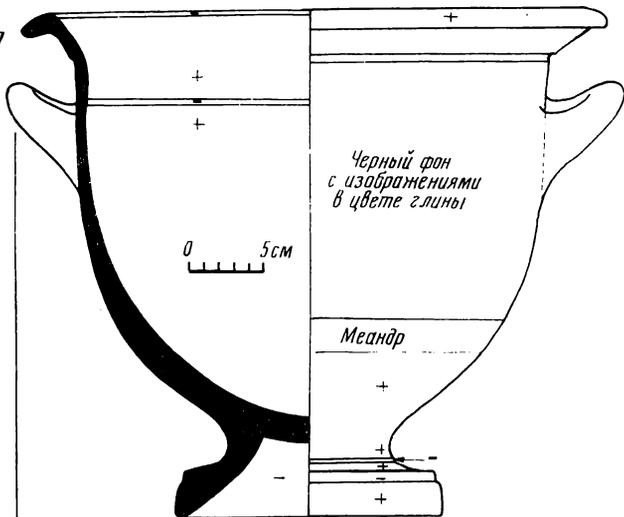

4

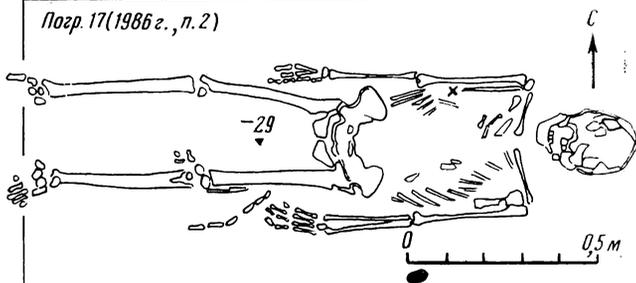
Погр. 15 (1985 г., л. 1)

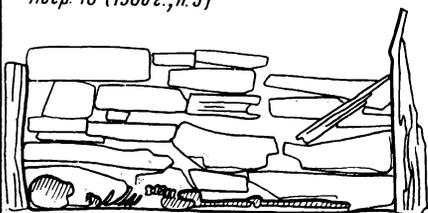
Погр. 11 (1982 г., л. 1)

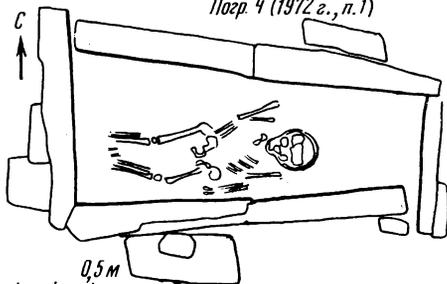
Погр. 17 (1986 г., л. 2)

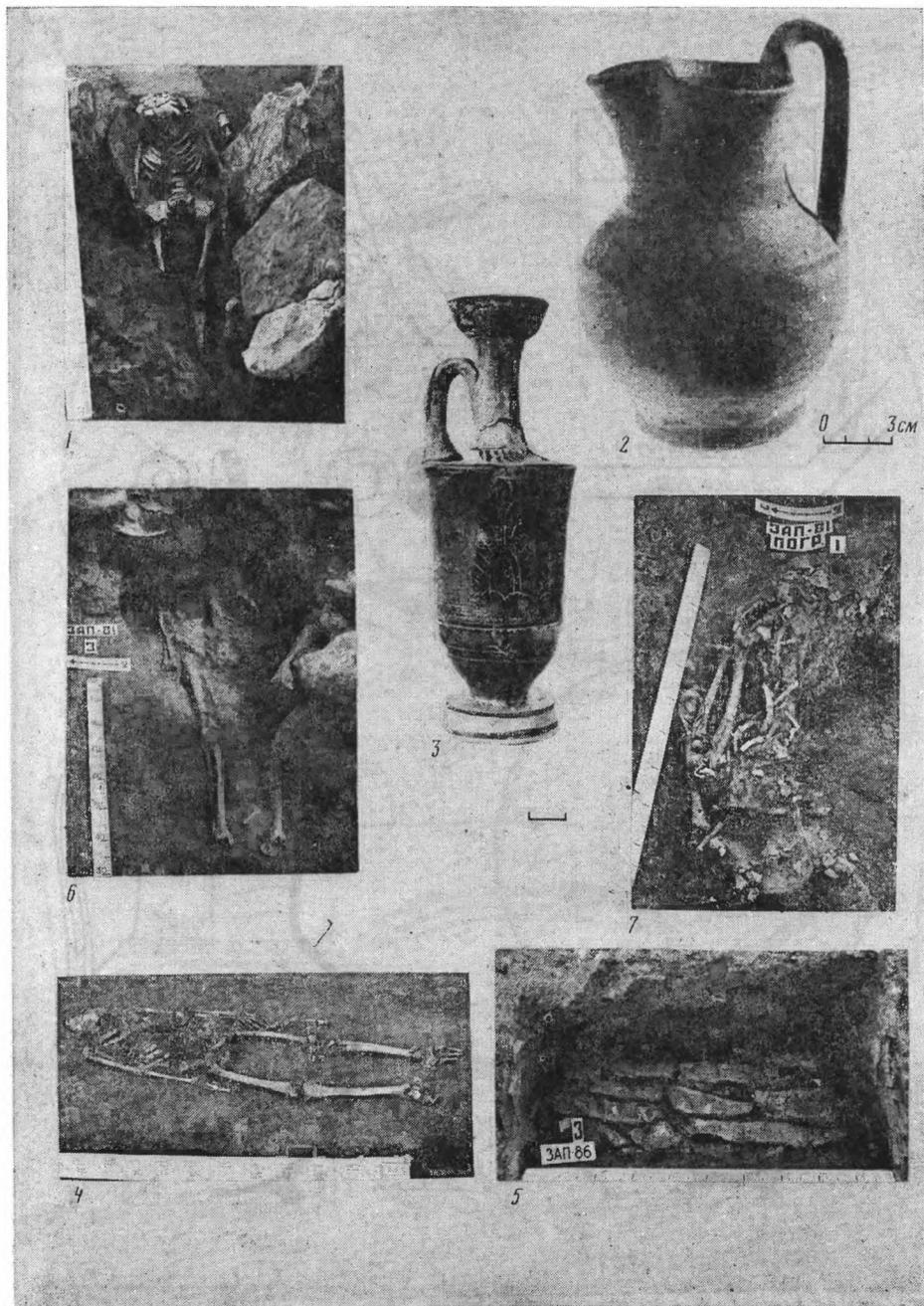

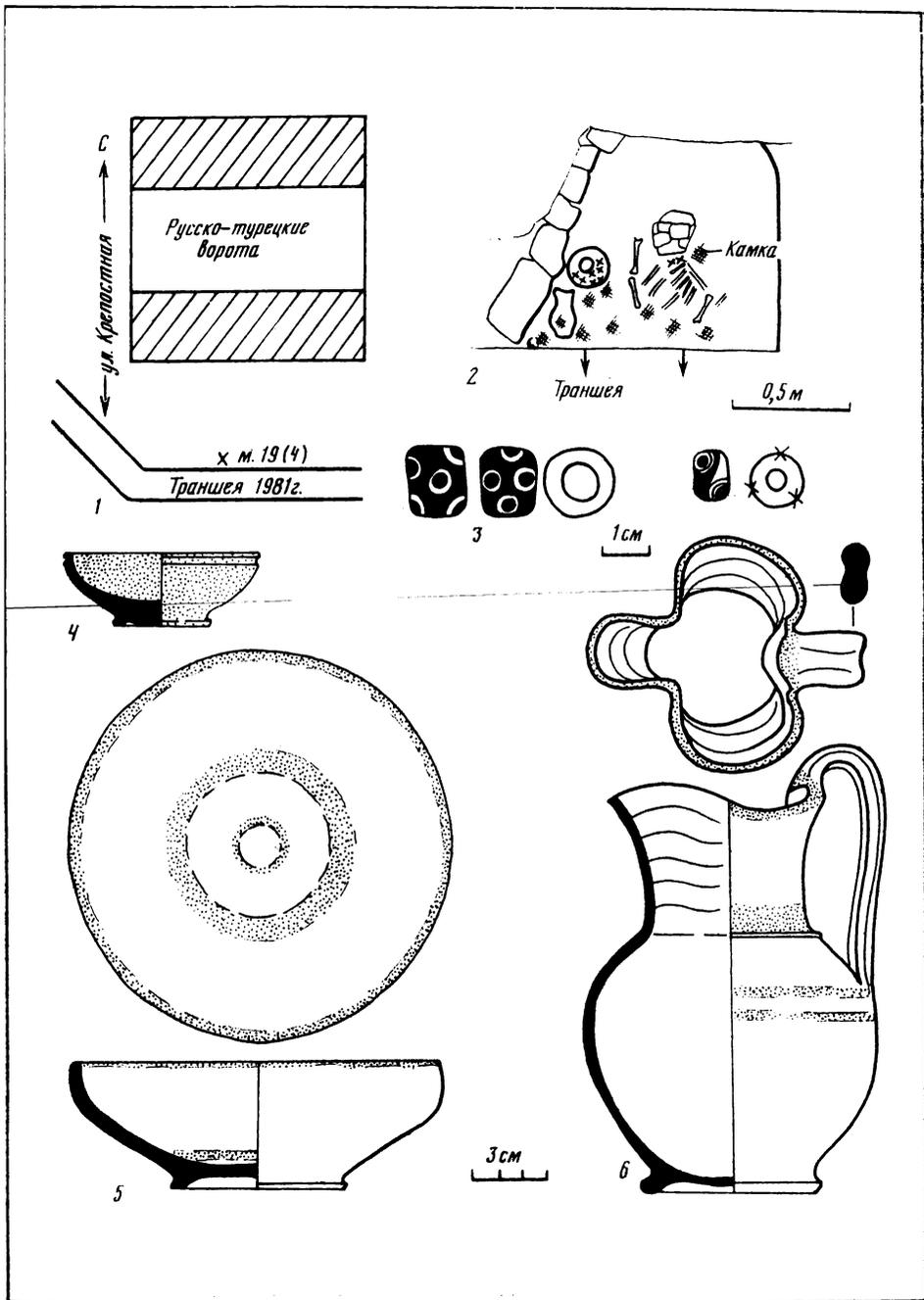
Погр. 18 (1986 г., л. 3)

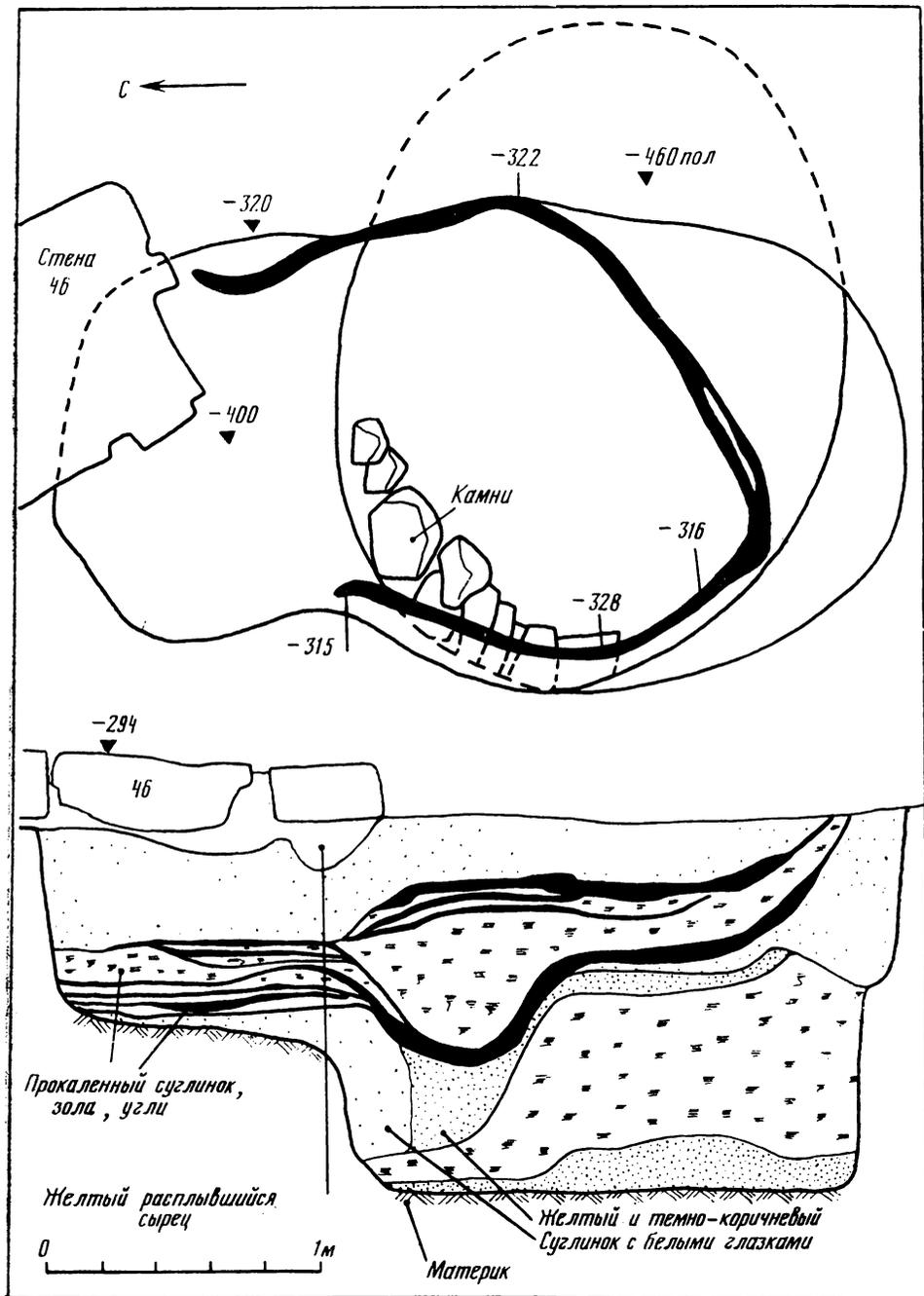

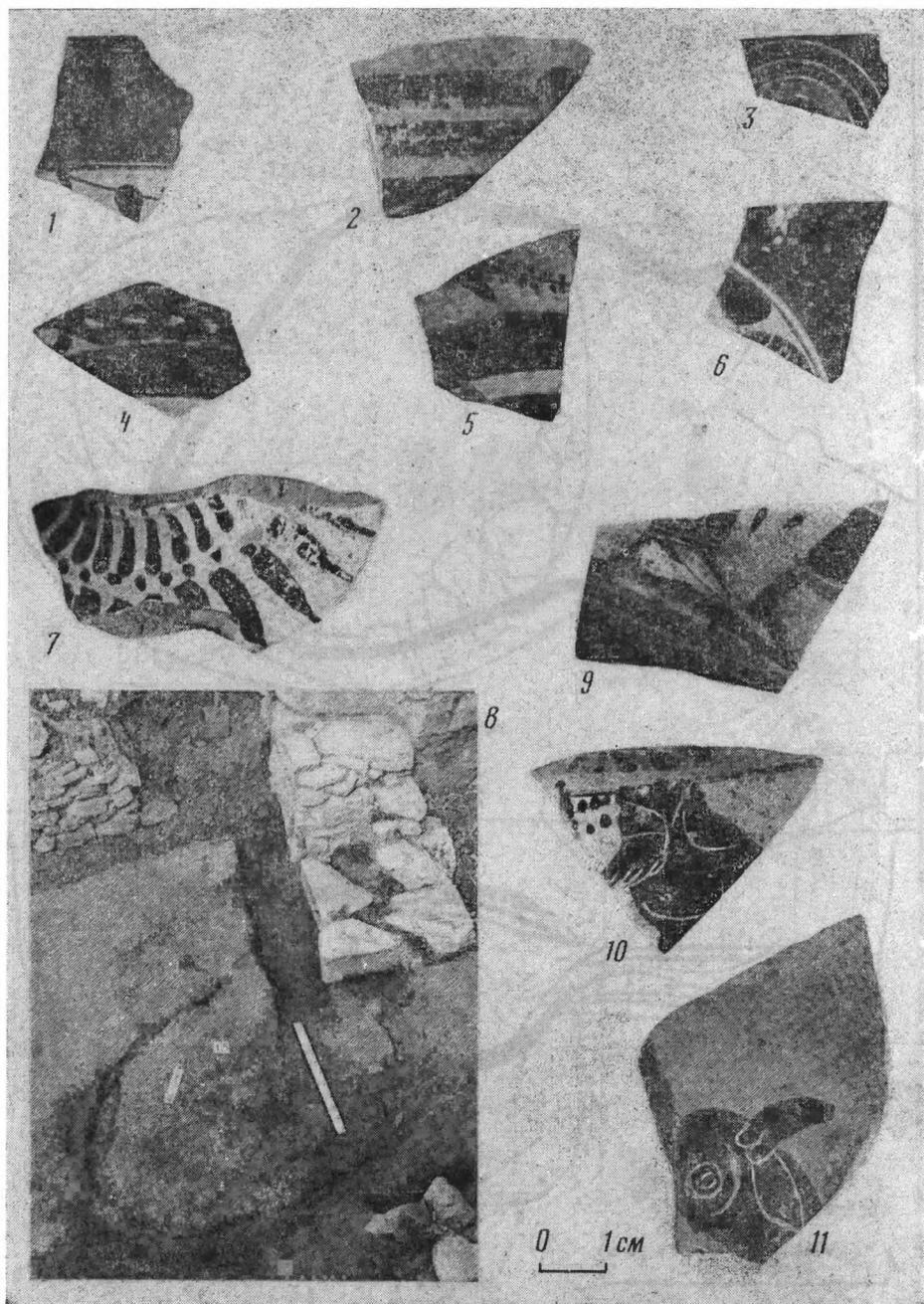
Погр. 4 (1972 г., л. 1)

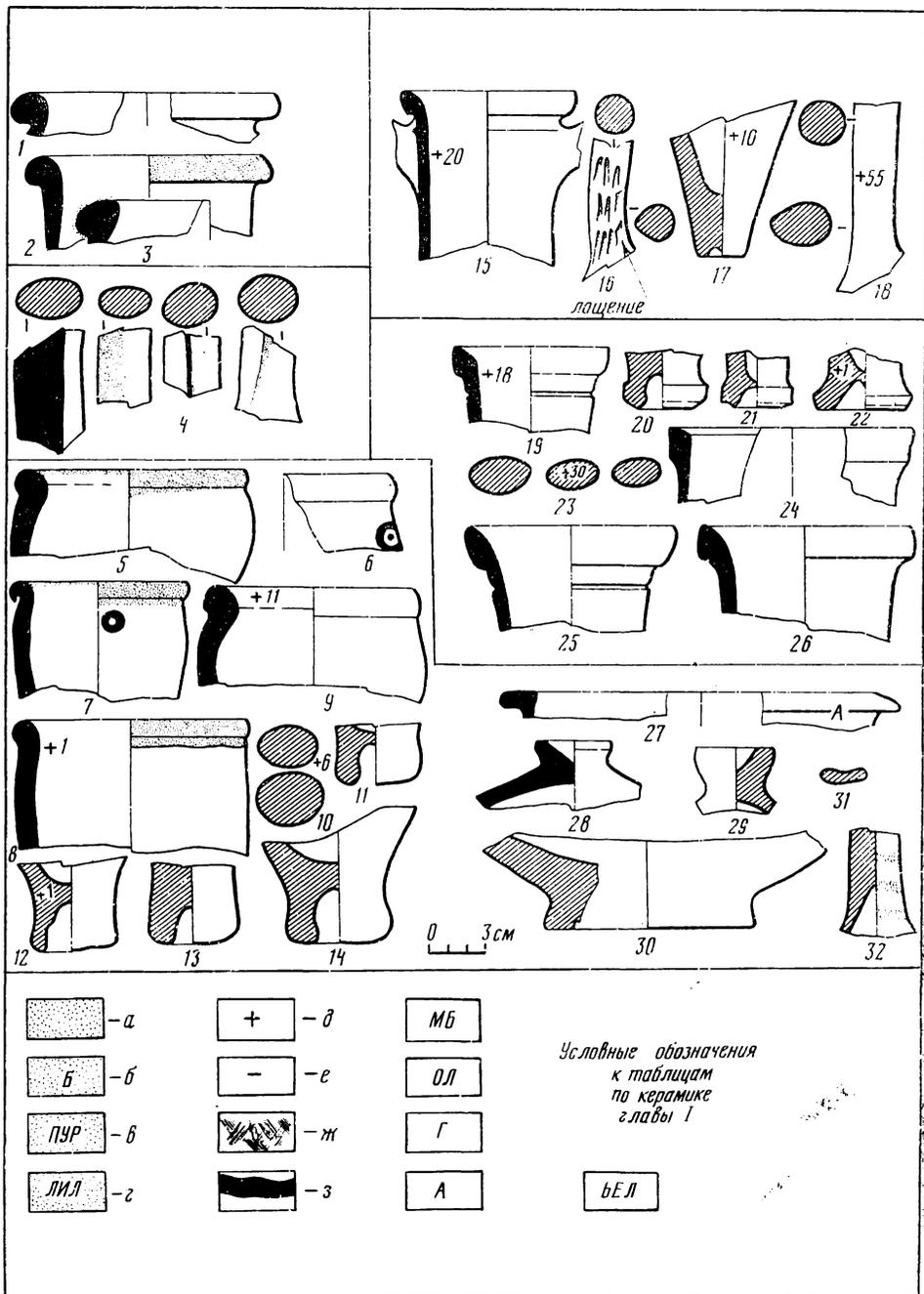

	-а		-д		МБ
	-б		-е		ОЛ
	-в		-ж		Г
	-г		-з		А

Условные обозначения
к таблицам
по керамике
главы I

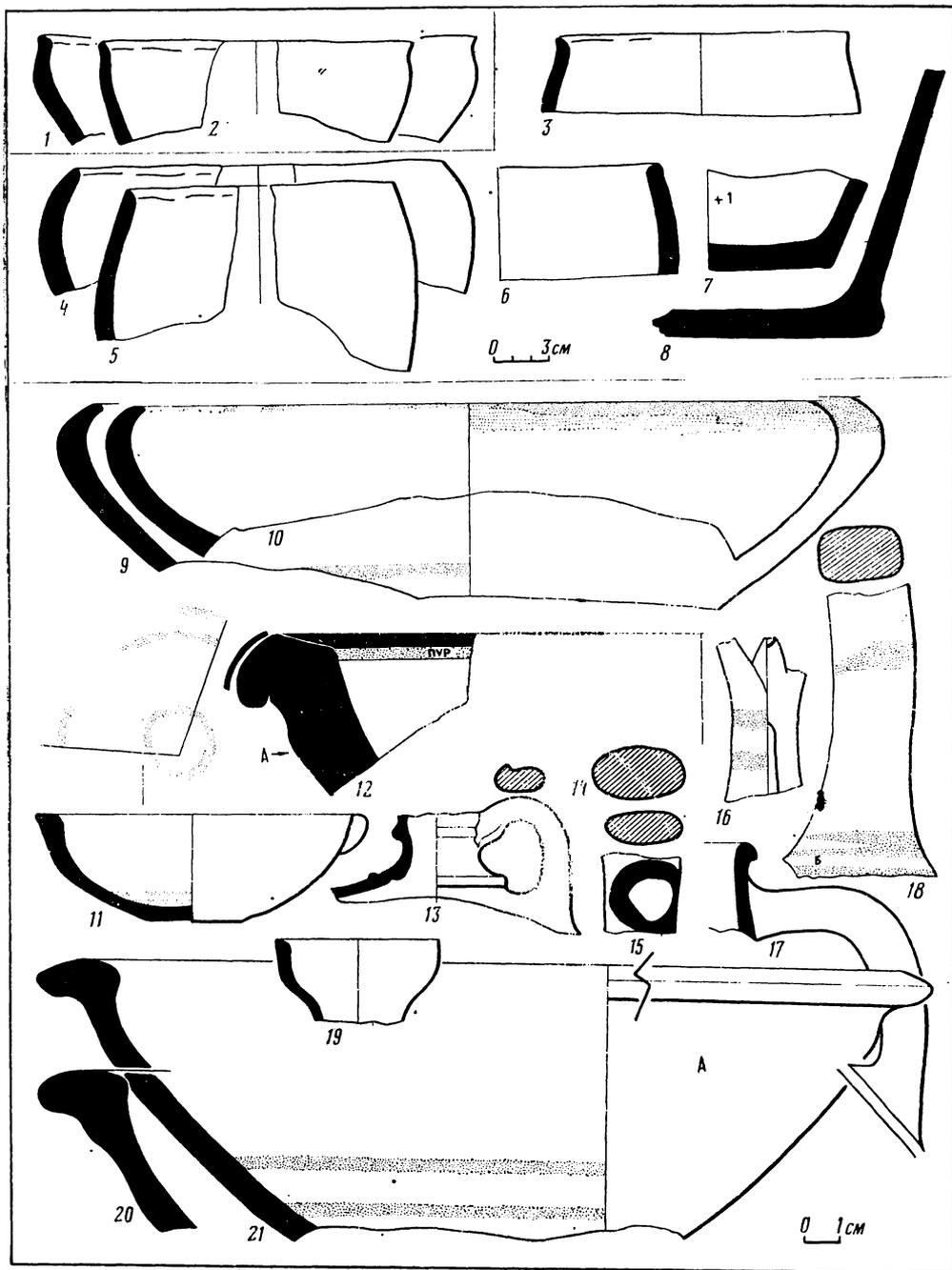
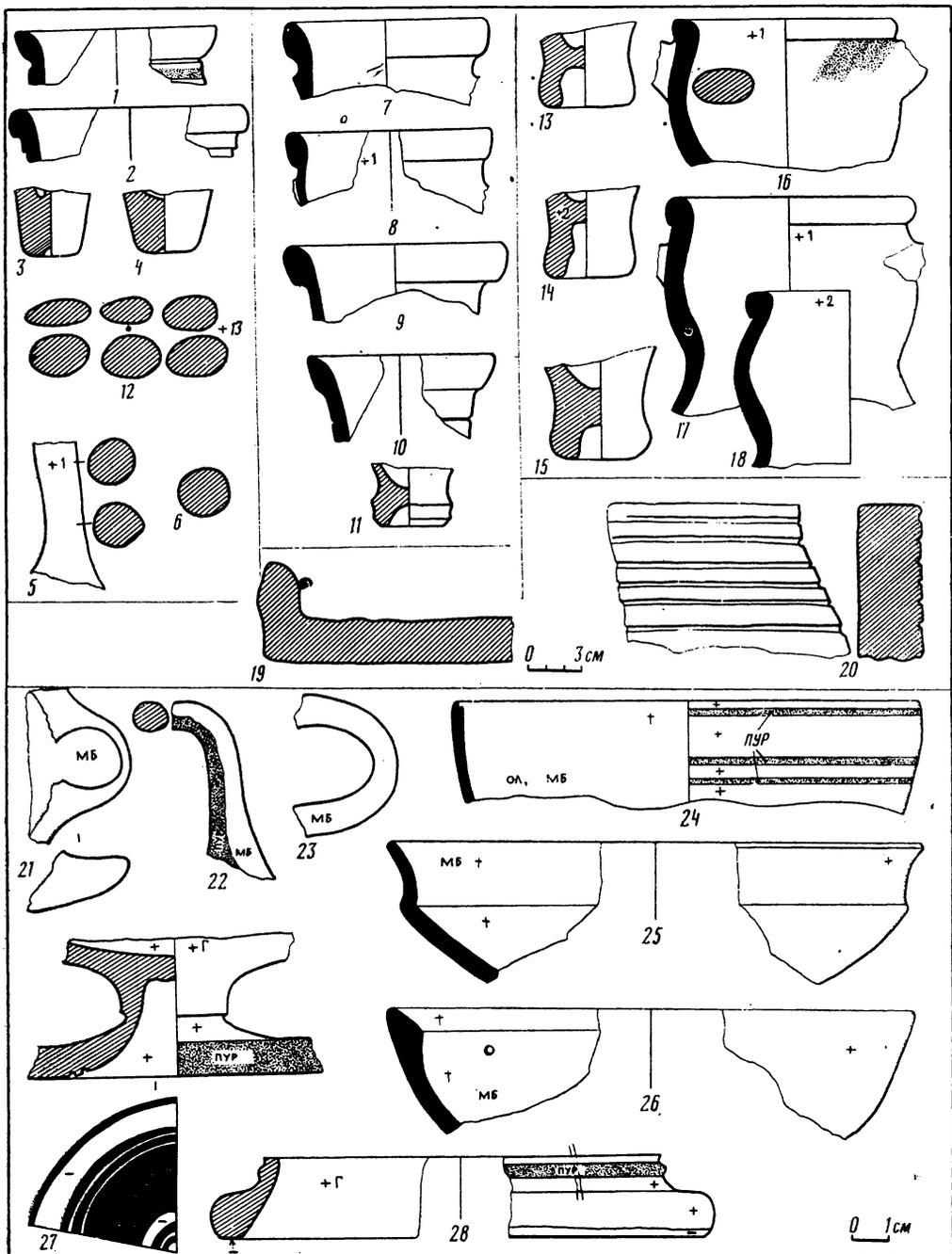

ТАБЛИЦА 22

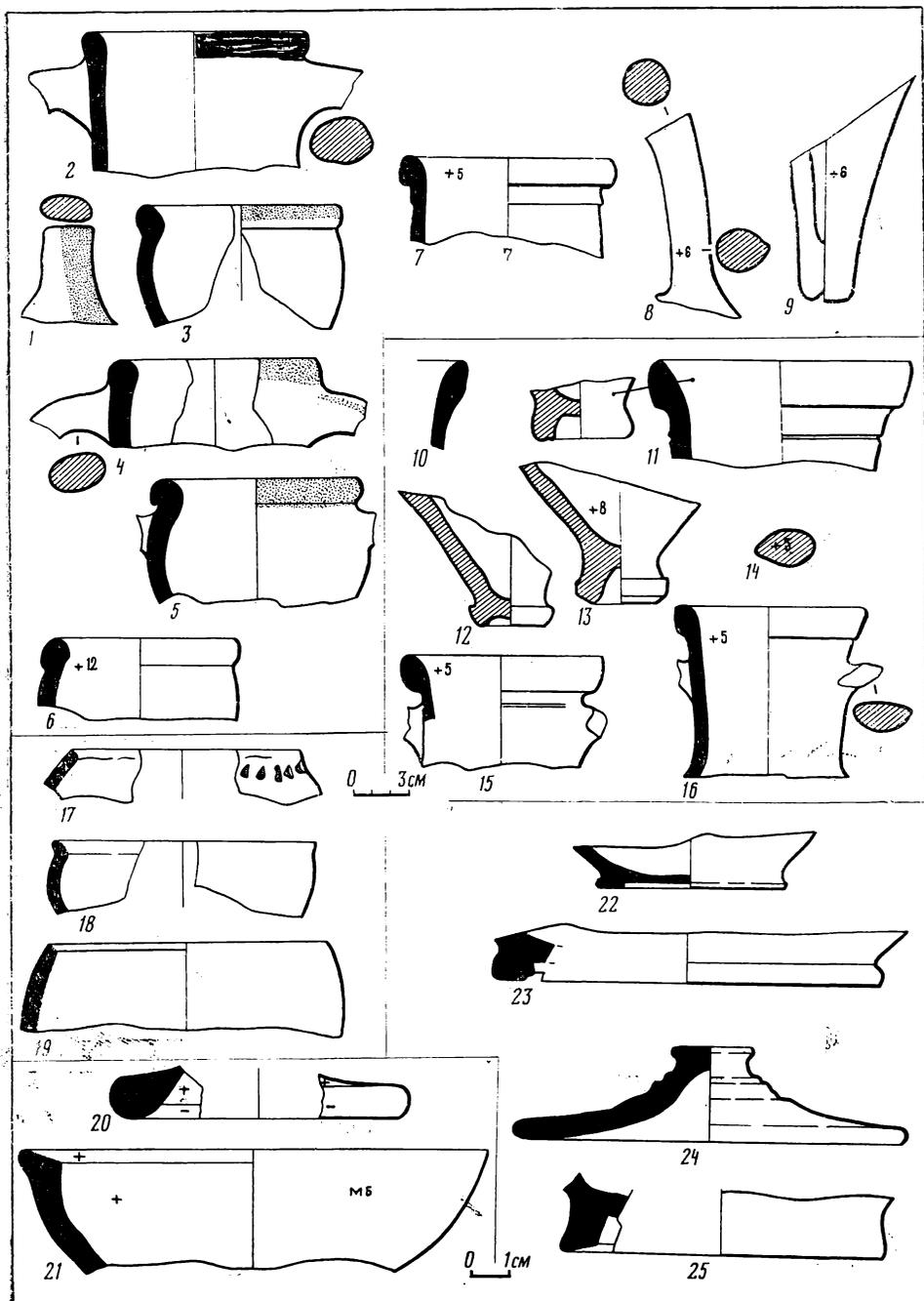
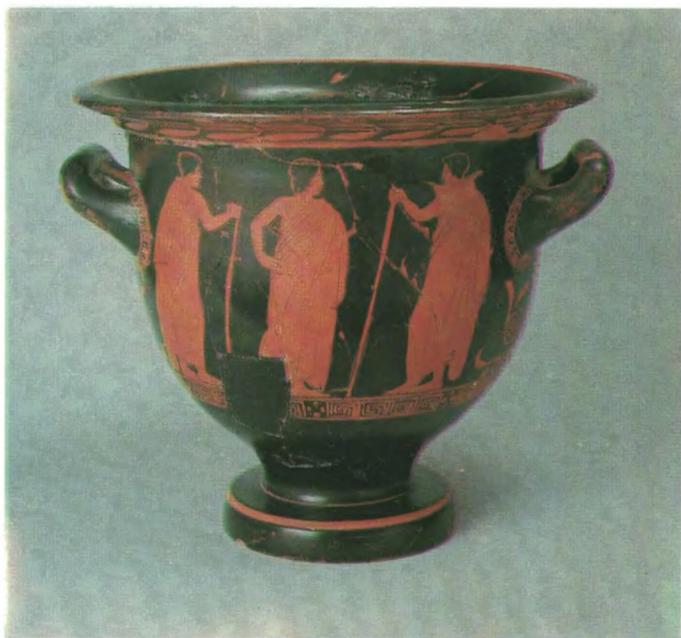
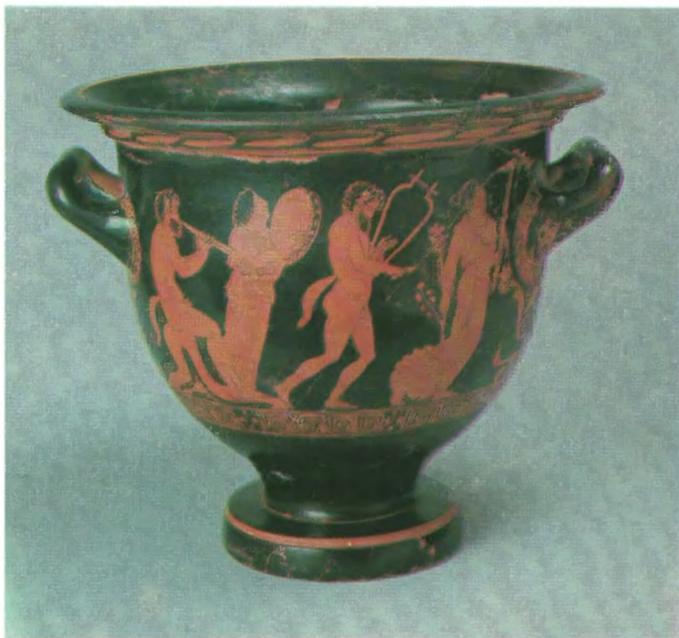

ТАБЛИЦА 9

ТАБЛИЦА 11

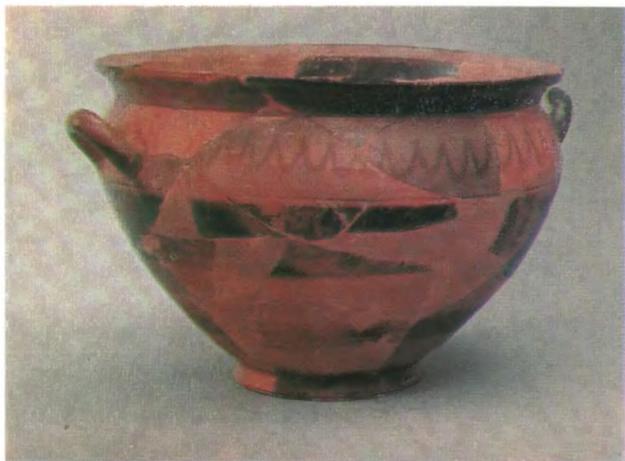
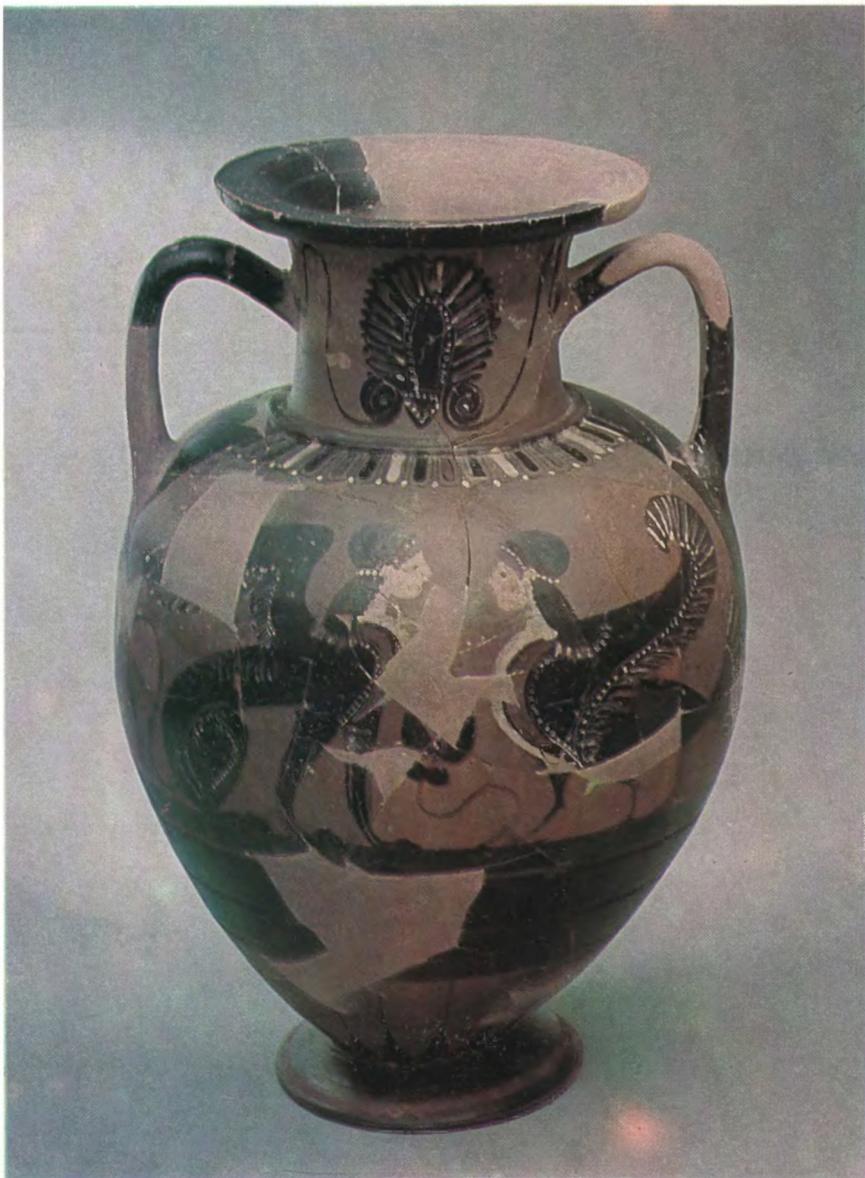
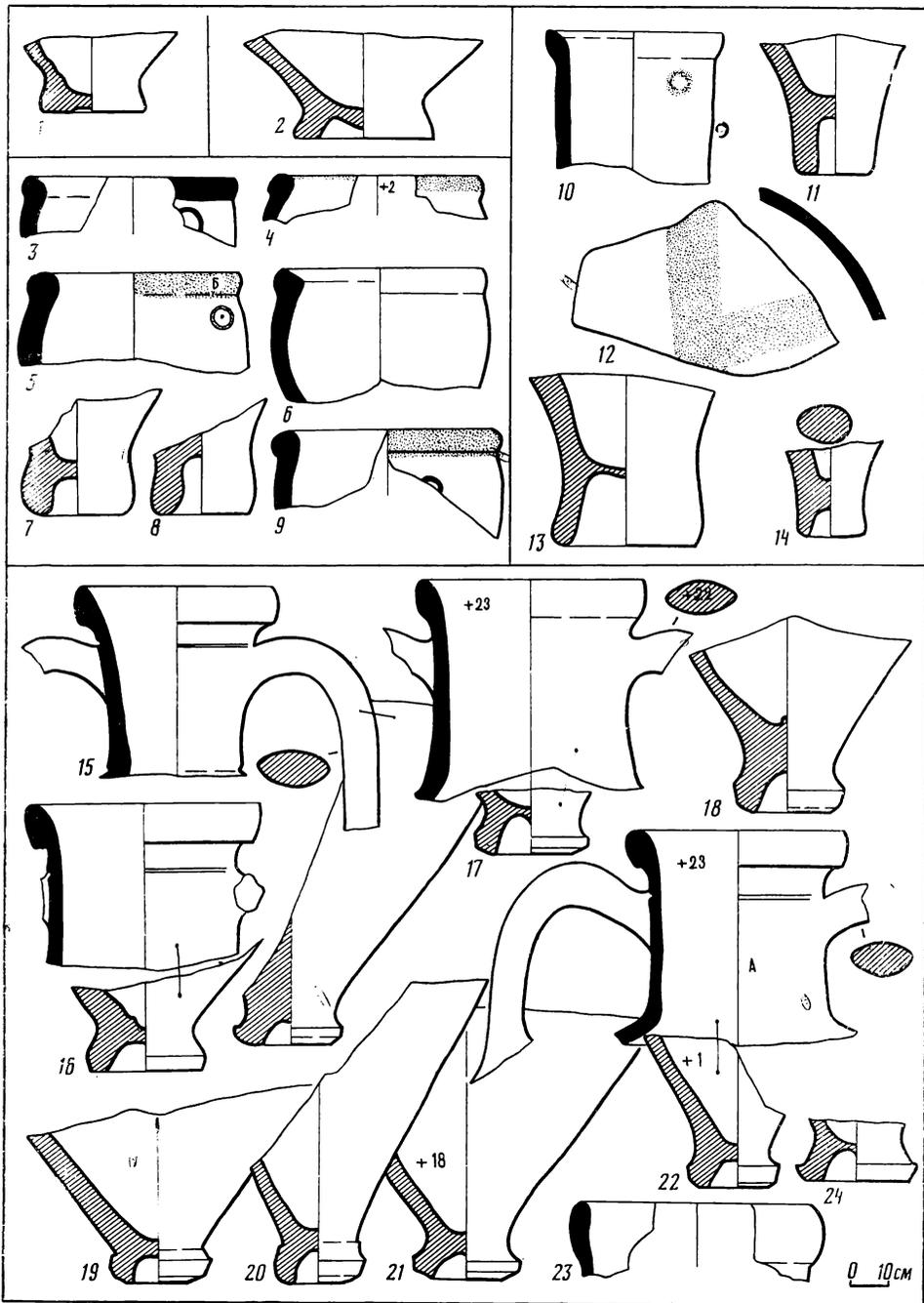
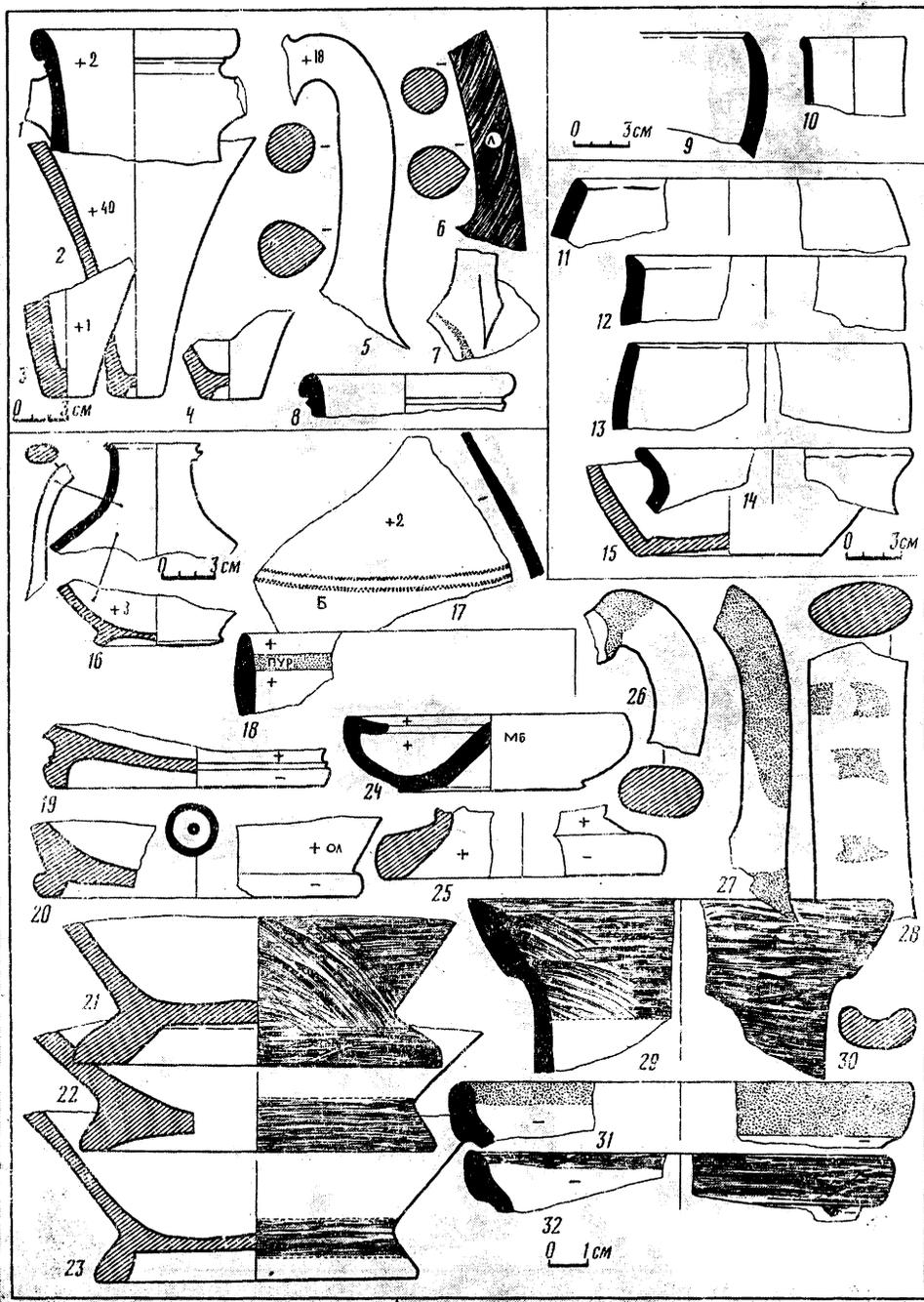
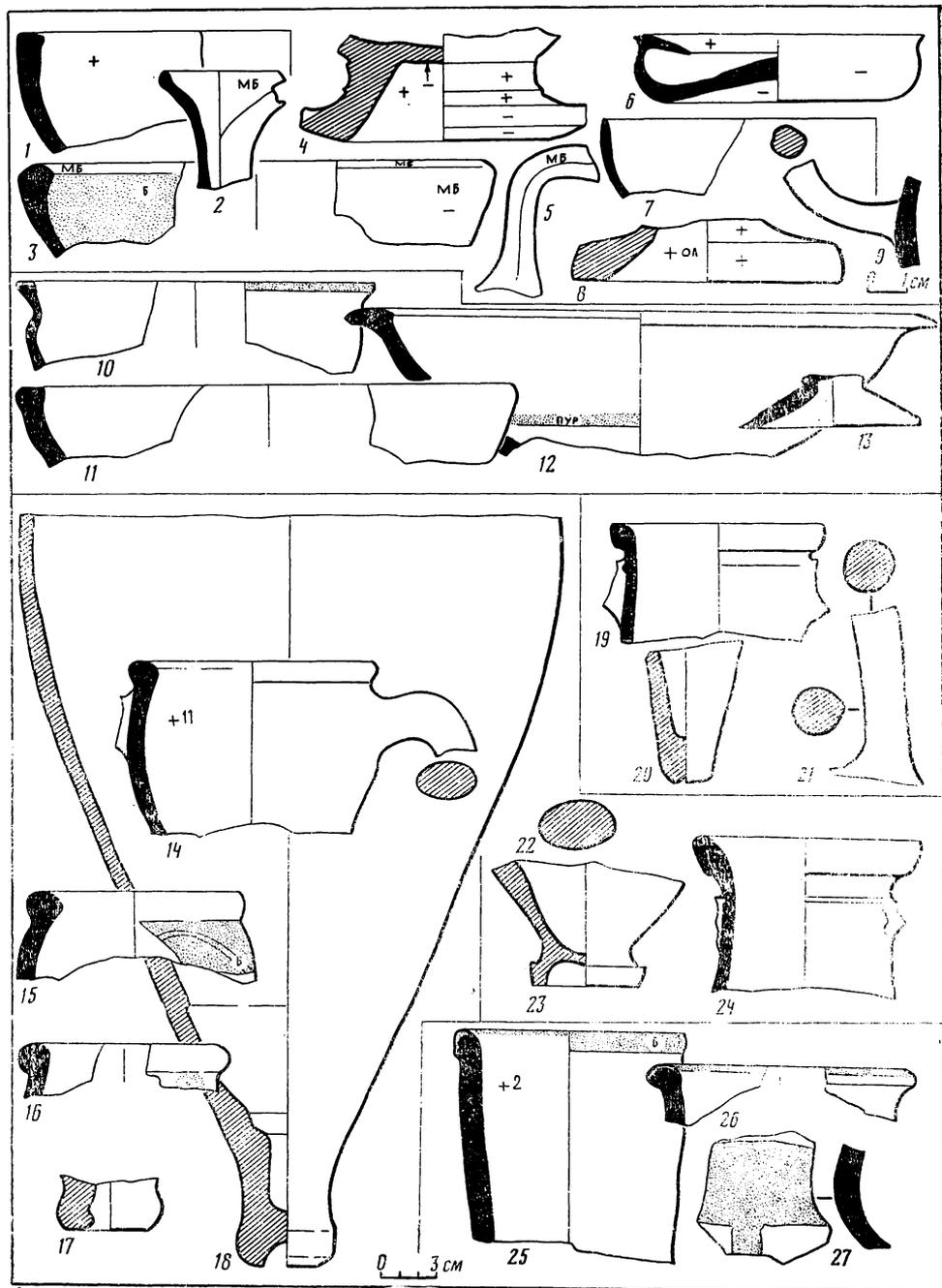

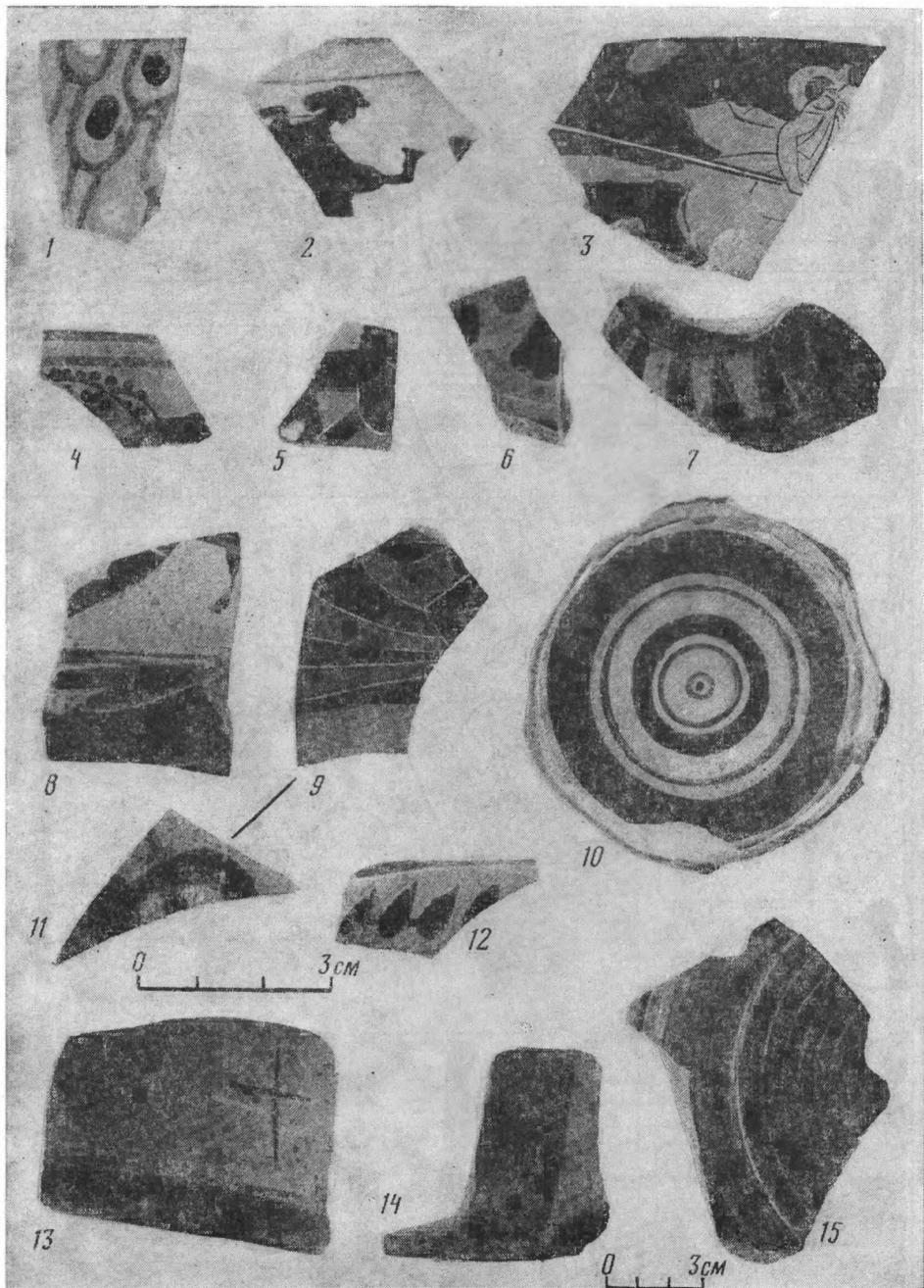
ТАБЛИЦА 65

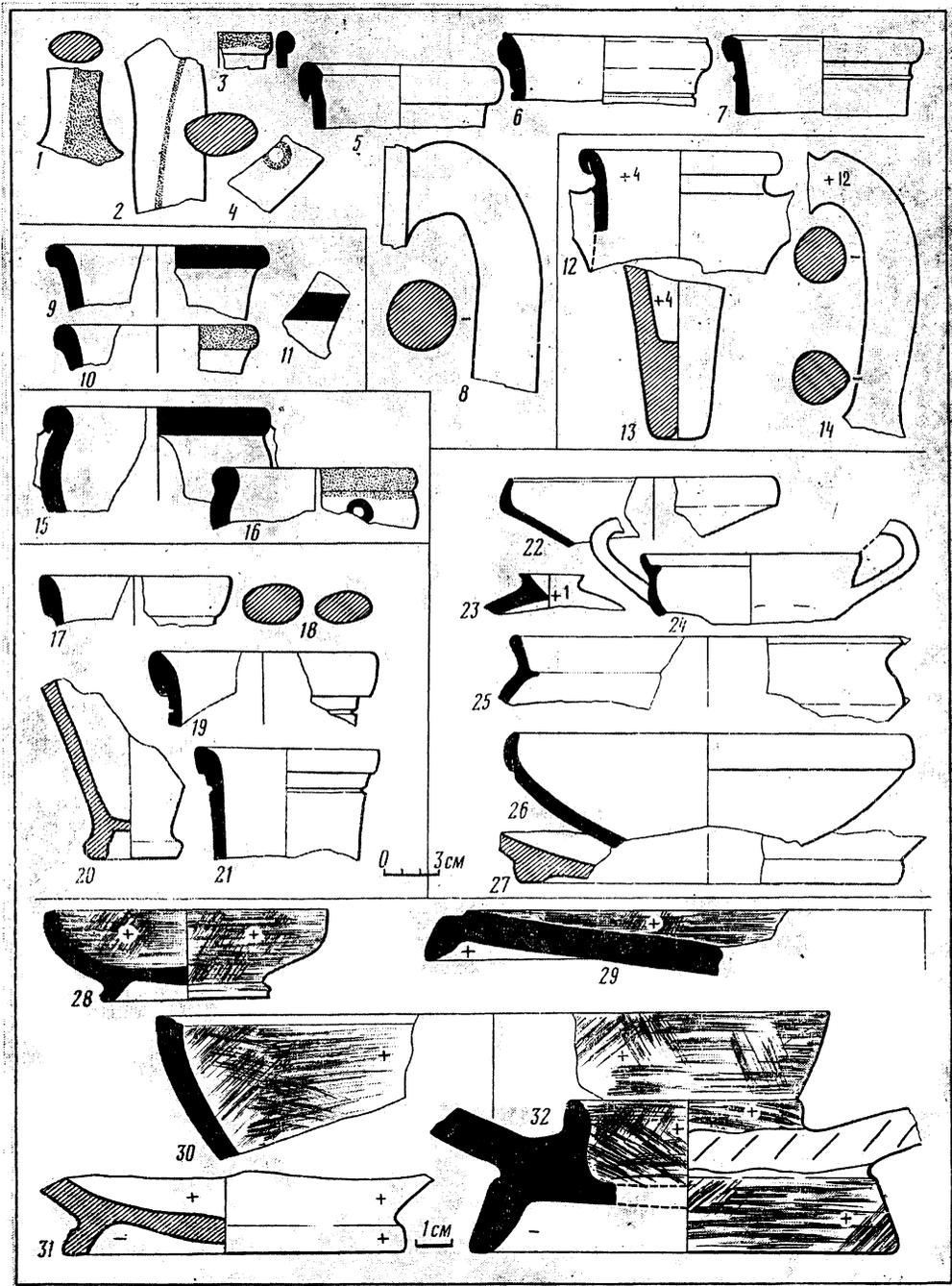

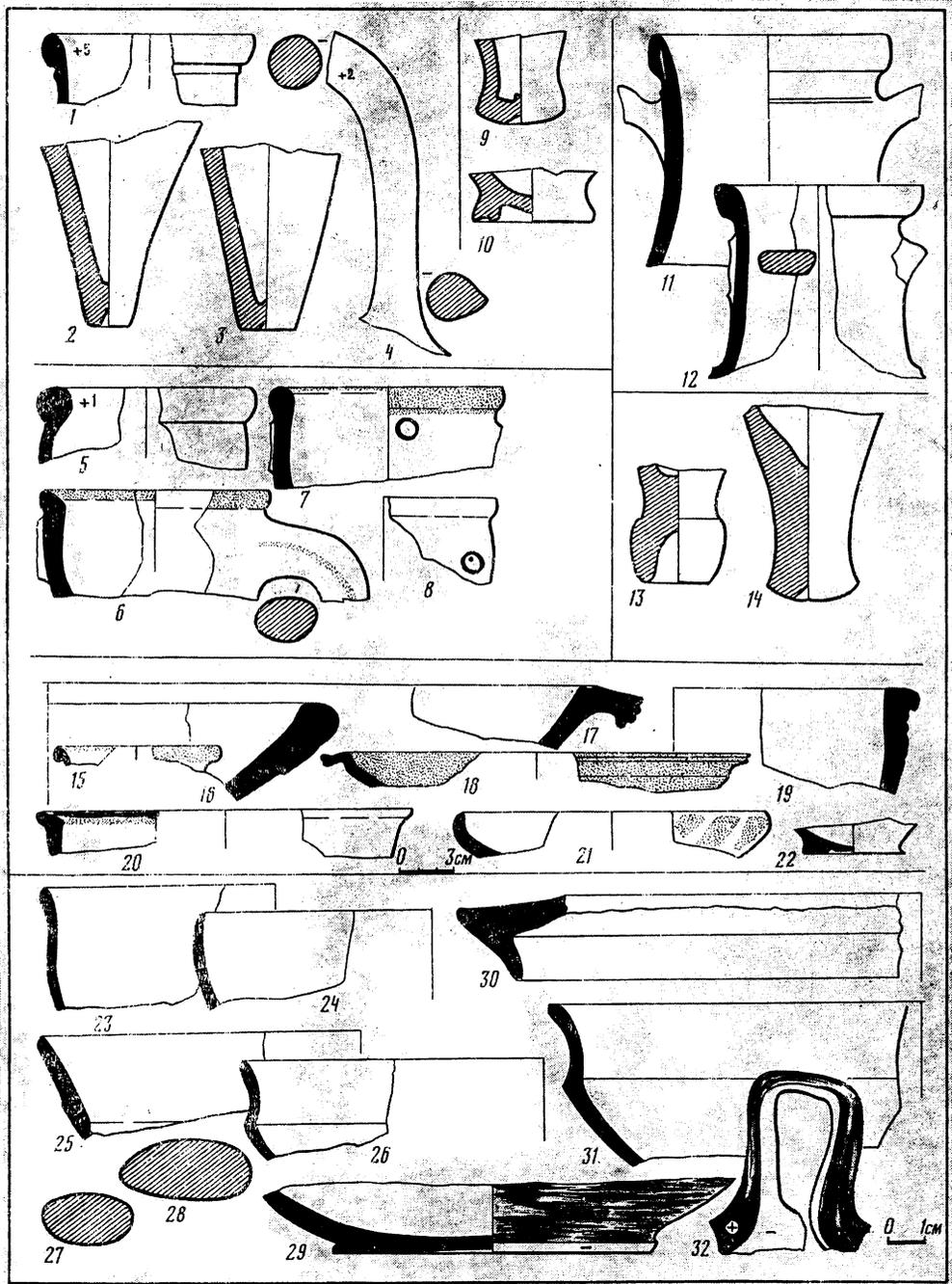

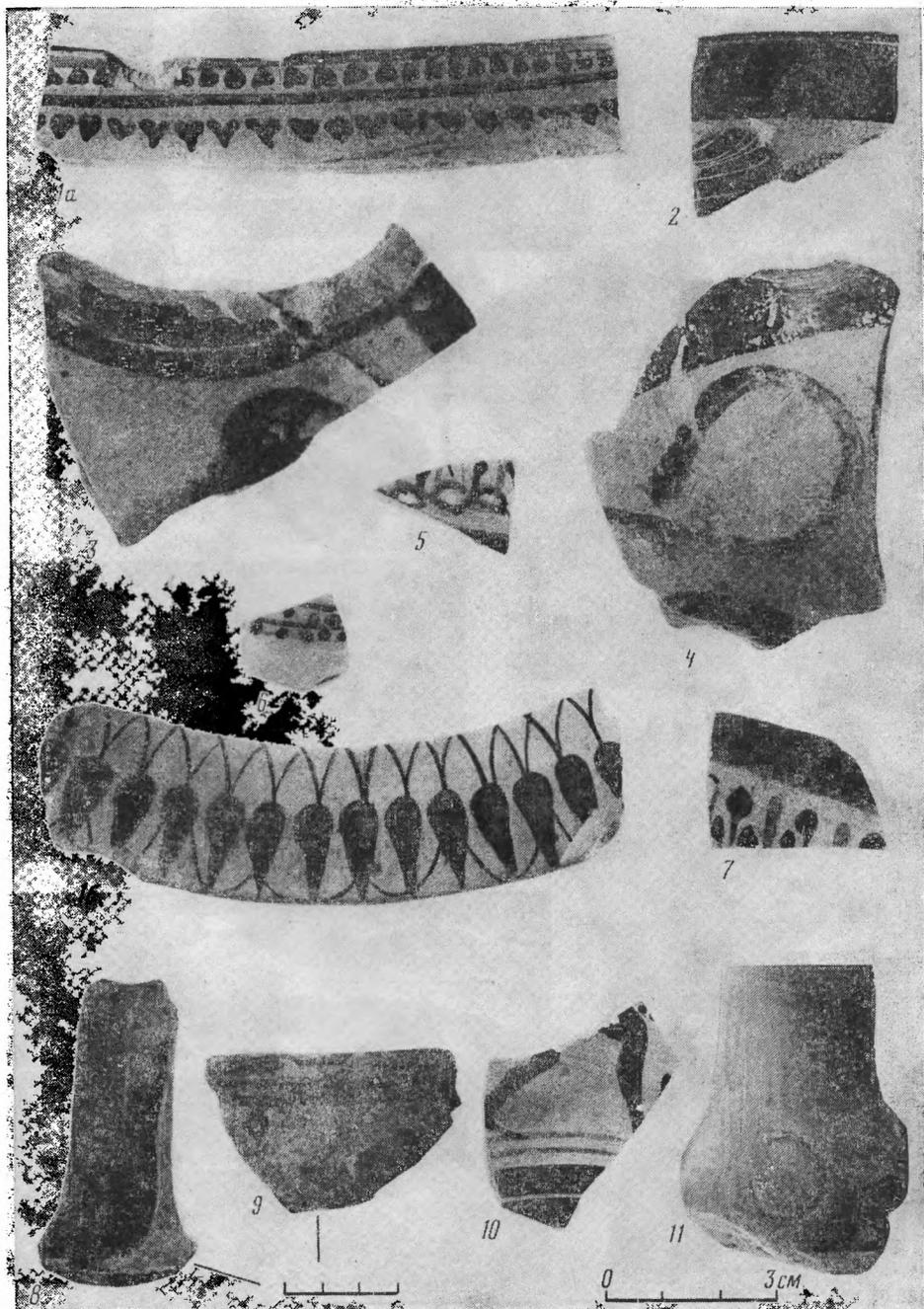

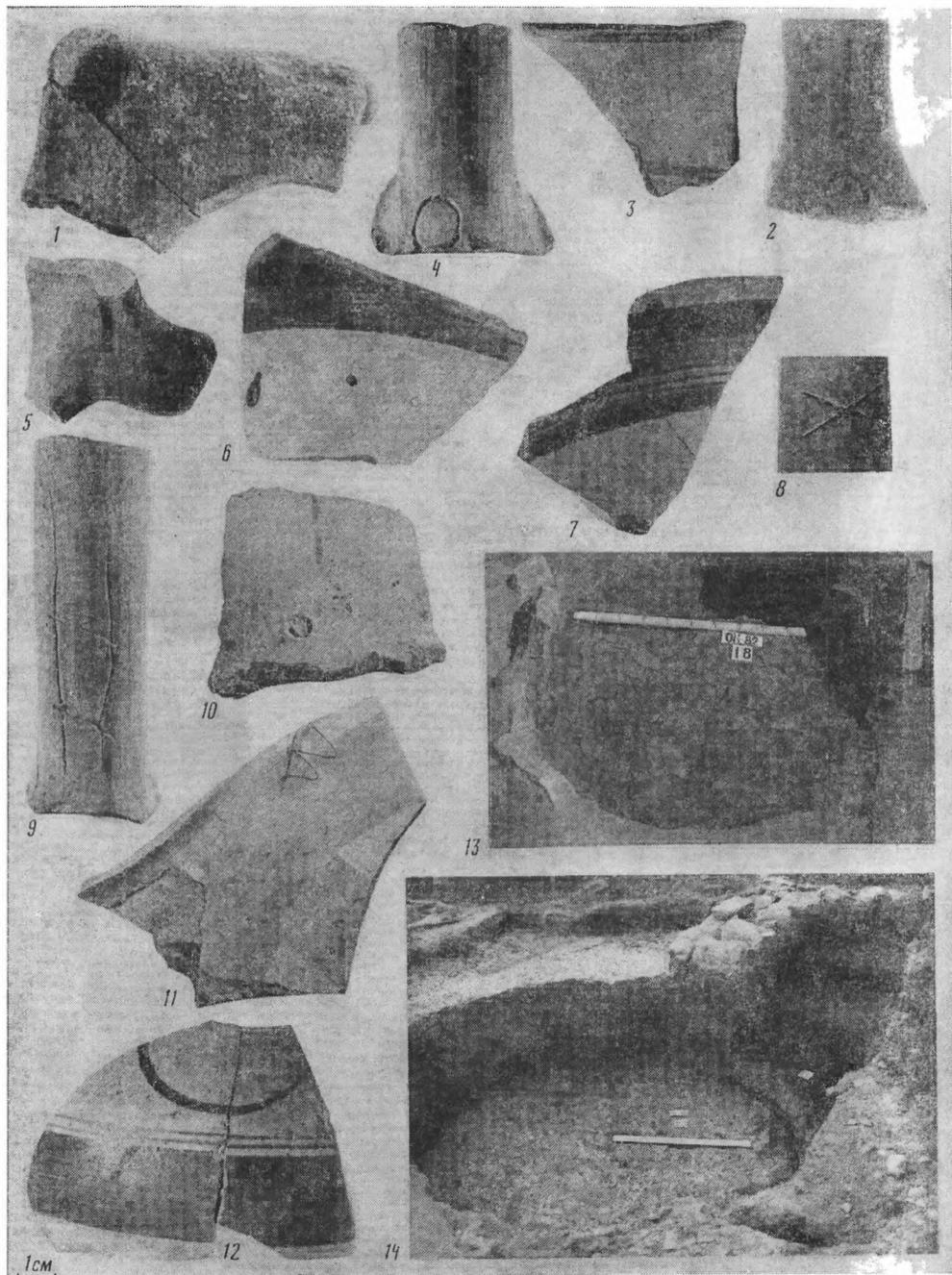

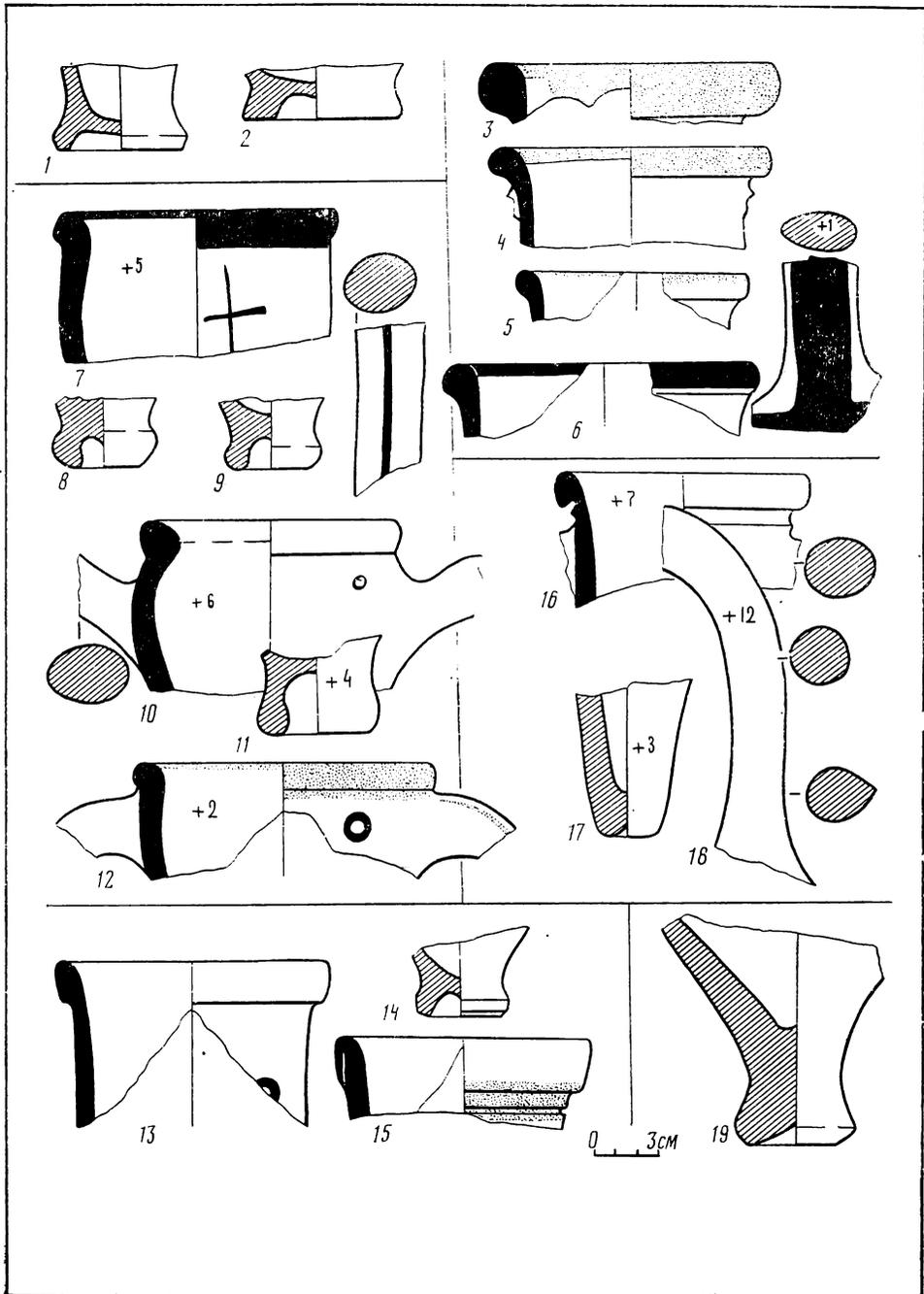

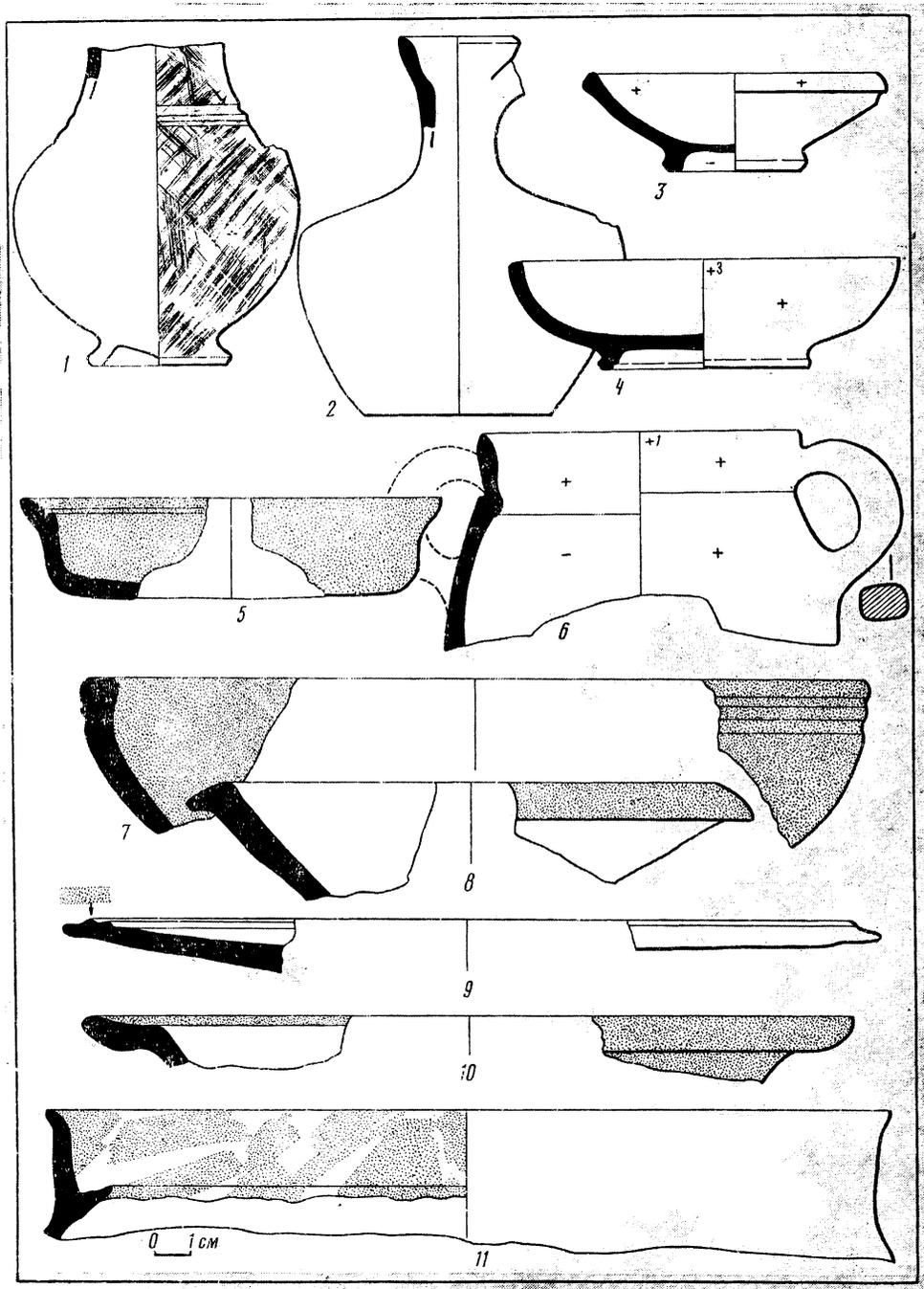

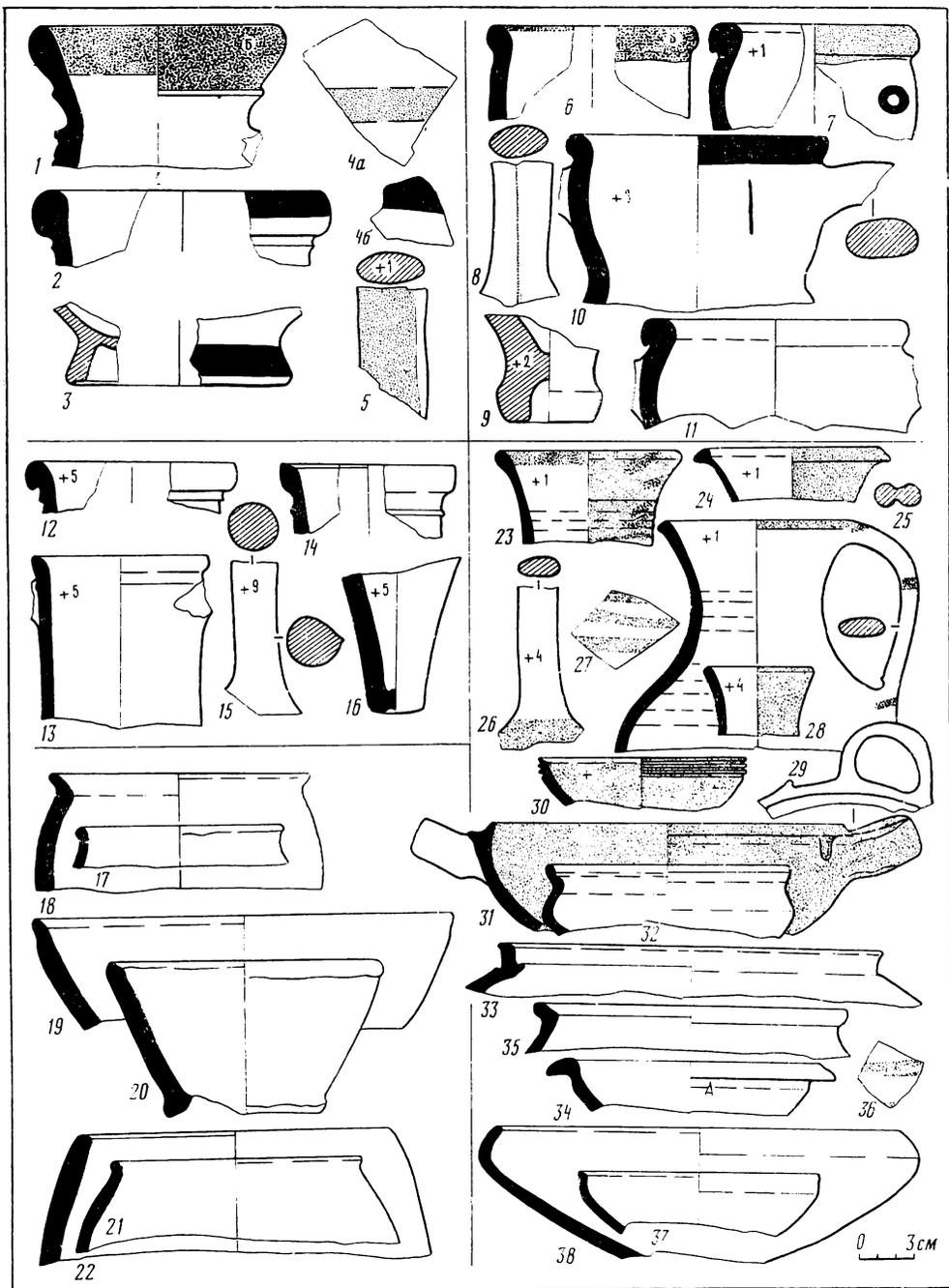

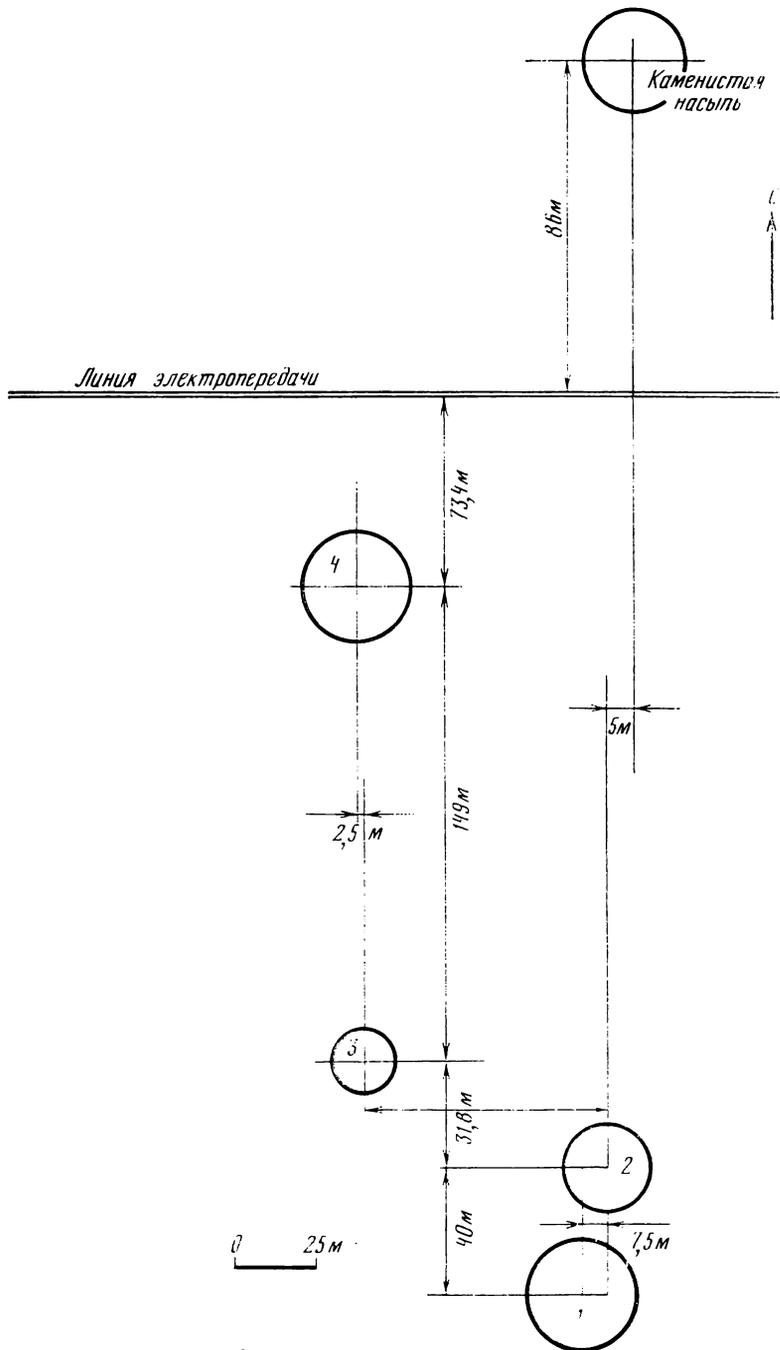
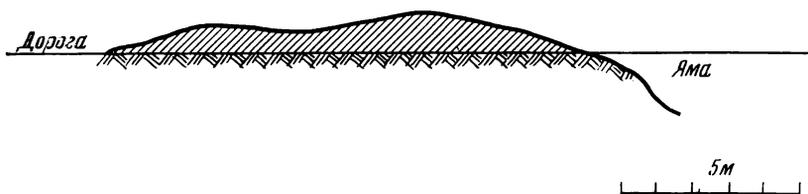
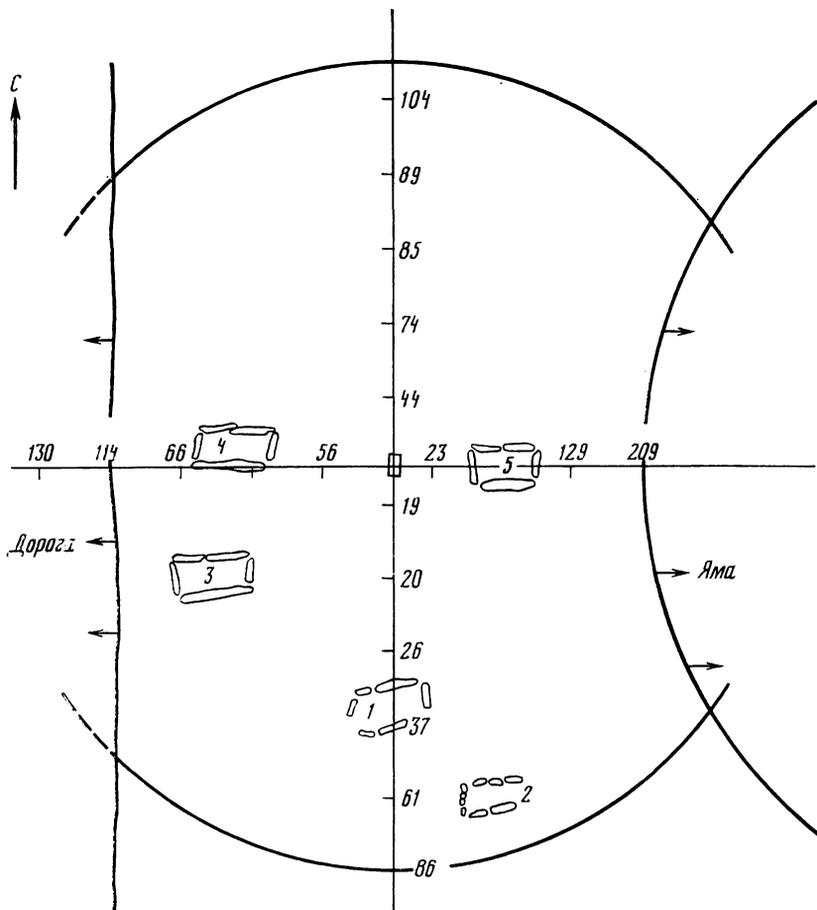
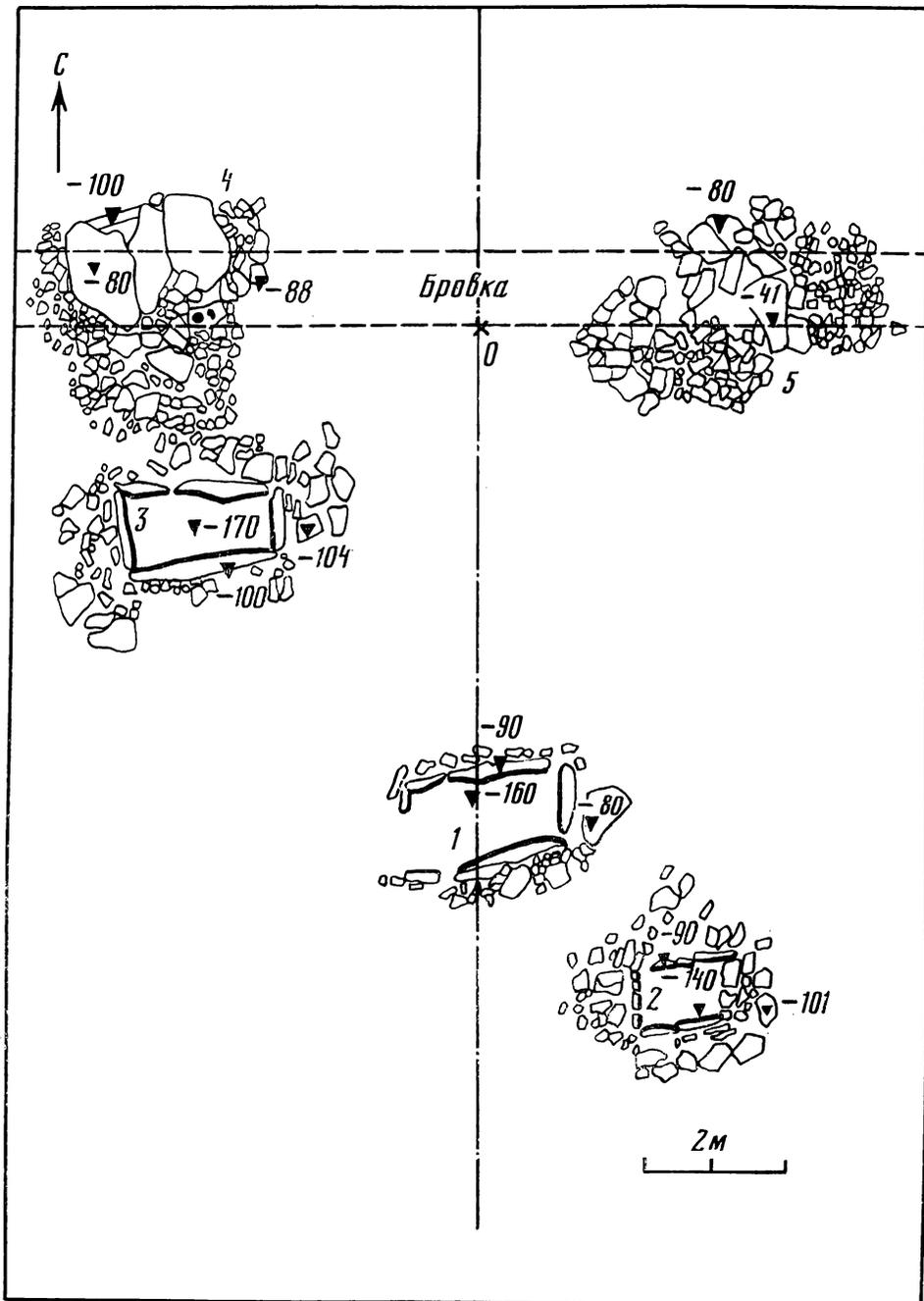
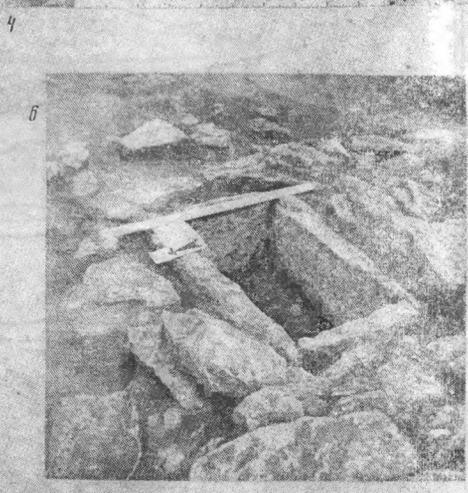
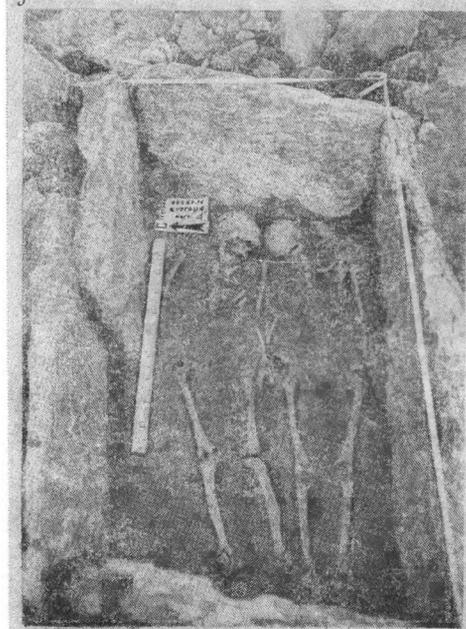
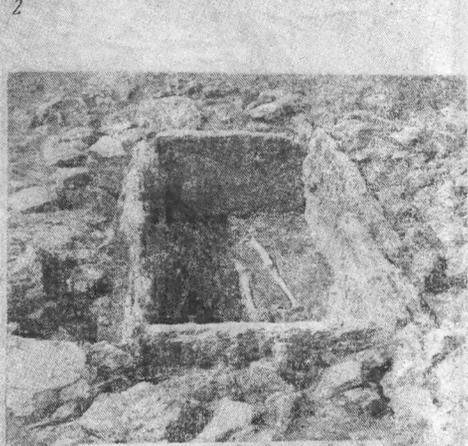
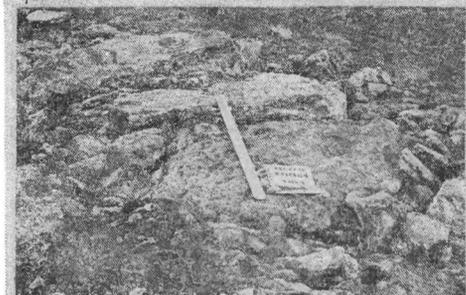
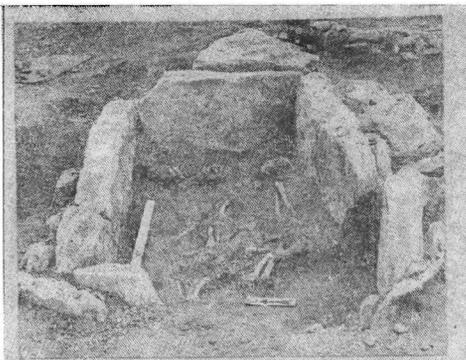
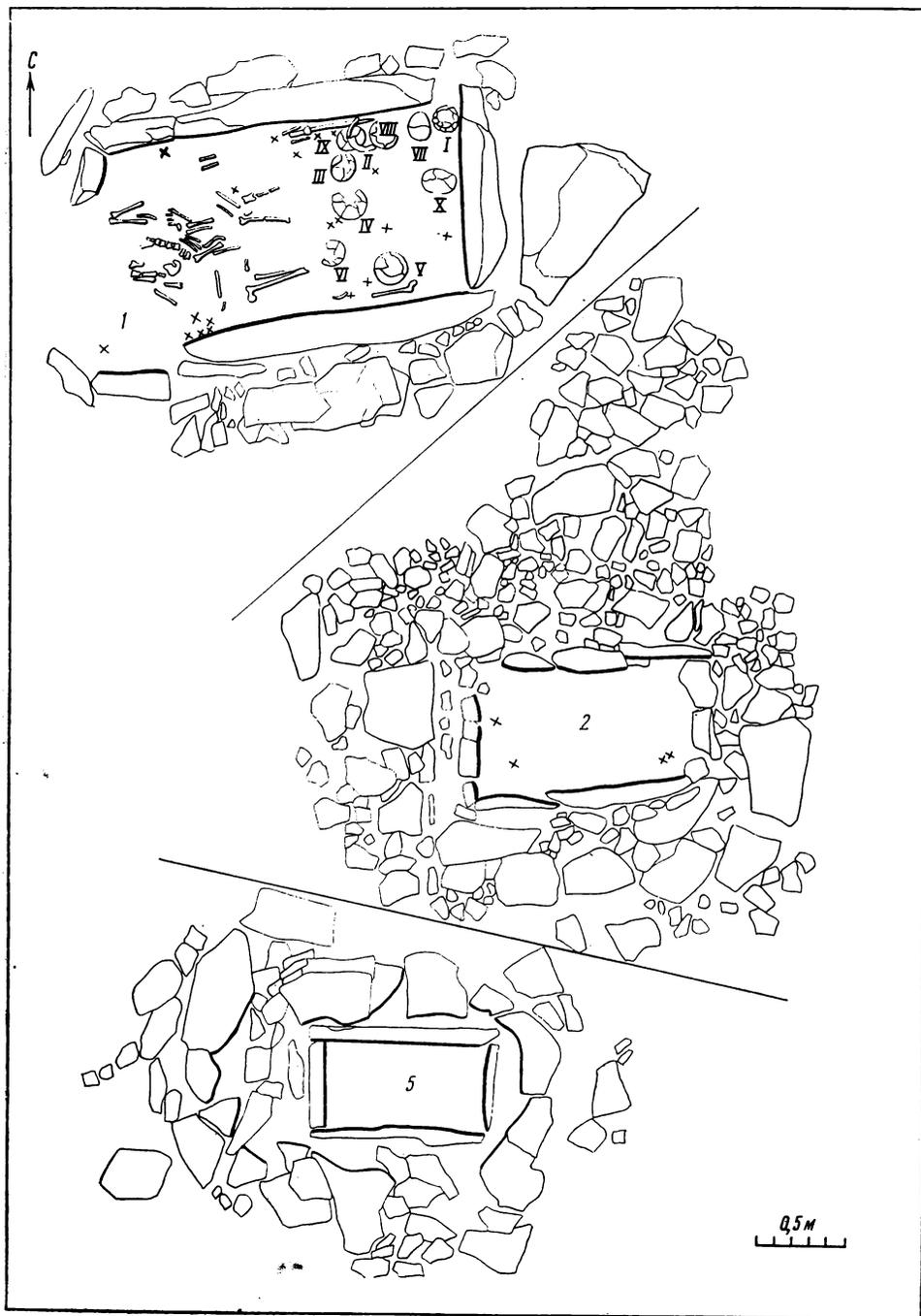

ТАБЛИЦА 36

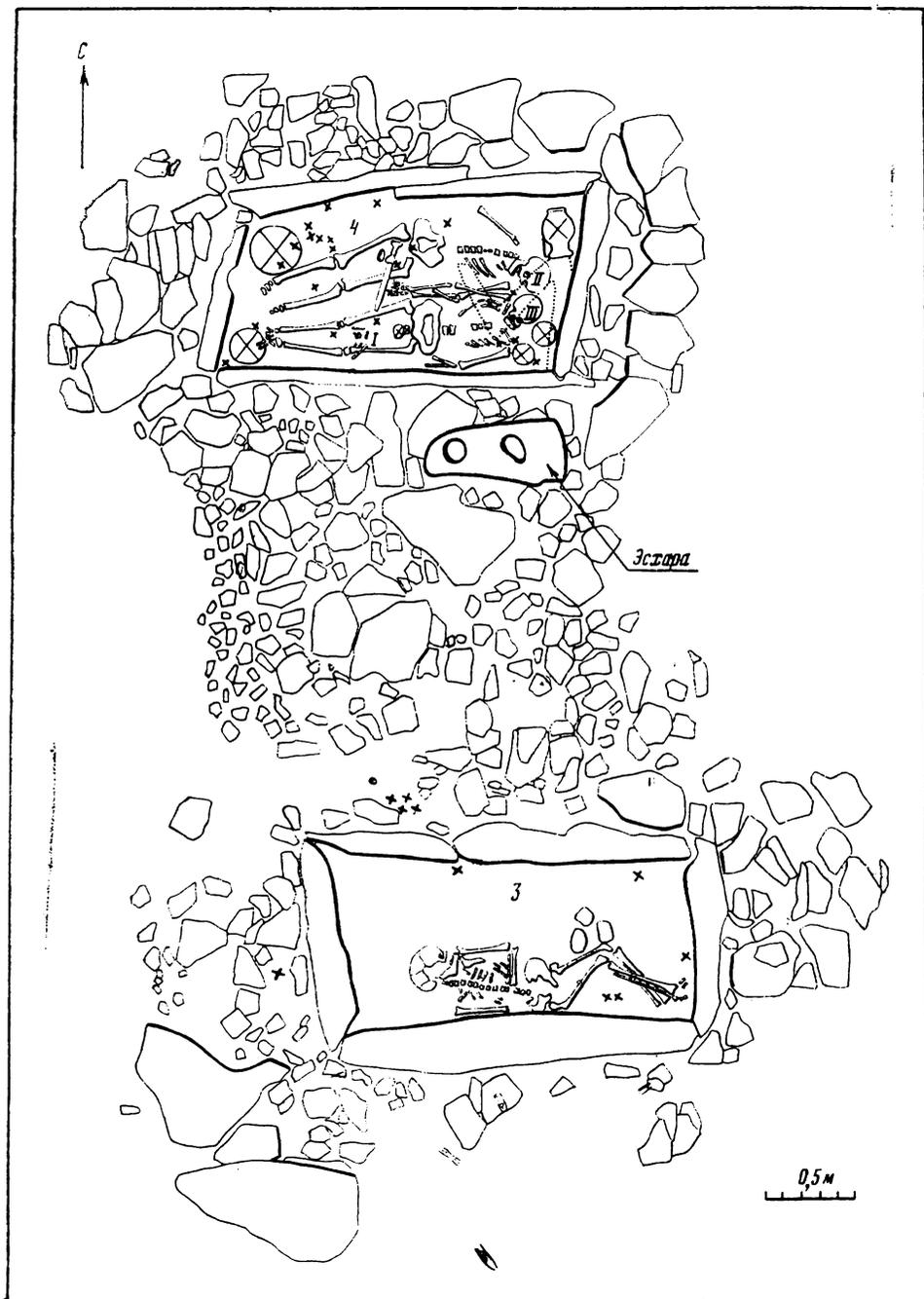

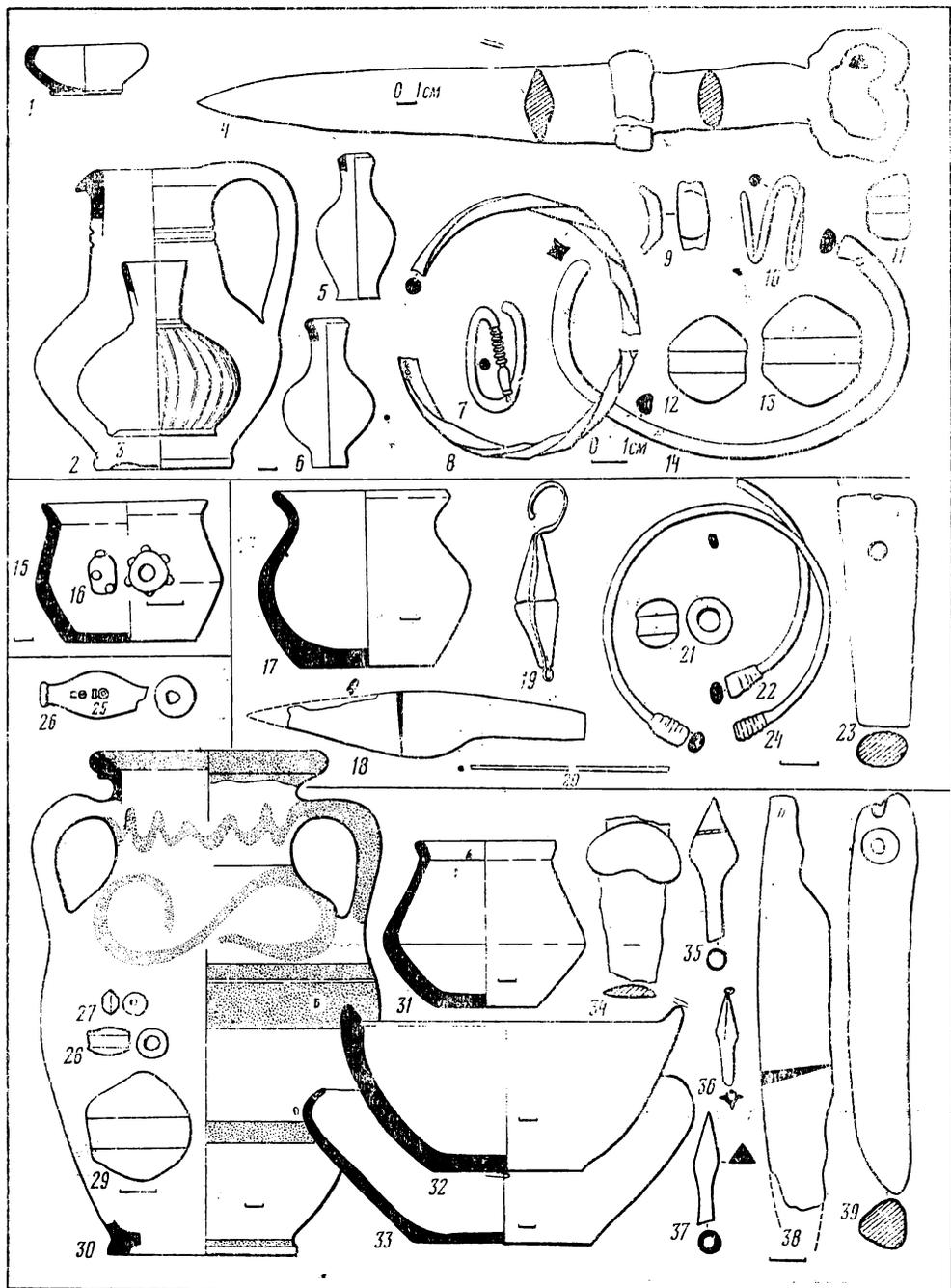

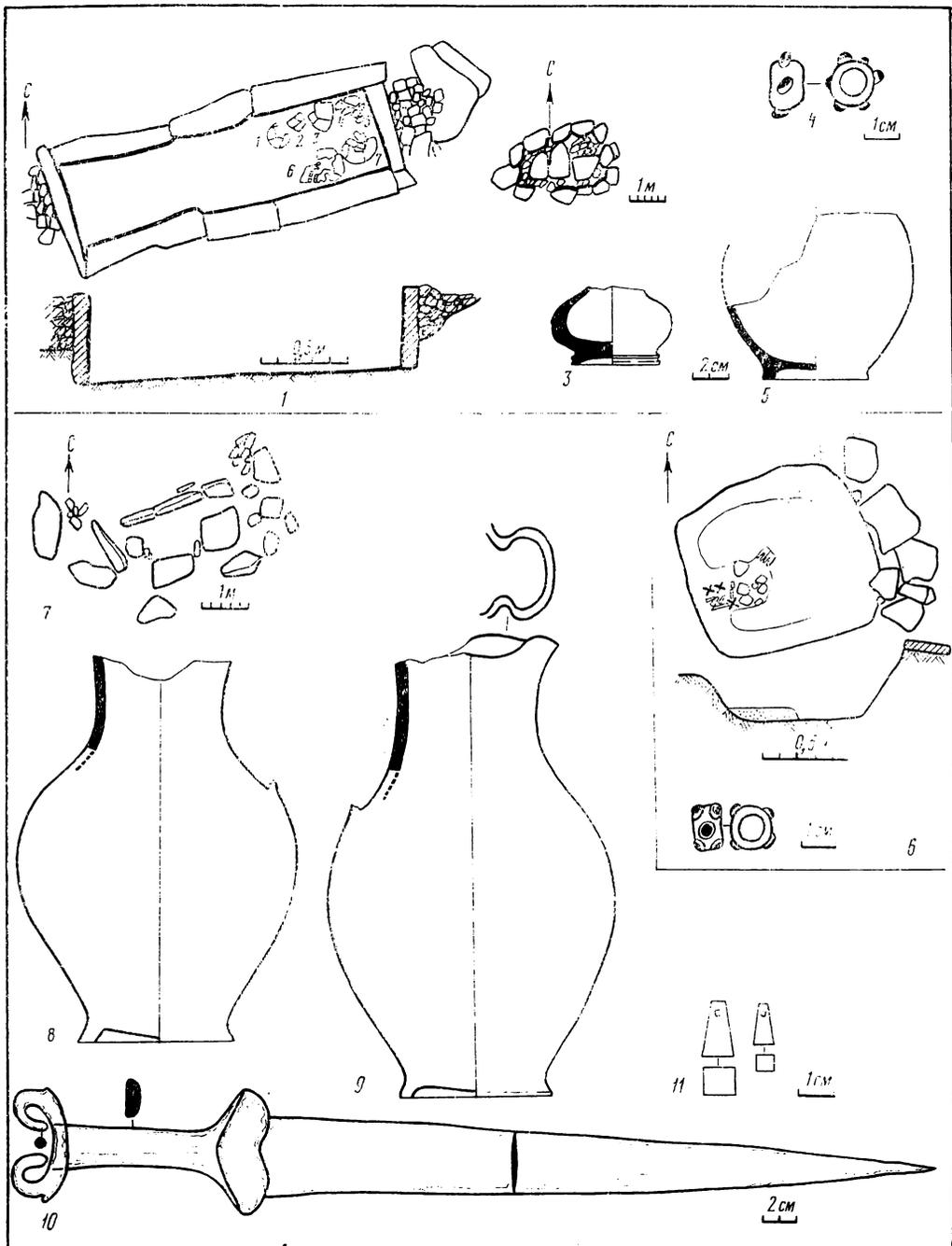

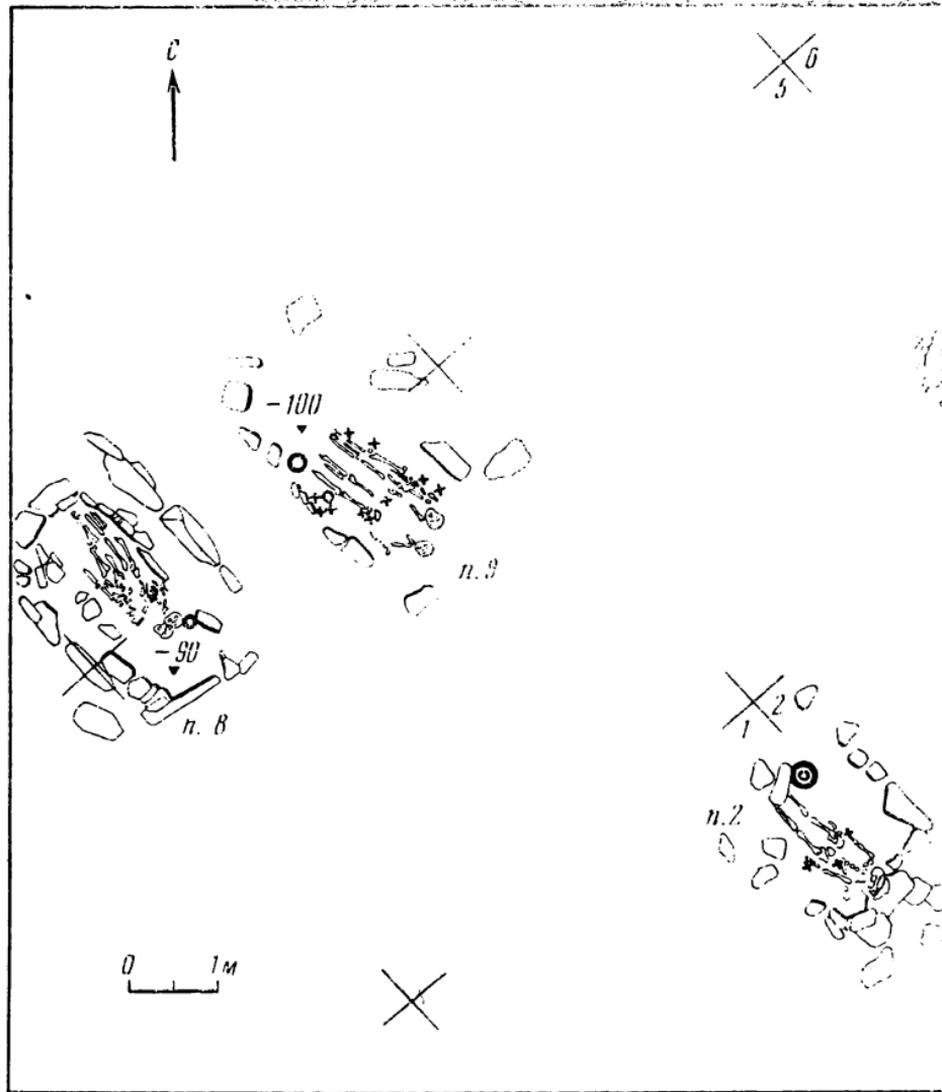

(x - находки, см. текст)

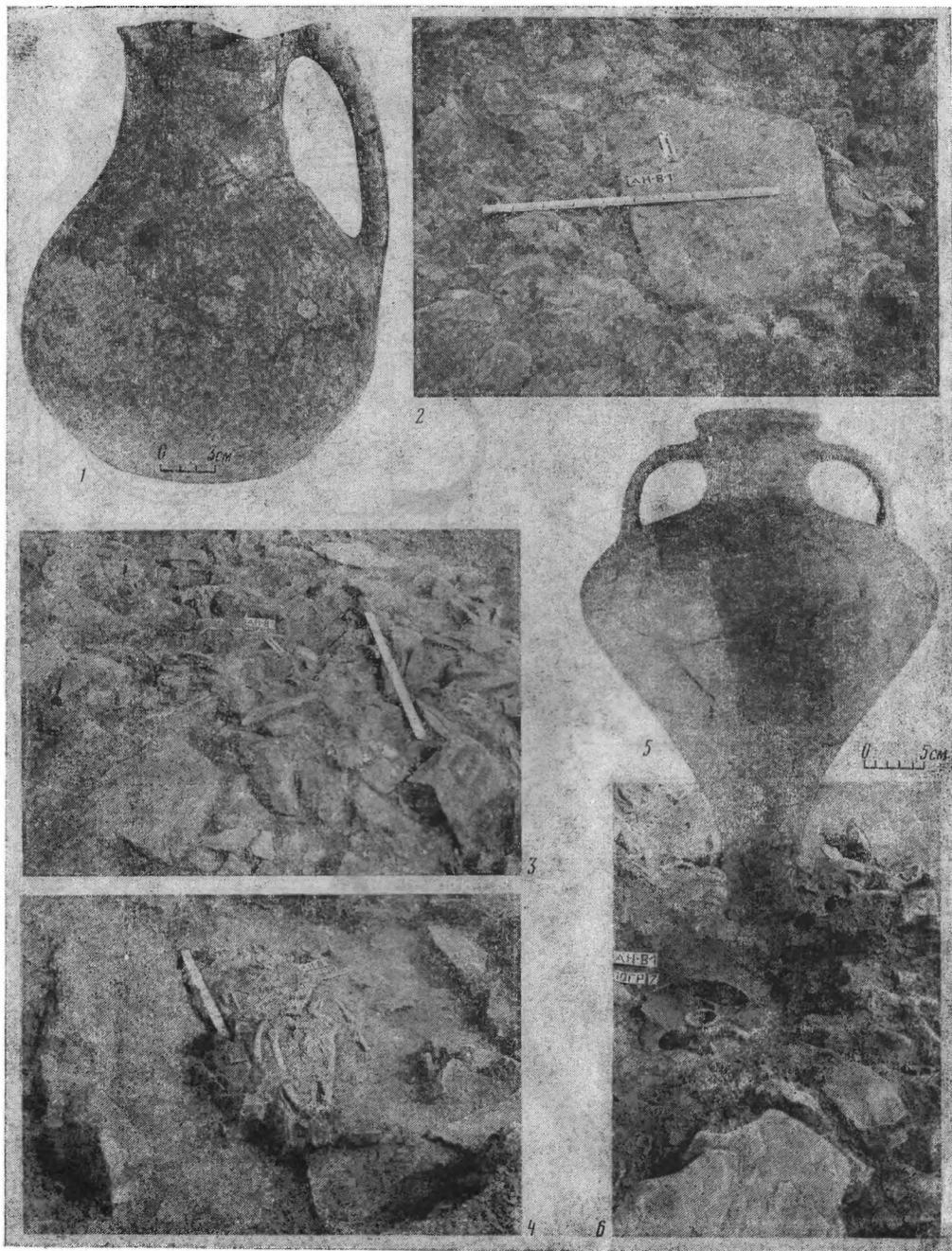

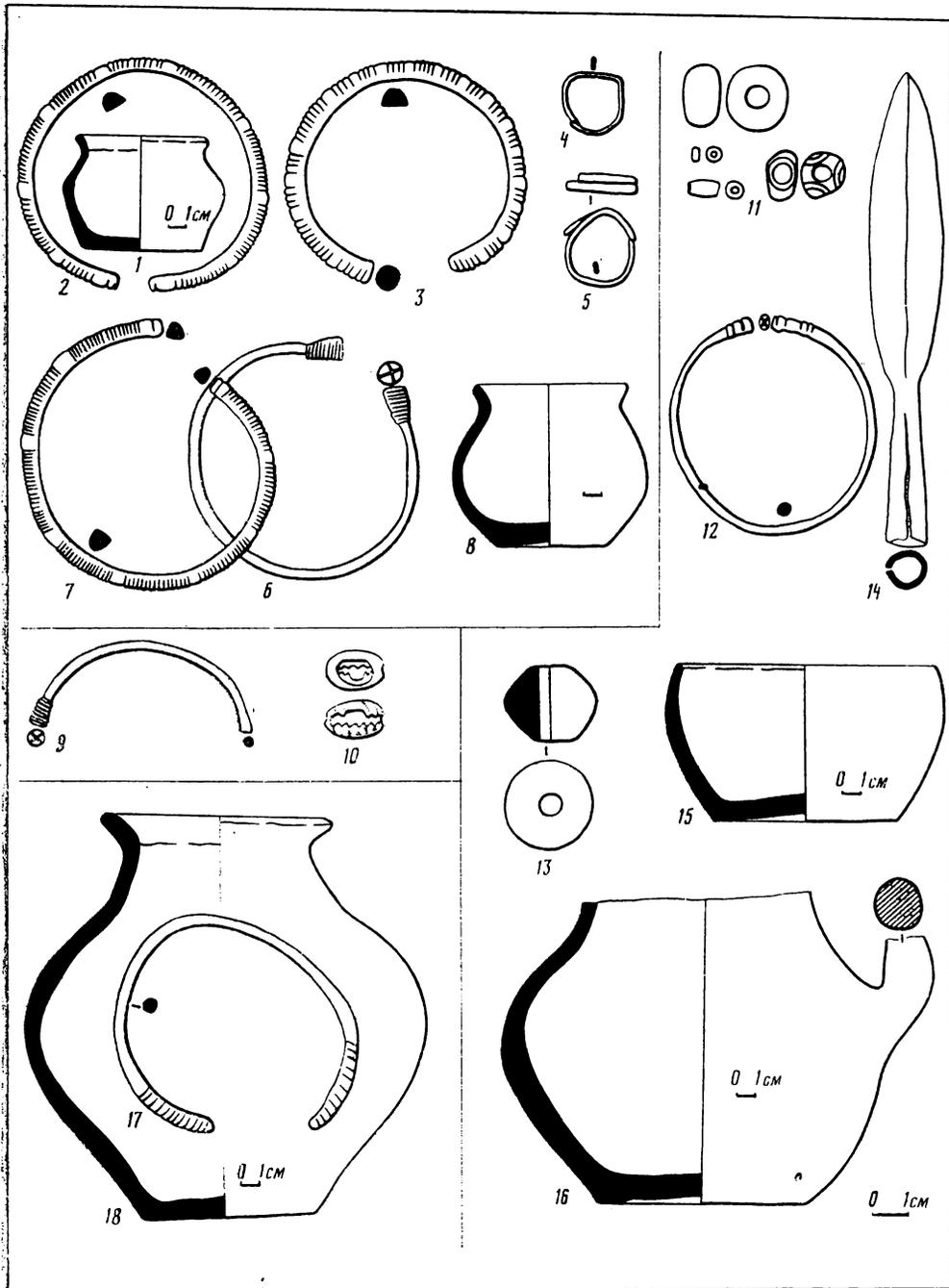

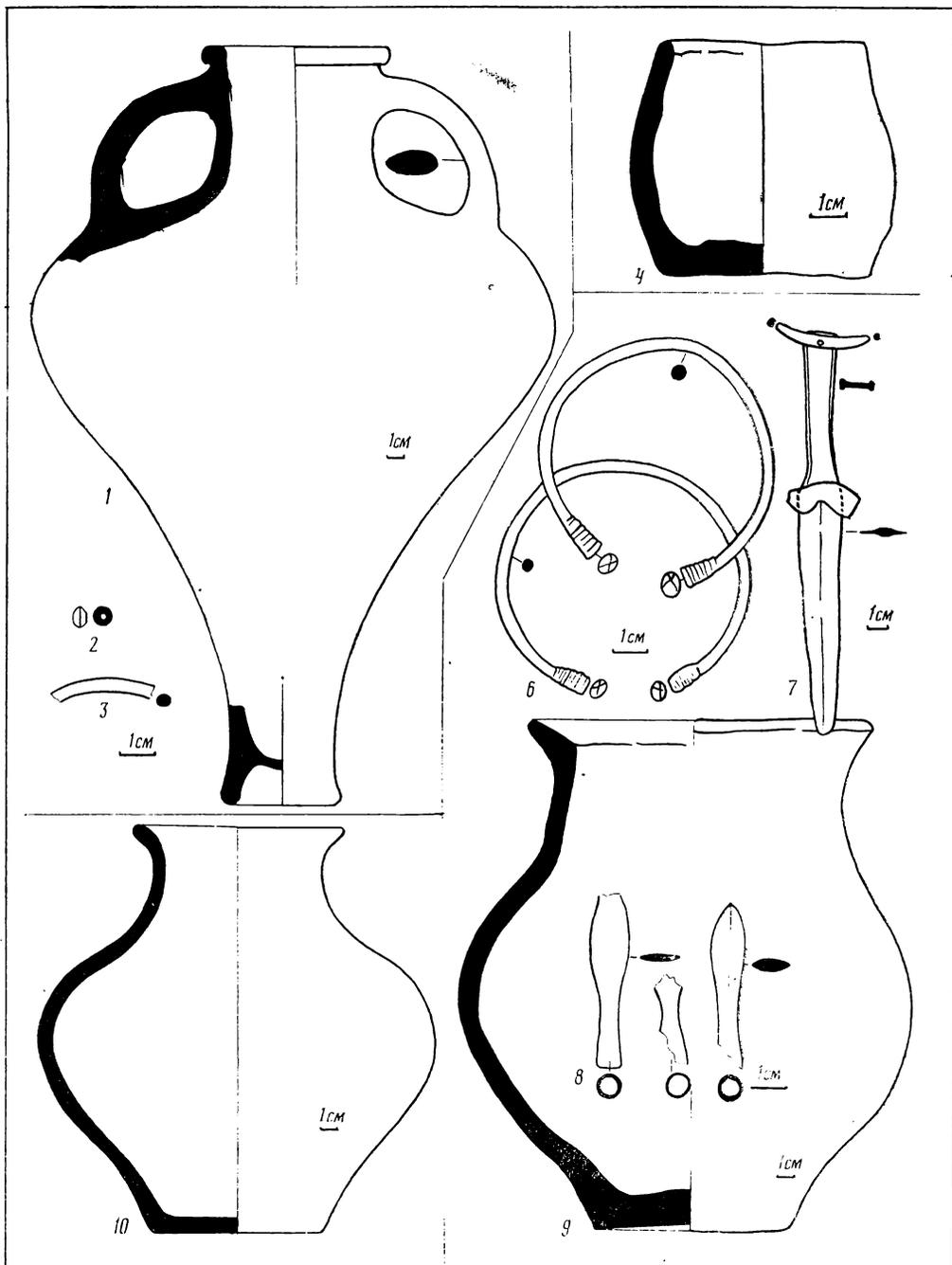
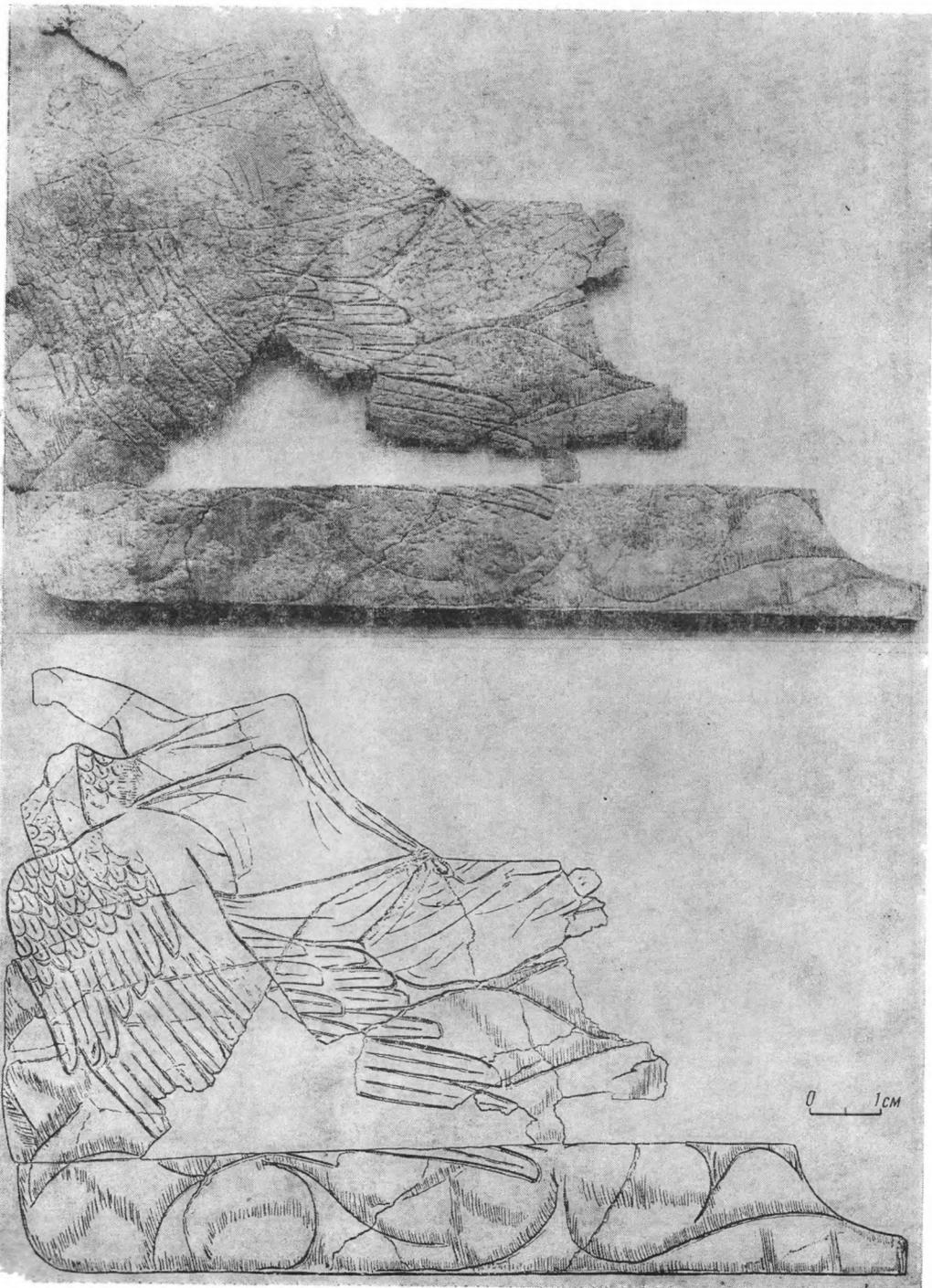
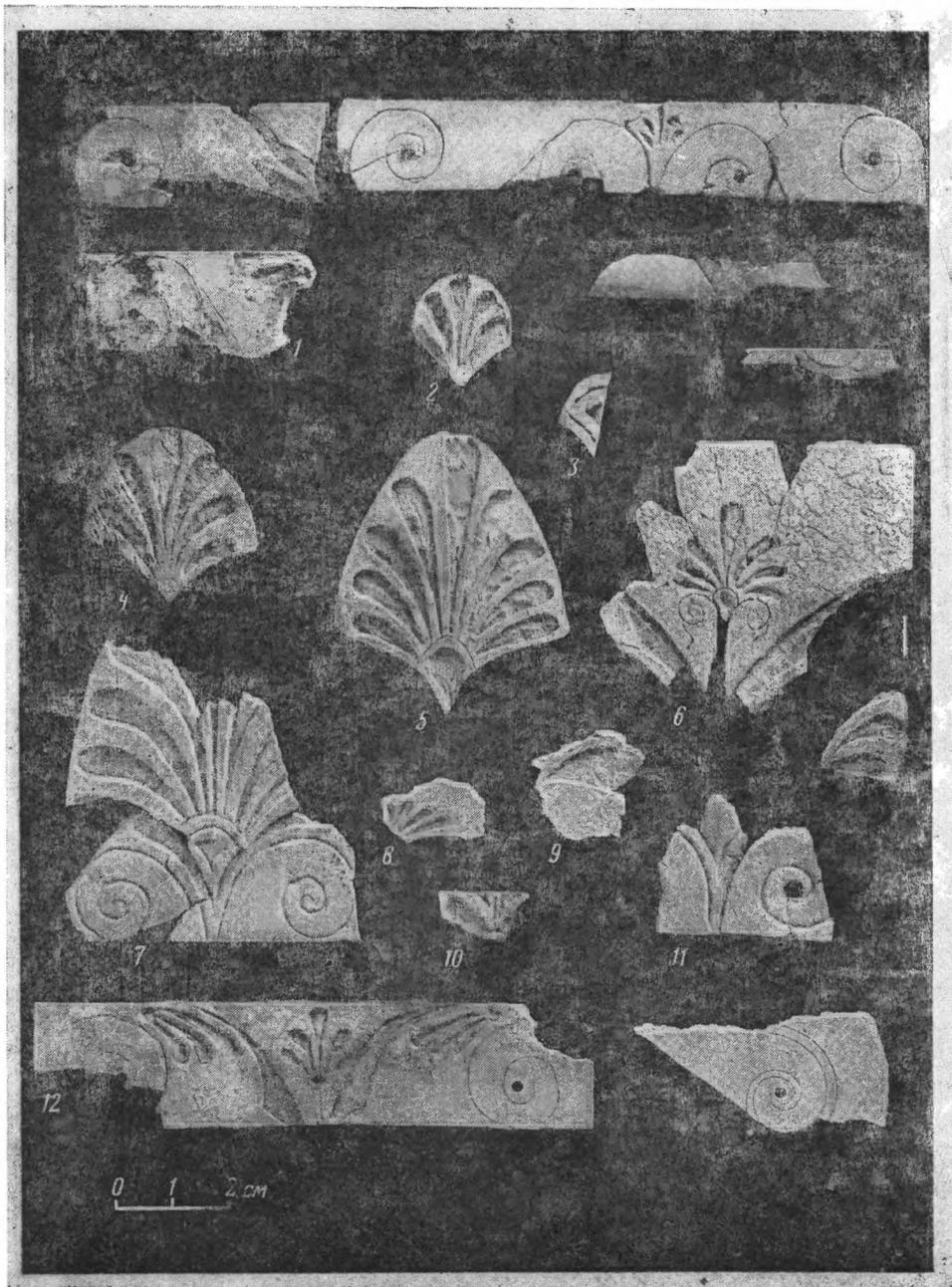

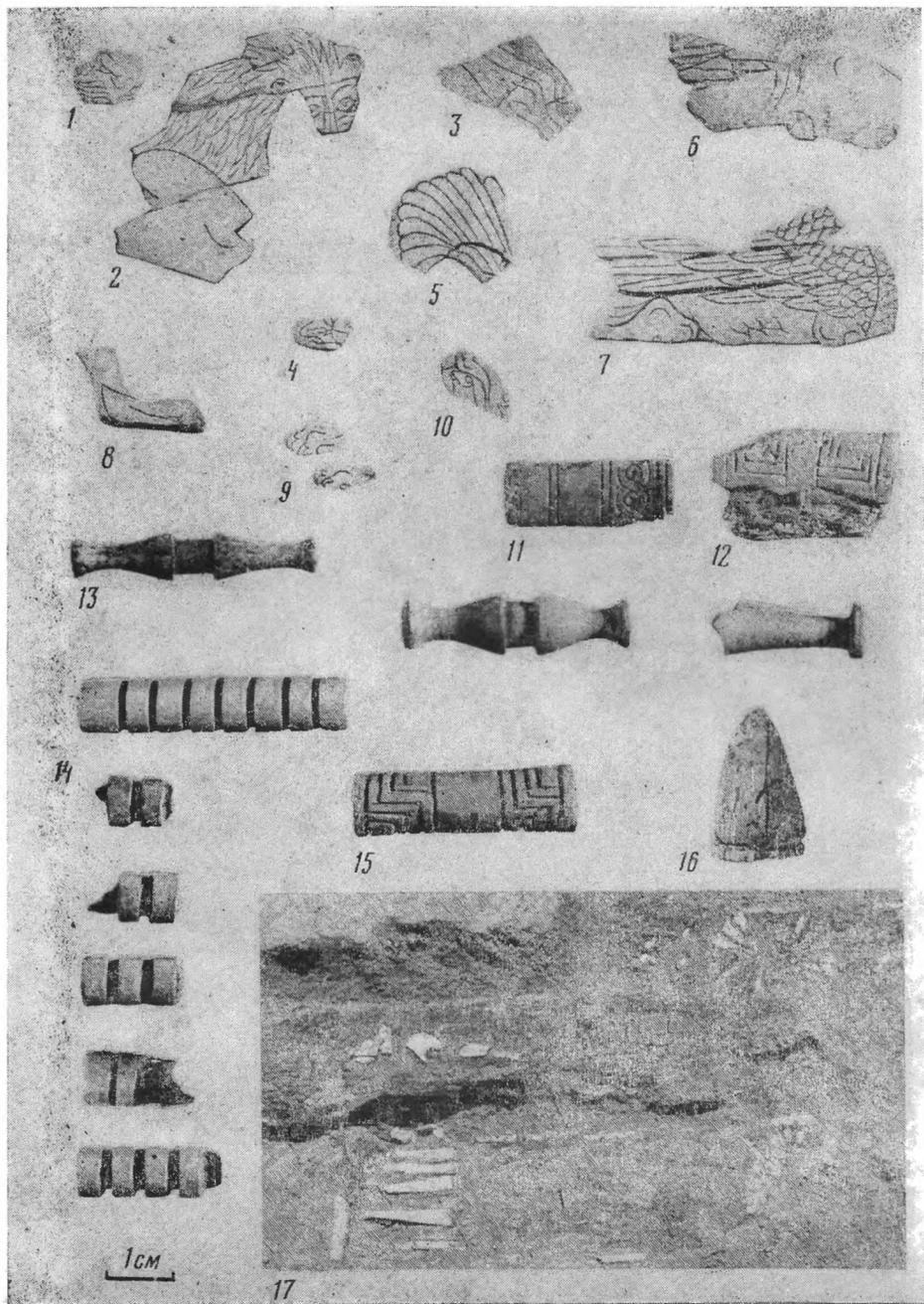

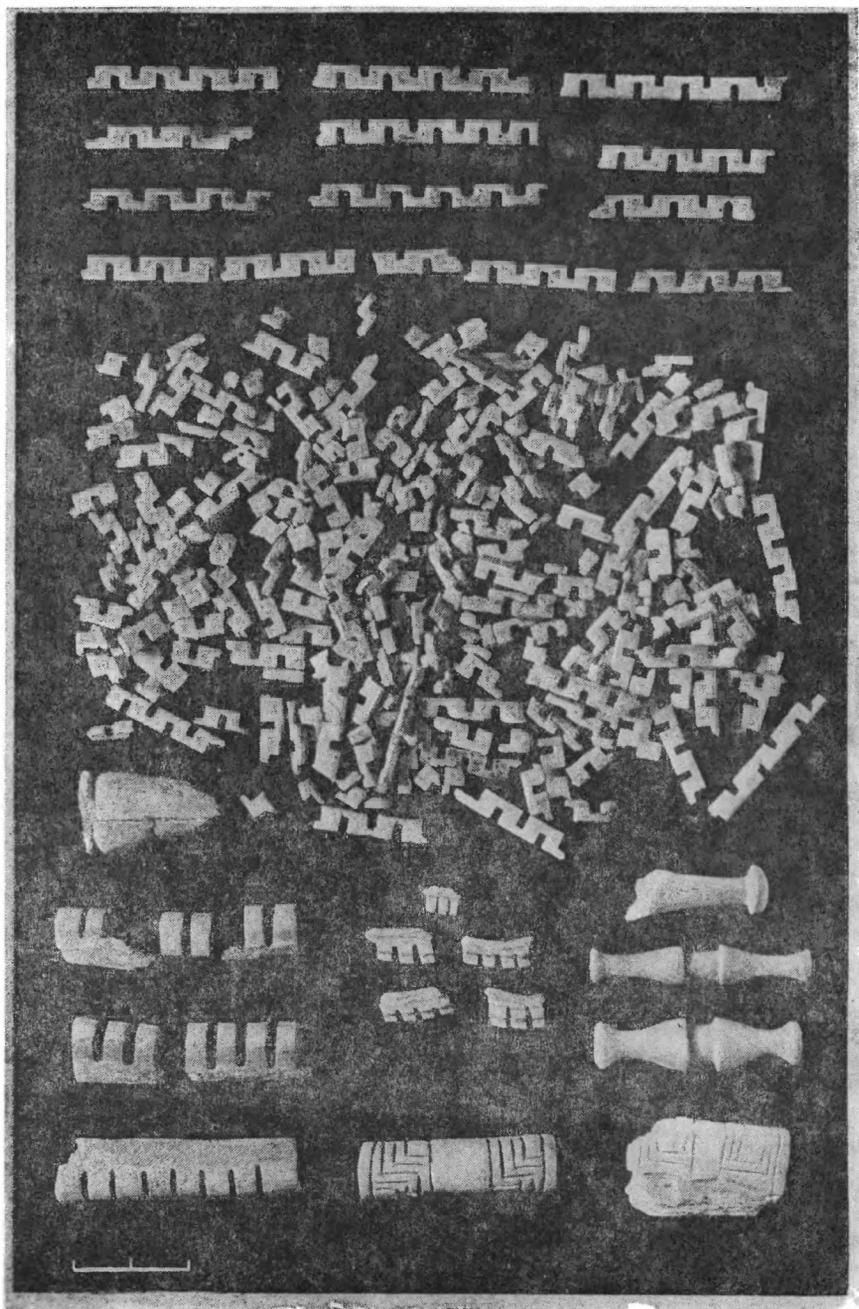
ТАБЛИЦА 51

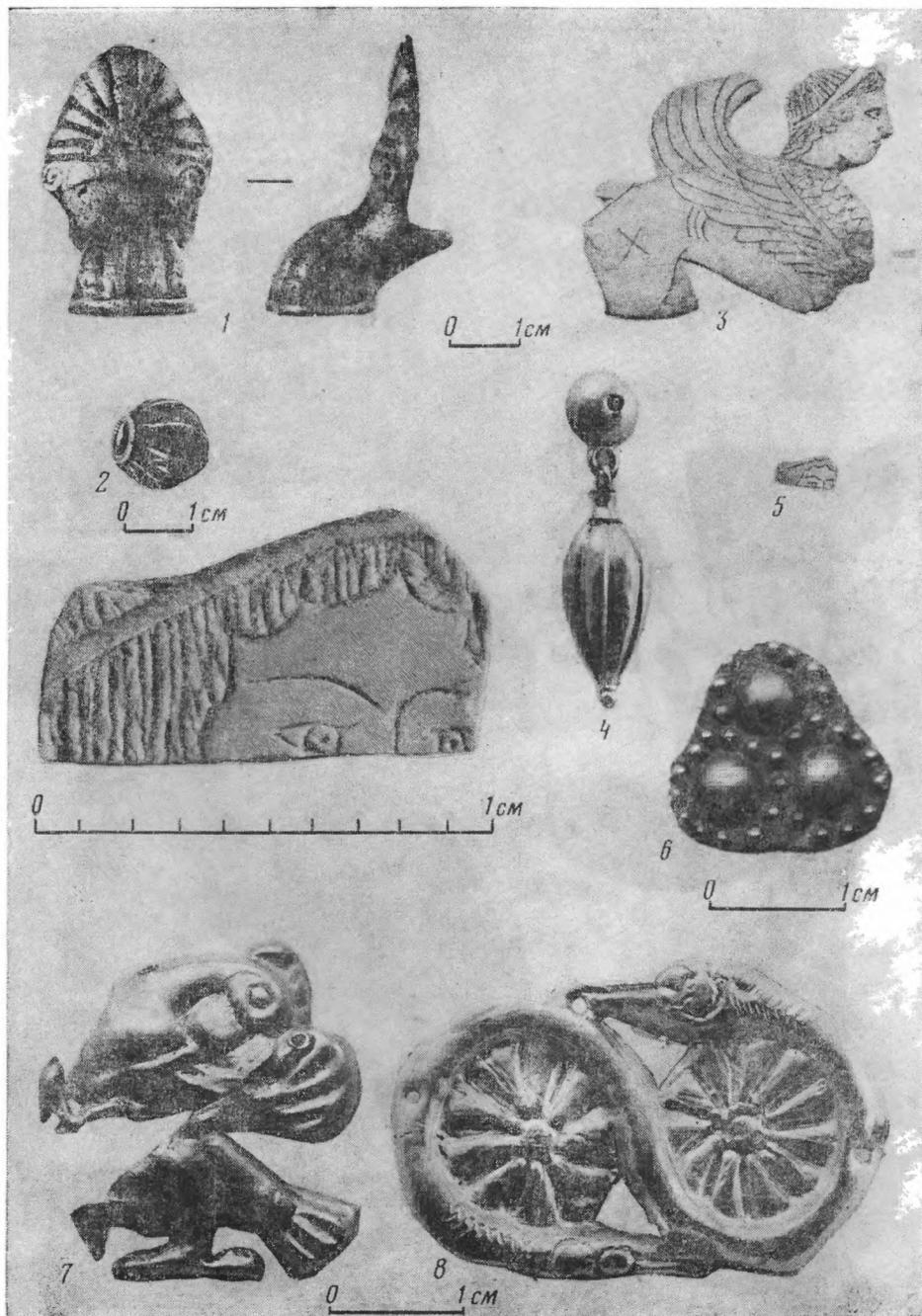
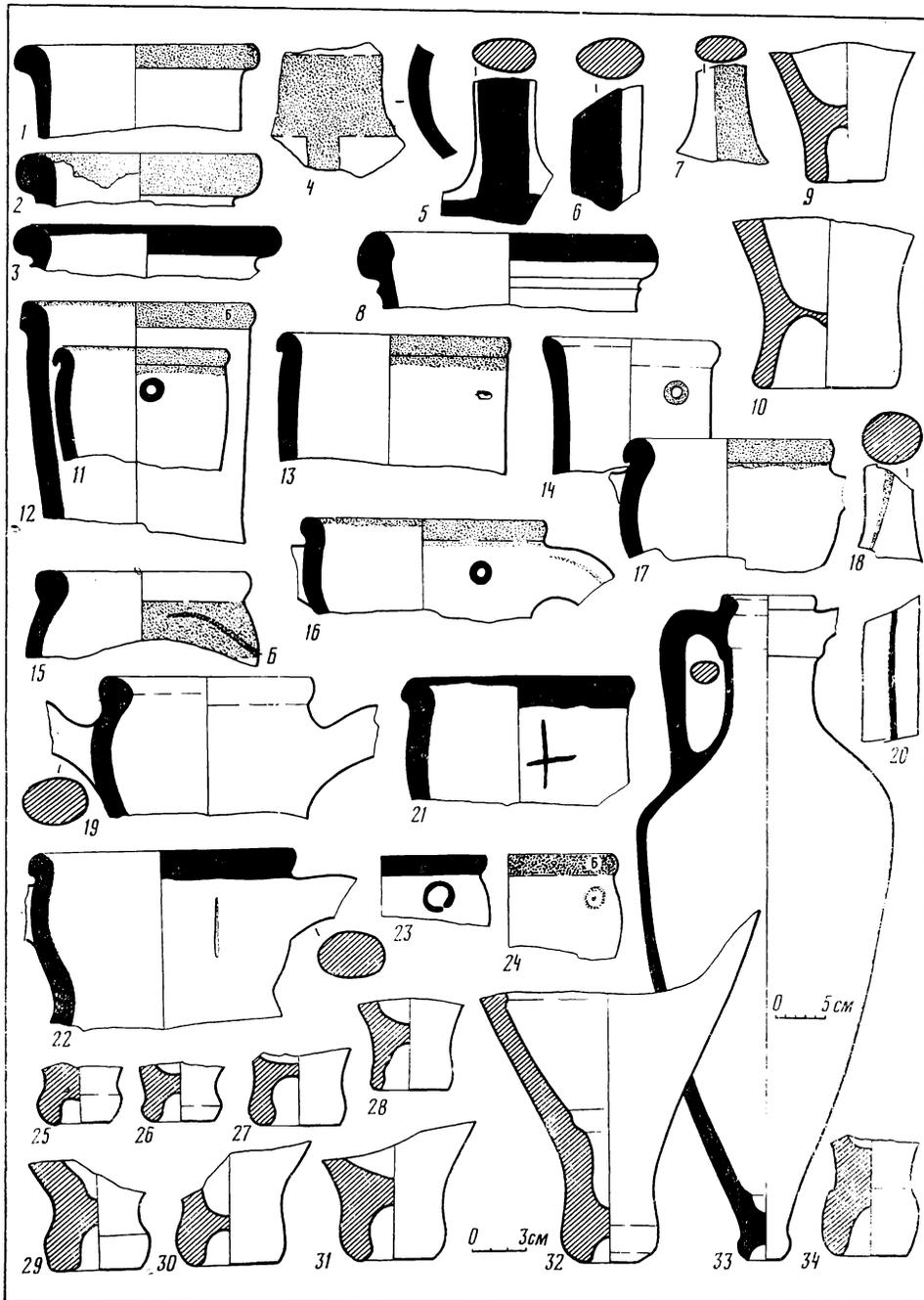
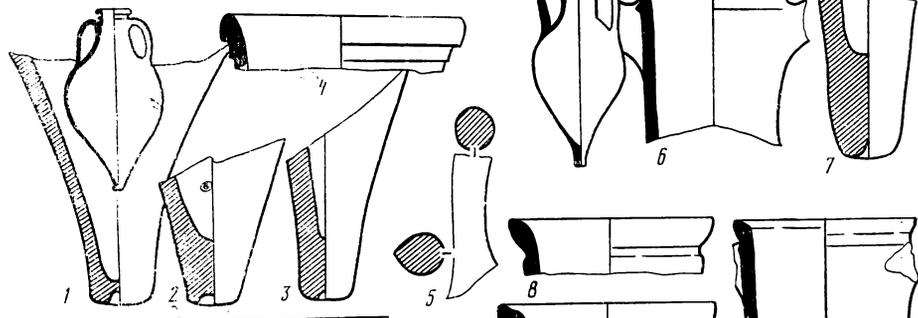

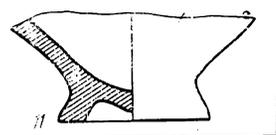
ТАБЛИЦА 58

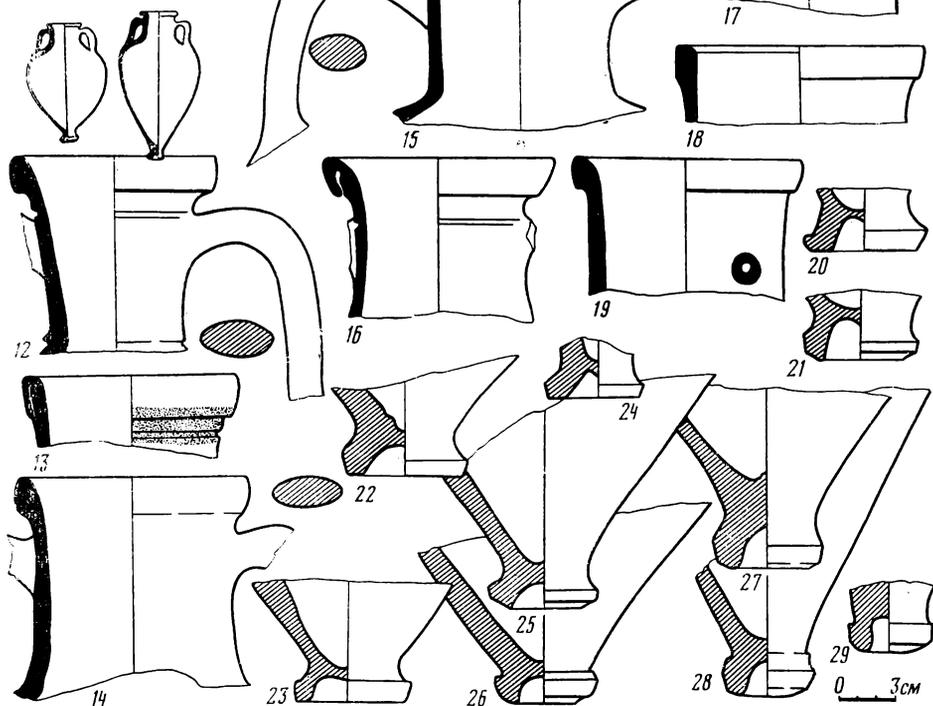
Съ стаканообразными доньями:

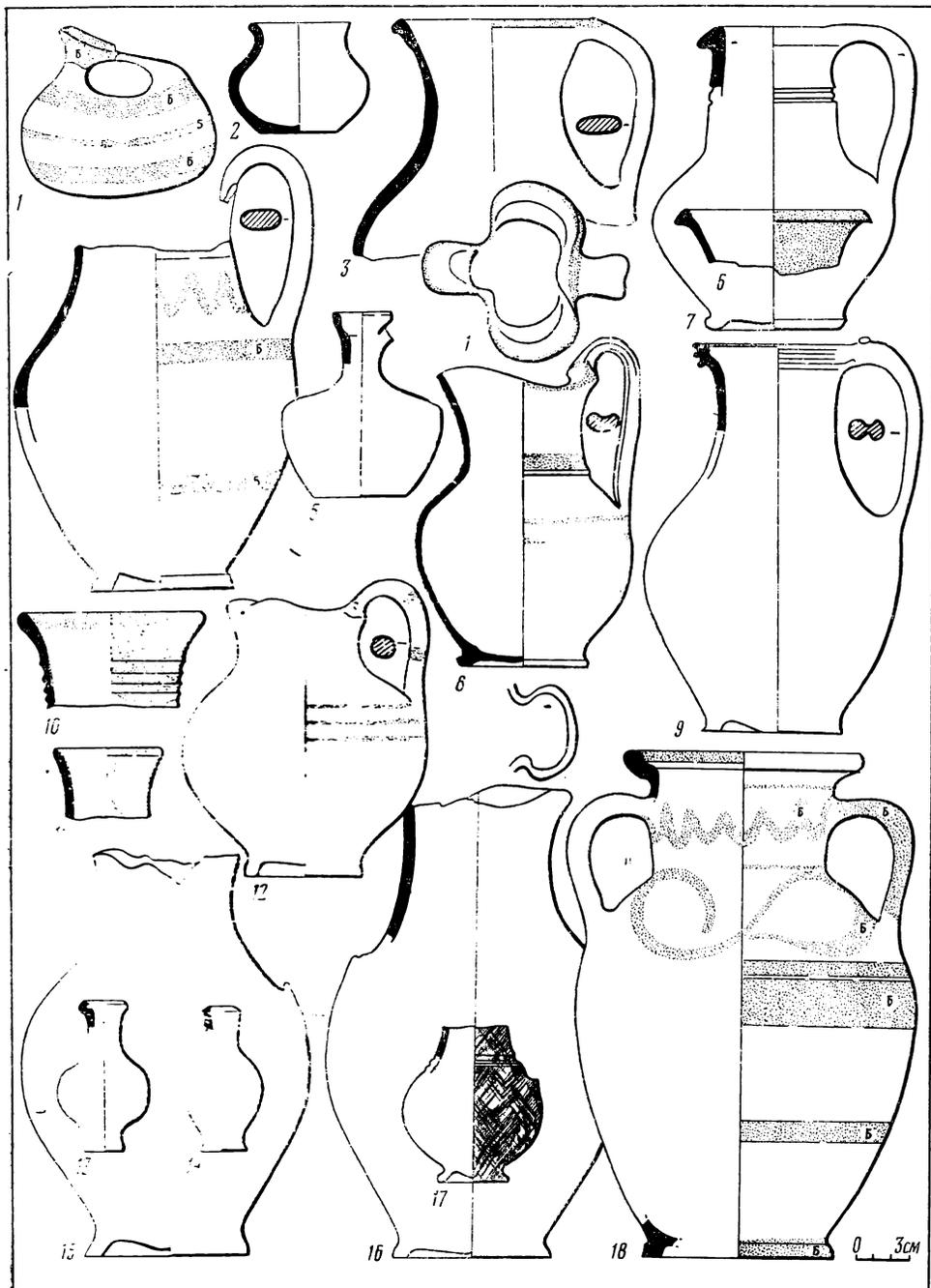

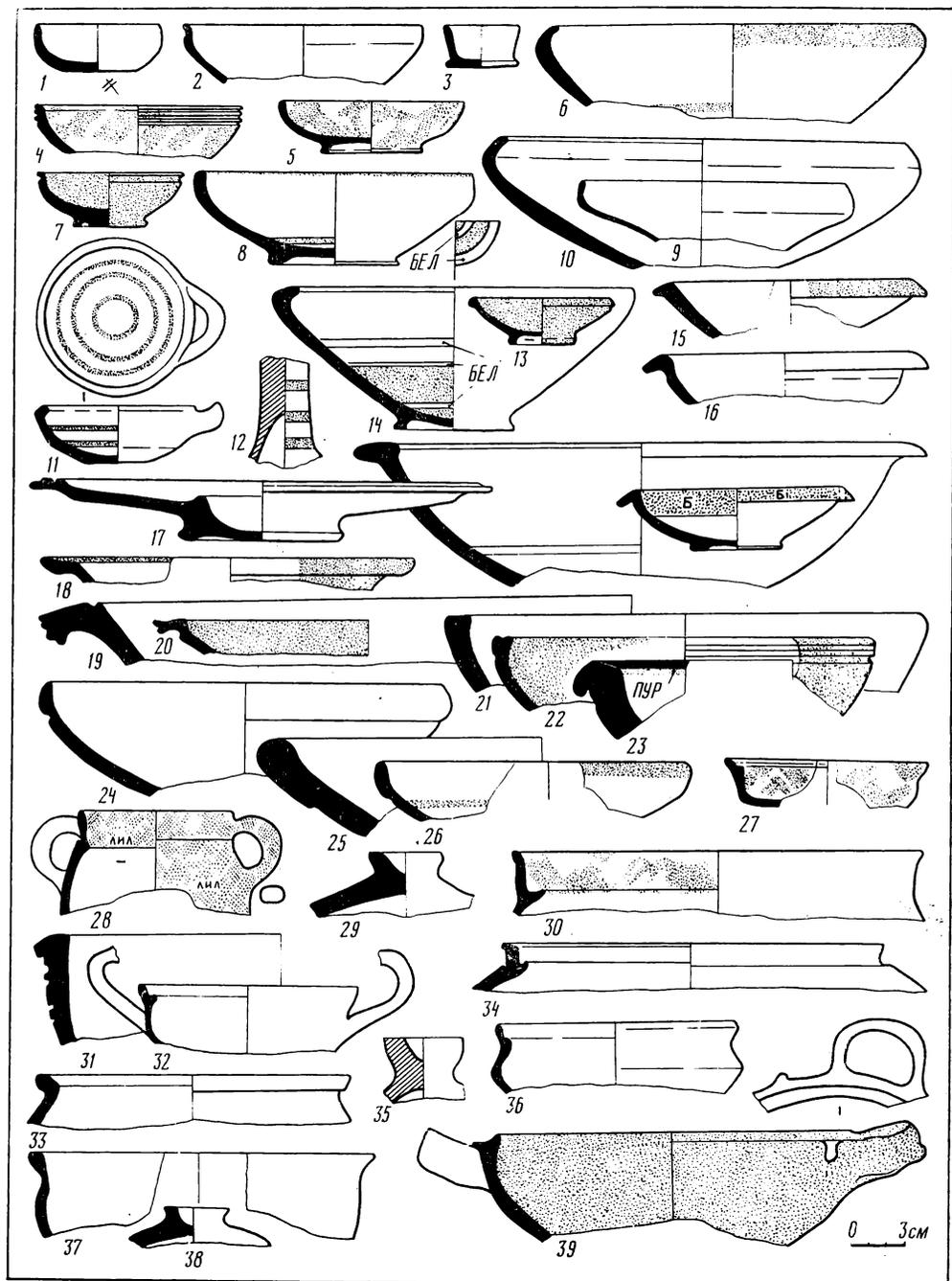
Сложос:

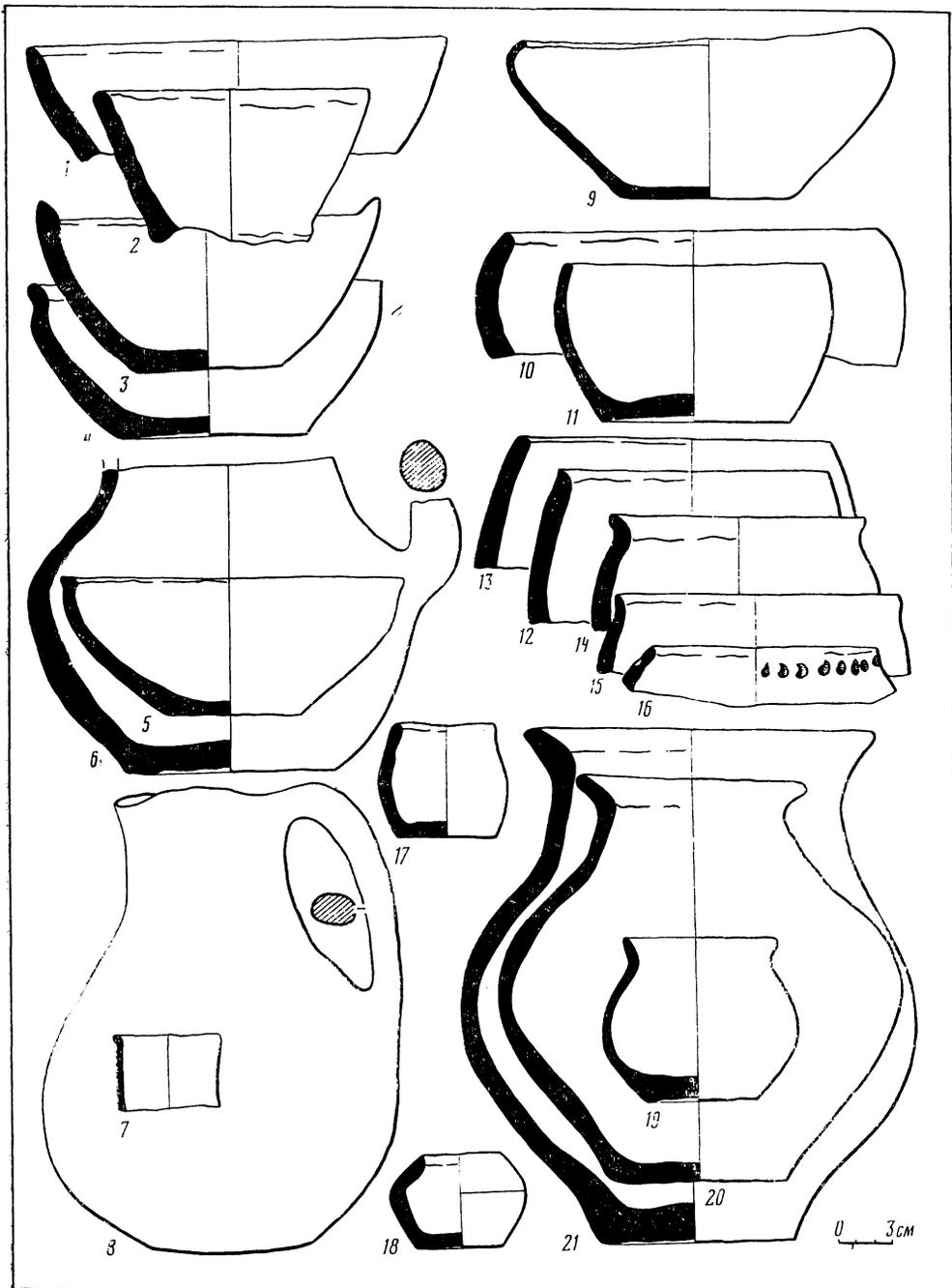

„Притворасос“

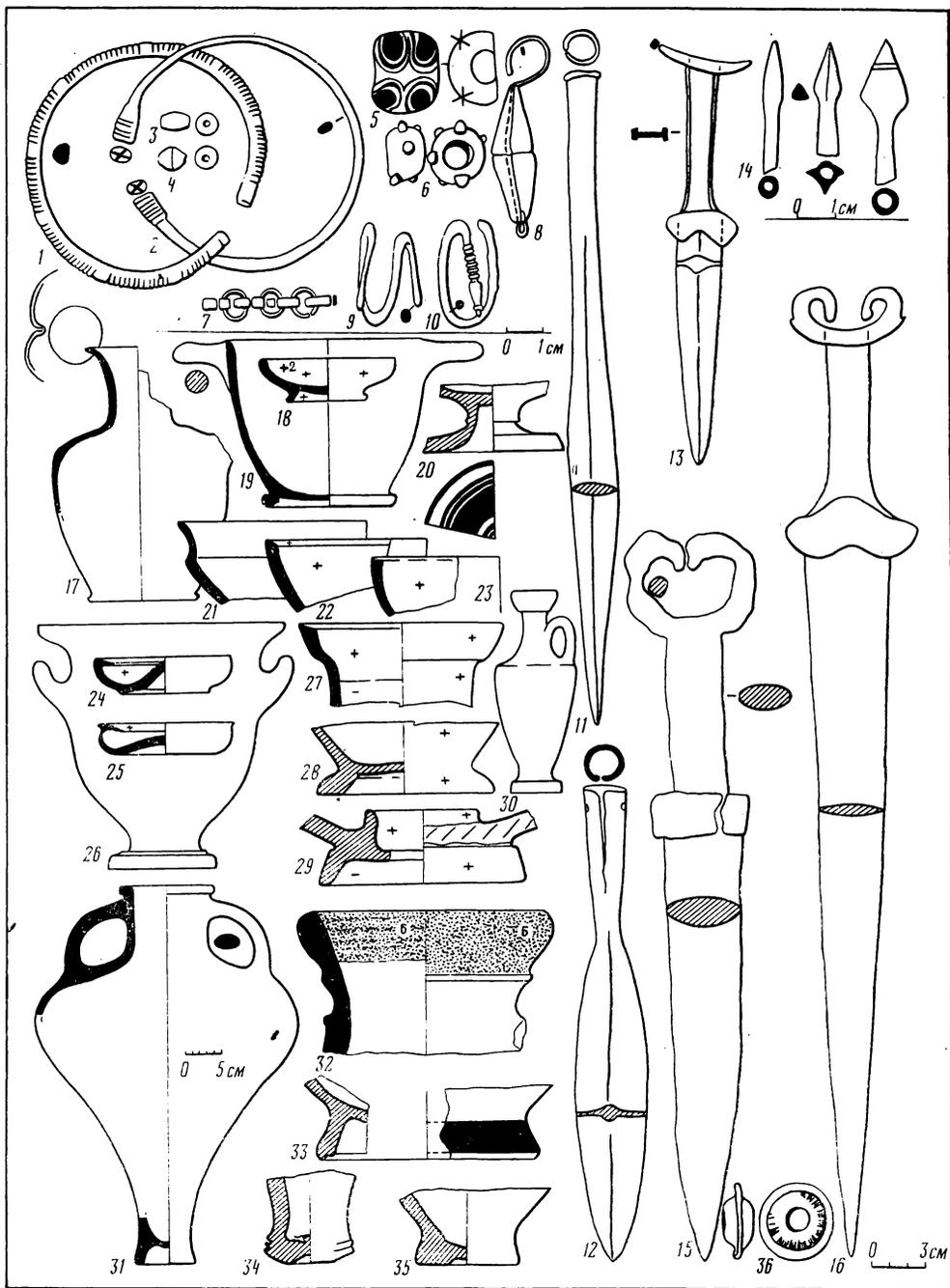
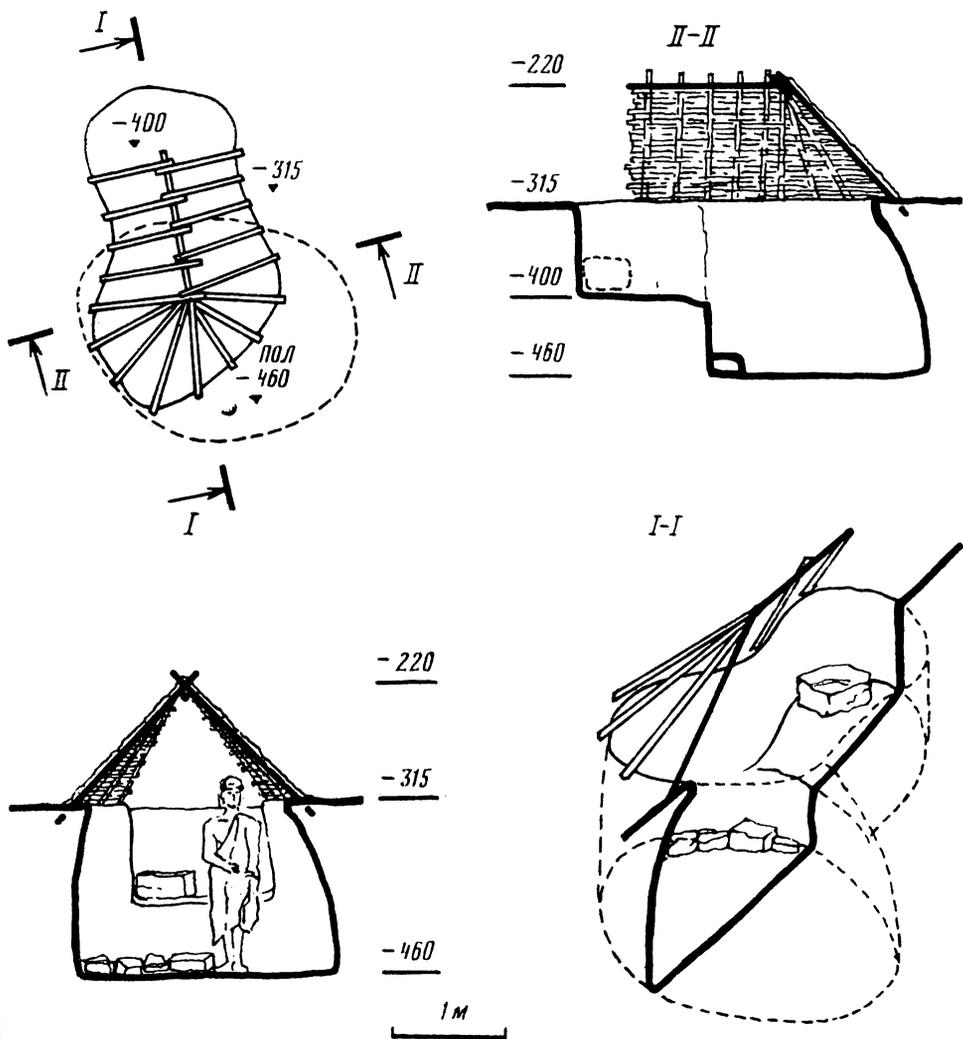
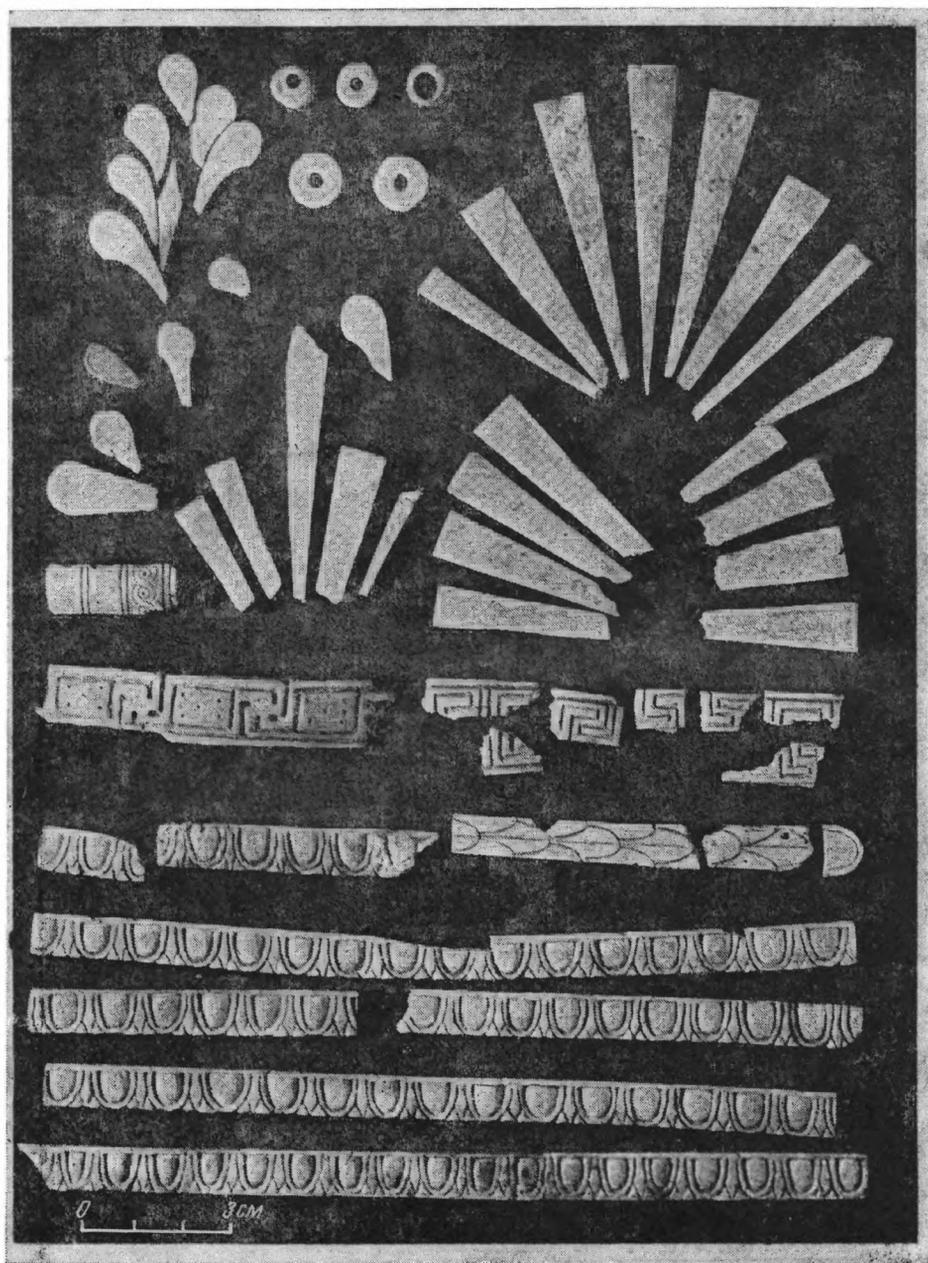

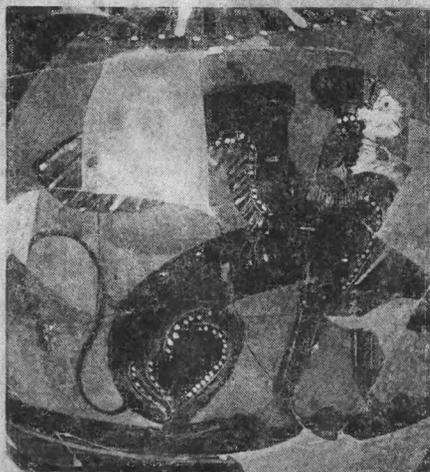
ТАБЛИЦА 64

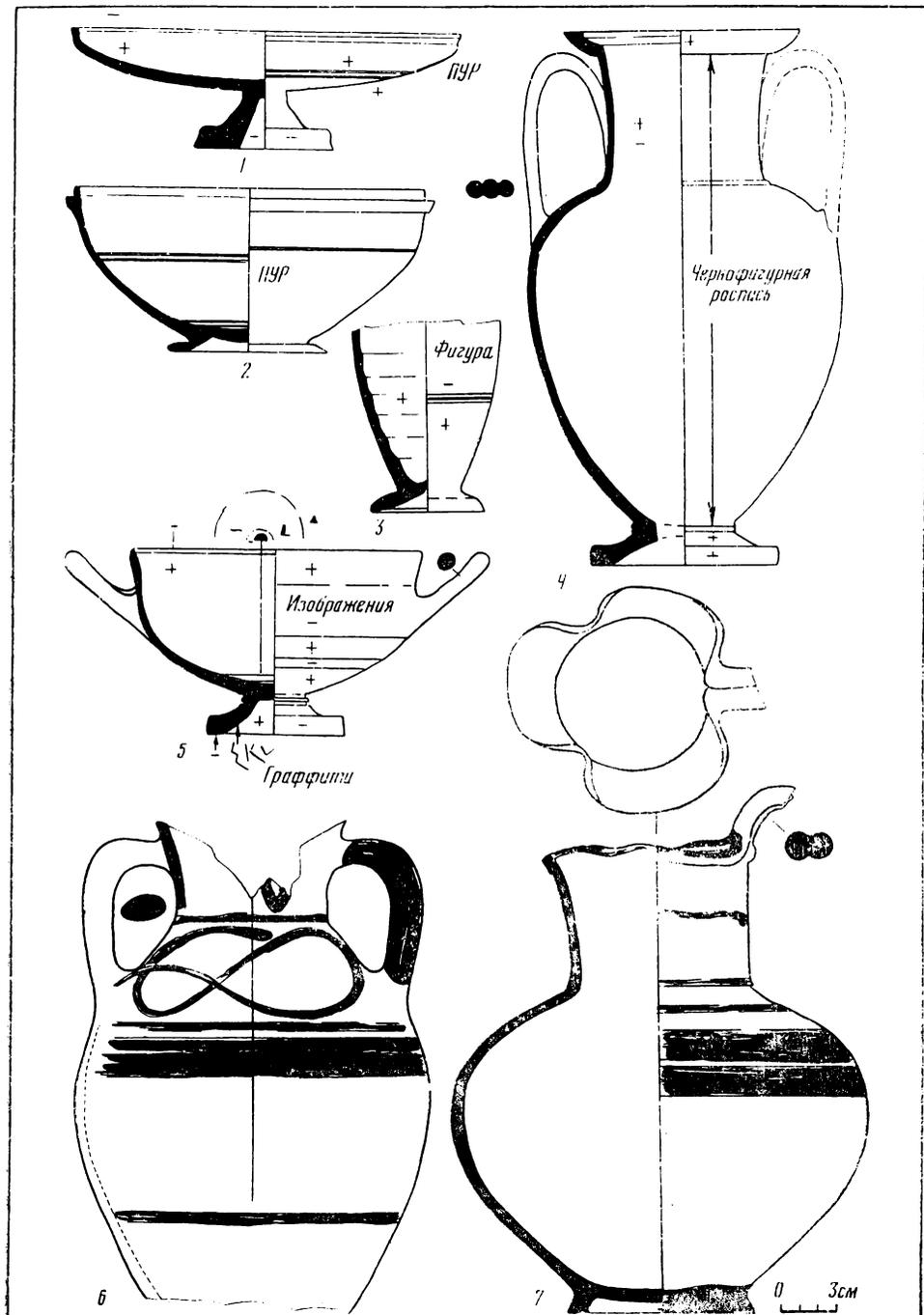

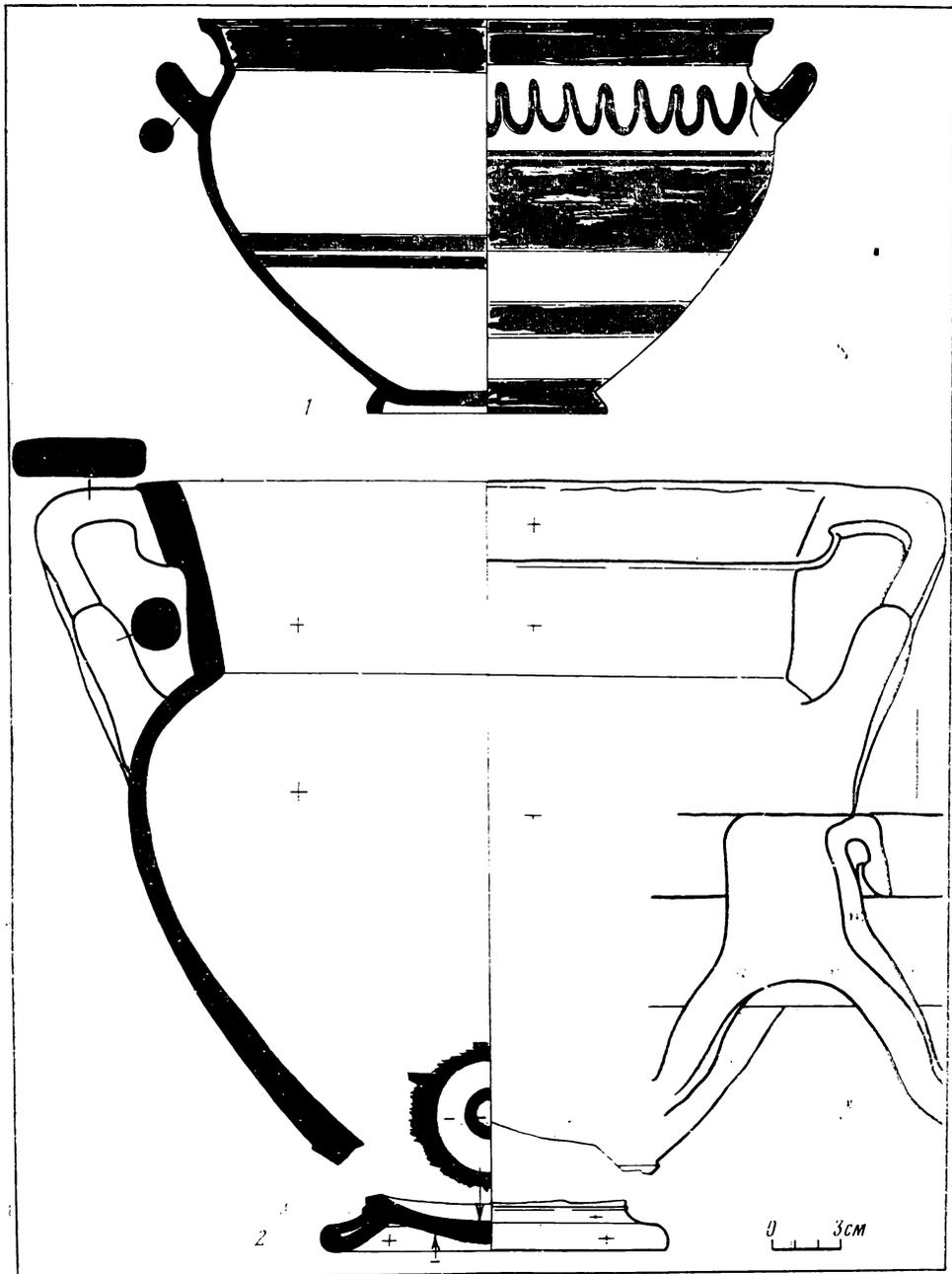

3

4

ОГЛАВЛЕНИЕ

СИНДИК ИЛИ СИНДСКАЯ ГАВАНЬ	3
РАННИЙ ПОЛИС НА МЕСТЕ АНАПЫ	7
МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ АНАПСКОГО ПОЛИСА	28
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНА	38
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
I. Погребения некрополя Анапского полиса	51
II. Ранние погребения некрополей в районе пос. Воскресенского	56
III. Ранние погребения на некрополях в районе пос. Красный Курган и Красная Скала	60
IV. Некрополь на территории опытного хозяйства «Анапа»	62
Список сокращений	65
Приложение к таблице I	66
Описание таблиц	73

Научное издание

Алексеева Екатерина Михайловна

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Заведующая редакцией Л. С. Кручинкина. Редактор издательства Е. А. Сенькив
Художник А. Г. Кобрин. Художественный редактор Е. Д. Богачев
Технический редактор И. Н. Жмуркина. Корректоры К. И. Келаскина, Л. В. Щеголев

ИБ № 47490

Сдано в набор 04.12.90. Подписано к печати 17.12.91. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,82. Усл. кр. отт. 12. Уч.-над. л. 11,7
Тираж 1900 экз. Тип. зак. 1505. Цена 4 руб.

Орден Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485. Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6